ПЕРМСКИЕ ЧЕКИСТЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В 1982 году в Пермском книжном издательстве вышла книга «Подвиг пермских чекистов». Она рассказала об истории создания органов государственной безопасности в Прикамье, о деятельности чекистов в период Великой Отечественной войны.

В предлагаемый читателю сборник включены очерки о сотрудниках Пермской ЧК, органов ГПУ. Однако в основном он рассказывает о работе пермских чекистов в послевоенное время, в наши дни.

Составитель Н. П. Козьма выражает благодарность сотрудникам УКГБ СССР по Пермской области и ветеранам органов госбезопасности за помощь в сборе материалов и подготовке сборника.

-
- Пермские чекисты
  - Вместо предисловия
  - А. НИКИТИН
  - Н. ПАЗДНИКОВ
  - Г. СУЛЕЙМАНОВ
  - Л. ГОЛЛАНД, А. БЕЛЯЕВ
  - М. СМОРОДИНОВ
  - В. ПИРОЖНИКОВ
  - И. ЛЕПИН
  - В. СОКОЛОВСКИЙ
  - В. БОГОМОЛОВ
  - Н. КОЗЬМА
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

ПЕРМСКИЕ ЧЕКИСТЫ

ПЕРМСКИЕ ЧЕКИСТЫ

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

Пермские чекисты

Вместо предисловия

Советский народ и все прогрессивное человечество отпраздновали 70-летие Великого Октября. Пройденный страной путь, ее экономические, социальные и культурные достижения — убедительное подтверждение жизненности социализма, марксистско-ленинского учения. Но агрессивные силы империализма не оставляют надежду на социальный реванш, они продолжают делать ставку на силовое превосходство. В осуществлении этой политики особое место отводится спецслужбам США и их союзников, в деятельности которых все большее место занимают политические и вооруженные провокации, беспрецедентные по масштабам идеологические диверсии, попытки прорваться к нашим политическим, военным, экономическим и научно-техническим секретам, ослабить экономический и оборонный потенциал Советского государства.

На всех этапах социалистического строительства, в годы суровых испытаний Великой Отечественной войны, в послевоенный период на, переднем крае борьбы с классовым противником были советские чекисты, вот уже 70 лет защищающие революцию, социализм, его завоевания.

Предлагаемая читателю книга представляет собой сборник очерков о деятельности пермских чекистов в различные периоды, начиная с момента образования Пермской чрезвычайной комиссии и до наших дней. В книге раскрываются высокие нравственные качества сотрудников органов госбезопасности: их верность Коммунистической партии, преданность Родине, воинскому долгу, непримиримость в борьбе с врагами, высокая революционная бдительность, готовность к самопожертвованию при выполнении боевых заданий, мужество, смелость, коллективизм, скромность, чуткость к окружающим, вера в, советского человека. Напряженнейший труд, кропотливая черновая работа без расчета на легкий успех, высокая сознательная дисциплина, постоянная мобилизационная готовность, поиск нового — непременные слагаемые чекистской профессии.

Вся деятельность органов государственной безопасности органически вписывается в общенародное дело ускорения социально-экономического развития страны. Под руководством партии, строго соблюдая советские законы, сотрудники органов КГБ активизируют работу по разоблачению и пресечению всякого рода подрывных действий.

Новое поколение пермских чекистов, реализуя в жизнь

политическую стратегию партии, широко опирается на доверие и поддержку трудящихся, стремится быть достойными продолжателями славных чекистских традиций, надежно держит в своих руках щит и меч революции.

Полковник

А. Олейников

А. НИКИТИН
Назвал себя Маратовым

Глухая осенняя ночь, казалось, стонала от напора бешеного ветра с Камы. Стучали ставни, жалобно скрежетали в своих уключинах водосточные трубы, отливающие корочками матового льда. А город спал. Лишь одинокий огонек трепетал в окне второго этажа здания бывшего губернского жандармского управления. Весной 17-го года стражи старого порядка, предав огню свои архивы, бежали. Здание, напичканное телефонами, заняли общественные организации, комитет РСДРП.

Закутанный в черный, морского покроя, плащ человек неторопливо пересек улицу. Отрывистый стук в дверь, шаги дежурного на внутренней лестнице.

— Никто? — странно спросили снизу.

— Никто! — столь же странно ответили сверху.

Было слышно, как изнутри звякнул тяжелый железный засов.

— Марат? — снова раздалось сверху, когда дверь приоткрылась.

— Да, Маратов! — ответил человек в черном плаще и протянул навстречу руку.

В сумраке коридора руки не сразу нашли друг друга. Но когда коснулись, слились в крепком пожатии так, что хрустнули пальцы.

Переступили порог некогда роскошного кабинета. Назвавшийся Маратовым, сбросив плащ на высокую спинку стула, подошел к старинному камину с тлевшими углями, протянул озябшие руки.

— Значит, в этом камине жандармский полковник сжег заведенное на меня дело?

— Да, наверное, в этом. Вечером разгребал золу и нашел обгоревшие уголки бумаг с печатями охранки.

— Громкого процесса против большевиков у них не получилось. А документы, подумать только! Ведь оказались страшными не для меня, а для тех, кто их фабриковал!

Пришелец повернулся к собеседнику, и лицо его осветилось.

Это был большевик Федор Лукоянов, недавний студент-юрист Московского университета, а теперь журналист и начальник штаба Красной гвардии.

Напротив него стоял Николай Толмачев, тоже недавний студент, но только Петроградского политехнического института, а в те дни — разъездной агитатор.

Свела их вместе бессонная ночь не случайно: Федор дежурил в штабе Красной гвардии, а Николай — в большевистском комитете.

— Разве можно спать в такую ночь! — сказал Федор, обращаясь к Николаю. — Слова твои о том, что, может быть, уже началось, не дают покоя...

Толмачев встал из-за стола, шагнул к камину:

— Тоже не могу уснуть, Федор. Или как ты себя теперь называешь? Маратом?

— Марат в истории был один. А вот Маратовых должно быть много...

— А я об имени своем в истории еще не думал, — дружески усмехнулся Николай, присаживаясь к камину.

— Но ведь и Никто — это не просто никто, а сокращенное: Ник-олай То-лмачев... Правильно понял?

— Правильно... — протянул Толмачев и задумчиво произнес: — Но что все-таки делается в Питере? Товарищи из Центрального Комитета передавали через Свердлова. Первыми восстание должны начать Петроград или Москва. Если сорвется, надежда на Урал.

— Значит, от того, какие вести придут завтра из Питера или Москвы, зависит наша судьба?

— Судьба революции!

Оба замолчали, словно прислушиваясь: не донесет ли ветер каких вестей? Но кругом было тихо: ни гудков, ни выстрелов, ни криков. Лишь слегка потрескивали раскаленные угли в камине.

На столе лежало недописанное письмо. Николай протянул его Федору:

— Может, когда-нибудь внуки будут удивляться нашему нетерпению. Но ведь то, что мы торопили, и было нашей жизнью!..

Лукоянов взял в руки начатое Толмачевым еще вечером письмо и прочел первые строки:

«Пермь, 25 октября 1917 года. Здесь изменений мало... Много митингов... Но не этим полна голова, хотя возня с ними и отнимает целый день. Революция идет к девятому валу. Столкновение в форме «захвата» или «восстания» неизбежно и, по-моему, нужно. Может быть, уже началось...»

И Федор невольно подумал: «Как тонко надо чувствовать время, чтобы так писать! Неужели и впрямь началось?..»

Весть о победе вооруженного восстания в Петрограде телеграф принес в город 26 октября 1917 года во второй половине дня.

В Перми состоялся митинг рабочих и солдат. Федору

Лукоянову как начальнику штаба Красной гвардии предстояло сделать два срочных дела: организовать охрану митинга и отредактировать первый номер большевистской газеты «Пролетарское знамя», руководить которой ему поручил окружной комитет большевиков. Репортерская заметка донесла до нас подробности событий: «Днем по городу пронеслась молва о питерских событиях. Смутно, сбивчиво, из уст в уста передавались последние известия. Хотелось проверить, узнать. И невольно многие вспомнили о трамвайном парке... Всех охотников до речей собралось не менее полутора тысяч».

Митинг проходил в Разгуляе — в трамвайном парке. Высокое здание из красного кирпича выделялось среди деревянных домишек рабочей слободки. В огромное помещение с двух сторон вели по восемь высоких дверей. Под потолком ярко горели электрические лампы.

Расставив красногвардейцев с винтовками у всех открытых дверей, Федор поднялся к Николаю Толмачеву на штабель сложенных рельсов. Они с нескрываемым восторгом окинули взглядом гудящую толпу. И когда мест в зале уже не осталось, с грохотом закрылась последняя, шестнадцатая, дверь. Зал притих, насторожился.

Подойдя к краю стального помоста, Николай не сказал, а скорее выкрикнул:

— Товарищи! Вчера в Петрограде восставшие рабочие, солдаты и матросы штурмом взяли Зимний дворец. Министры буржуазного Временного правительства арестованы. Вся власть в столице перешла в руки пролетариата...

— Скажи лучше, когда Пермский Совет временных комиссаров из города выгонит? — гаркнул что есть мочи раненый солдат, словно боясь, что его могут не услышать.

— Это зависит прежде всего от вас, товарищи солдаты и рабочие! Вы должны ставить эти вопросы и требовать их выполнения...

Потом выступали другие ораторы.

Один из них — эсер Шварц в модном пальто с бархатным воротником — заявил, что Советам не надо торопиться с захватом власти, так как это может вызвать беспорядки. На него зашикали, и он, опираясь на трость, осторожно спустился с помоста.

Слово взял матрос из Ревеля, невесть каким образом оказавшийся в тот вечер в Перми.

— Я предлагаю, — сказал матрос, — поддержать Совет Народных Комиссаров во главе с Ульяновым-Лениным, а от Пермского Совета потребовать взятия власти в городе в свои руки.

Зал зашумел. Раздались голоса:

— Верно! Надо брать власть и в Перми!

Тут выступил вперед Федор Лукоянов. Он поднял руку. Зал слегка затих.

— Товарищи! Есть предложение слова матроса из Ревеля считать резолюцией нашего митинга. Кто за?

Трамвайный парк ответил громом аплодисментов...

Сразу же после бурного митинга Лукоянов поспешил в бывший дом губернатора, где во флигеле разместились штаб Красной гвардии и редакция газеты. Надо было написать о резолюции в номер, а потом снарядить ночной красногвардейский патруль.

Только к полуночи оказался Федор в большевистском комитете. Людей здесь было много. Просидели опять до утра. Обсуждали и намечали план дальнейших действий. Знали, что меньшевики и эсеры без боя не сдадутся...

Враги революции разбросали по городу листки с призывом громить магазины и склады. Это было на руку ворам и бандитам. Клюнул на эту приманку и кое-кто из отсталых солдат.

За три дня до погрома несколько таких листков под названием «Сигнал» поднял у оперного театра Николай Толмачев. Стадо ясно, что контрреволюция спешит совершить провокацию, а ответственность за содеянное переложить на плечи рабочих-большевиков. Тогда как раз впору будет потребовать возврата к прежней «твердой власти».

«Надо предотвратить погром, — решает Толмачев. — Но как это сделать?»

Николай спешит к ближайшему телефону и называет номер:

— Сто тридцать.

Это телефон редактора «Пролетарского знамени» Лукоянова.

Услышав знакомый голос Федора, Николай бросает в трубку:

— Оставь, пожалуйста, место в завтрашнем номере. Надо предупредить солдат. Лечу в комитет, там и решим, что делать...

Обращение, опубликованное в газете 2 ноября, было кратким и ясным:

> «Товарищи солдаты! В городе разбрасываются листовки с призывом к погрому. Товарищи! Помните, что погром — это гибель всех наших завоеваний, гибель революции.
>
> Мы призываем вас не поддаваться этой гнусной провокации. Мы верим, что эти позорные листки встретят с вашей стороны только негодование по адресу тех, кто их распространяет».

Все же погром, хотя и меньшей силы, разразился. В ночь с 3 на 4 ноября зазвенели стекла на пермских улицах, раздались выстрелы. В числе первых было атаковано здание пивзавода, принадлежавшего «Ижевскому товариществу». Ночных сторожей как ветром сдуло. Из ворот завода разъяренная толпа выкатывала бочки с пивом, и те с грохотом неслись вниз по мостовой к Каме. Бочки с криком ловили в темноте грязные, в обтрепанной одежде люди и прямо на улице вышибали булыжником днища.

Потом очередь дошла до винных лавок и продовольственных магазинов. Заодно были выбиты окна в торговом заведении Стерна, издавна торговавшего в Перми модным дамским бельем. Погромщики, натянув на себя длинные белые сорочки, носились по городу как привидения, избивая всех попадавшихся им на пути.

Весь город, казалось, был скован страхом. В расщелинах наглухо закрытых ставен появлялся огонек, но тут же исчезал после выстрела в окно или удара камнем. Обыватели словно вымерли, боясь даже выглянуть на улицу.

Как только начался погром, большевики пошли на заводы, подняли на ноги еще малочисленную в те дни Красную гвардию и взяли под охрану предприятия и продовольственные склады, из которых снабжались рабочие...

Федора Лукоянова и Николая Толмачева эта ночь застала в редакции «Пролетарского знамени» — маленьком флигеле бывшего губернаторского дома на Сибирской улице. Сам флигель находился за домом, в саду. Допоздна светились здесь окна.

Завернул в редакцию и Василий Иванович Решетников. Жил он в Мотовилихе. Был председателем районного комитета большевиков. Подпольщик с 1908 года, Василий Иванович был чуть ли не вдвое старше Лукоянова. И хотя Решетников не был уральцем, приехал сюда в марте 17-го года из Сибири вместе с отбывавшими ссылку мотовилихинскими большевиками, он быстро втянулся в работу, завоевал авторитет у солдат и рабочих.

Наговорившись вволю, решили остаться ночевать в редакции, как это делали уже не раз.

Не успели задуть лампу, как с Сибирской улицы донеслись крики. Гадать не приходилось: началось! Пока Лукоянов и Толмачев звонили товарищам, дежурившим в городском комитете большевиков, Решетников сходил в разведку. Так и есть: погром... Разбудили типографского рассыльного Шуру и послали в Мотовилиху узнать, как там обстоят дела, а сами переулками — за Сибирскую заставу, к солдатским казармам. Хотя было уже поздно, многие окна светились огнями. Заглянули в крайнюю казарму. Там нечто вроде митинга. Полураздетые солдаты сидели

на нарах, стояли в проходах между ними и слушали, видимо, только что прибежавшего из города товарища;

— Родненькие, — говорил он заплетавшимся языком, — чаво тут дрыхнете? В городе такое веселье! Вино рекой течет. Дар-мовое!

— Оно по тебе и видно, — отозвался кто-то из солдат,

— Отведем, что ли, братцы, душу! — выкрикнул другой. — Давно ведь не пили вволю...

Солдаты зашумели.

— Пора! — сказал Лукоянов, делая шаг вперед.

— Погоди, сначала я, — остановил его Решетников.

Василий Иванович вышел на середину казармы, расстегнул шинель, властно поднял руку.

— Товарищи, — сказал он. — Прав солдат! Спать в эту ночь нельзя. Надо идти в город.

Решетников остановился, обвел взглядом настороженные лица и уже более тихим голосом продолжал:

— Но не для того, чтобы вволю напиться, а навести там революционный порядок...

И Василий Иванович коротко поведал о том, что творится в городе.

— Мы обращаемся к вам от имени Пермского комитета большевиков, — встав рядом с Решетниковым, продолжал Федор Лукоянов. — Дело добровольное. Но если вы считаете себя солдатами нашей революции, вы должны пойти на помощь ей.

Слова большевиков, видимо, трогали солдат: они поднимались с нар, выходили из темных углов казармы поближе к ораторам. И когда круг этот стал очень тесным, председатель ротного комитета, здоровенный верзила-солдат, громко спросил:

— А вы, товарищи, пойдете с нами?

— Да, конечно!

— Тогда, кто добровольно, строиться! — скомандовал председатель ротного комитета.

— А винтовки прихватить? — нагнулся он к Лукоянову.

— Не надо. Думаю, обойдемся без них.

— Хотя бы одну? А то какой-нибудь пьяный дурак начнет стрелять без разбору.

— Что ж, тогда одну. На всякий случай...

Через день с помощью мотовилихинских красногвардейцев толпы погромщиков были рассеяны, а оставшиеся в городе запасы вина и водки уничтожены.

Многие обыватели все еще не расставались с мечтой о возврате более спокойной, по их мнению, прежней «твердой власти». Пронять их словами было трудно — на митинги они не

ходили.

«Что бы им подбросить такое, — думал Федор, — чтобы раскрыть глаза?»

Однажды в редакцию «Пролетарского знамени» зашел молодой большевик, член комитета Анатолий Семченко. Вынул из-за пазухи сверток, подозвал Толмачева и Лукоянова.

— Учтите! — сказал загадочно Семченко. — Все, что я сейчас покажу, имеет гриф...

— Какой?

— Совершенно секретный. Вот какой!

— Разыгрываешь?

— Да нет! Смотрите же! — и Анатолий протянул двенадцать конвертов, на которых действительно стоял гриф «Совершенно секретно».

Толмачев открыл один и достал тонкую лощеную бумагу с распиской о получении денег:

> «На покрытие расходов, понесенных мною разновременно в течение текущего 1909 года из собственных средств на личную секретную агентуру и совершенно секретные расходы по приведению в исполнение смертных приговоров, мною получено из сумм Пермского адресного стола триста сорок девять руб. пять копеек.
>
> *И. д. полицмейстера Церешкевич».*

— Выходит, что доходами полицейского адресного стола оплачивалась работа шпиков и палачей?

— Выходит, что так, — ответил Семченко. — А ведь казнили-то они наших товарищей-революционеров.

— Политических преступников, как называла нас полиция, — вставил Лукоянов. — И сколько же она платила своим палачам?

— По-разному. Например, палачу Егорову за приведение в исполнение приговора временного военного суда дано по распоряжению Церешкевича десять рублей. А другому палачу — за казнь трех товарищей мотовилихинского рабочего-боевика Лбова, которые были известны под кличками Сибиряк, Сорока, Фомка, и еще двух осужденных — выплачено в 1908 году 85 рублей...

— Смотри, Анатолий, — перебил Семченко Федор, — они вербовали палачей даже из заключенных. Перед выходом из тюрьмы некий Шамаев, как значится в третьей расписке, заработал на секретном деле 30 рублей.

— Да, полицейские и уголовники в таких случаях находили

общий язык...

— Где же ты взял эти страшные документы?

— В адресном столе. Бывшие его служаки, ставленники полиции, разбежались, а воры во время погрома взломали там сейф. Думали деньги найти, а нашли лишь расписки о них. Ну и, конечно, оставили все на месте.

— А ты знаешь, эти расписки сейчас дороже денег!

— Что ты хочешь сделать? — спросил Анатолий. — Рассказать о них в газете?

— Нет, лучше напечатать сами документы. Все двенадцать расписок. А о том, где ты нашел их, сам и напишешь.

— Согласен! — ответил Семченко и склонился над бумагой...

«Документы палачей», так и назывался материал, вызвали немало разговоров. Нашлись родственники казненных, а во дворе пермской пересыльной тюрьмы были раскрыты тайные погребения. Рабочие торжественно перенесли останки павших борцов в предместье Мотовилихи и там похоронили с почестями. Многие обыватели невольно поджали хвосты, меньше стали вздыхать о «доброй» старой власти.

Шло время. Отряд Красной гвардии в Перми уже насчитывал 800 человек, а контрреволюционная рота Георгиевских кавалеров состояла из 300 человек. Если даже к этой роте добавить несколько вооруженных групп так называемой «самоохраны», созданной реакционным руководством городской управы, то все равно соотношение сил было уже не в пользу врагов революции. Все реже и реже на пермских улицах встречались ночные вооруженные патрули с белыми повязками на руках — из «самоохраны». Зато рабочие с красными повязками и винтовками через плечо стали встречаться все чаще и чаще. И вместе с ними нередко ночи напролет проводил Федор Лукоянов.

Умелая работа пермских большевиков по созданию «реальной силы революции» позволила им стать хозяевами положения в городе, избежать кровопролития. Это преобладание революционной силы помогло сначала совершить, а потом отстоять такой важный тактический маневр, как слияние в Пермский объединенный Совет трех прежних Советов: Пермского городского, Мотовилихинского и Балашовского.

Логика этой тактики была проста. Раз в двух Советах городских окраин преобладают рабочие большевики, а в городском — меньшевики и эсеры, то после объединения их большевики получат явное преобладание. Так оно и вышло. На совместном заседании трех Советов, которое проходило в ставшем уже знаменитым трамвайном парке, председателем объединенного Совета был избран видный уральский большевик,

делегат II съезда Советов Александр Лукич Борчанинов.

Но борьба не ослабевала. Меньшевики и эсеры не хотели без боя сдавать свои позиции. Поднимала голову и ярая контрреволюция. Она налаживала связи с эсерами и меньшевиками, вербуя их в свои ряды. Еще не было чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, и Федор Лукоянов еще не считал себя чекистом, но он уже по существу был им. Создания таких органов требовала сама жизнь, революция.

15 марта 1918 года в парадном зале губернаторского дома заседали члены исполкома Пермского Совета. Речь шла о создании окружного чрезвычайного комитета по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем[1].

Заседание в нетопленом зале вел председатель Совета Александр Лукич Борчанинов.

— Чрезвычайный комитет в Петрограде создан еще в конце семнадцатого года, — сказал он. — Надо и нам свой комитет, так как контра не унимается. Какие будут мнения?

— А он у нас, можно сказать, уже есть! — откликнулся рабочий Ильин. — Это Лукоянов и городской штаб Красной гвардии. Кто погром утихомирил? Кто на вокзалах и улицах порядок держит?

— Все дело в том, — пояснил Борчанинов, — что пришло время заменять нашу гвардию регулярной Красной Армией. Война гражданская уже разгорается. Одними рабочими патрулями и тут не справиться. Нужна сила постоянная, регулярная, что ли?

— Все равно предлагаю Лукоянова, — говорил Ильин. — Он наш товарищ, большевик. С моим патрулем не раз ночами дежурил. К тому же юрист настоящий...

— Не совсем, — откликнулся Федор. — Чуть недоучился.

— А царские законы теперь учить все равно ни к чему, надо свои, новые, создавать!..

Ильина перебила Анна Кравченко, секретарь городского комитета большевиков:

— Предлагаю решить вопрос так. Мы от большевистских комитетов, своего и окружного, посылаем Лукоянова, так как считаем, что доверие оправдает. А другие организации тоже пусть пошлют своих представителей.

— Правильно! — раздались голоса. — Лукоянова председателем!

Борчанинов встал из-за стола:

— Мнения, товарищи, совпадают. Городской и губернский Советы тоже рекомендовали Лукоянова.

Долго еще шли дебаты. Помощником Лукоянова назначили

Малкова, мотовилихинского рабочего и депутата городского Совета. Позже от губвоенкомата в чрезвычайный комитет вошел Георгий Воробцов, от продовольственной комиссии — Трофимов, от железной дороги — Ивонин.

Не успел Лукоянов вернуться в красногвардейский штаб, как раздался телефонный звонок. Снял трубку. На лице тревога.

— Сейчас же бежим туда, — ответил Федор. — Выходите, Василий Иванович.

И, обращаясь уже к рабочим-красногвардейцам, добавил:

— Эсеры испортили городской телеграф. Связь прервана. Не к добру это...

Красногвардейский патруль вместе с Лукояновым и Толмачевым вышел на улицу, У дома бывшего губернатора, где с недавних пор размещался Совет, их ждал Василий Иванович Решетников. Теперь, после слияния трех Советов, он стал первым помощником председателя. Все вместе побежали вниз по Сибирской улице к Каме. Добежав до сада на набережной, свернули по Монастырской улице направо. Окружили двухэтажный каменный дом на углу.

Это и был телеграф. Лукоянов и Толмачев взбежали на второй этаж, где находилась аппаратная. В зале ни души. Подошли к коммутатору и увидели: все провода оборваны.

В аппаратный зал поднялся Решетников.

— Что будем делать? — спросил его Толмачев. — Самим тут не справиться. Хотя бы одного телеграфиста найти.

— Может, поискать среди солдат, — предложил Решетников. — Позвоню-ка в комитет 107-го полка.

В это время с улицы донесся негромкий окрик:

— Стой! Кто идет?

— Не видишь, что ли? Телеграфист!

Выглянули в окно и увидели внизу паренька в огромной форменной фуражке.

Лукоянов кивнул красногвардейцу, чтобы пропустили.

Парнишка вошел в зал, в глазах — растерянность и удивление.

— Значит, говоришь, телеграфист?

— Так точно, телеграфист Аверин.

— Сколько тебе лет?

— Скоро семнадцать.

— Ты был тут, когда ваши все разбежались?

— Нет, я в эту ночь дежурил.

И большевики, рассказав телеграфисту о случившемся, попросили его помочь делу революции — наладить связь.

Осмотрев коммутатор, парнишка сказал, что провода

порваны не все, некоторые лишь сняты с клемм. Можно воспользоваться международной линией Копенгаген — Токио. Телеграфист быстро подсоединил нужные провода, включил батареи.

Аверин сел за один из аппаратов и вопросительно посмотрел на Лукоянова, а тот на Толмачева и Решетникова.

— Давайте попробуем, — сказал Василий Иванович. — Может, Копенгаген даст нам Питер или Москву быстрее, чем Вятка?

Но датский телеграфист, строчивший английским текстом, никак не мог понять, почему вдруг неизвестный ему российский город хочет соединиться через Копенгаген с другим российским городом. Да и какое право имела некая Пермь вклиниться в международную линию!

Пришлось извиниться и выключить аппарат.

Прошло не менее двух часов, пока цветные жилки других проводов не были водворены на свои места. Во всех концах зала лихорадочно застучали аппараты.

Вскоре Пермь соединили с Петроградом. Смольный ответил, что он может переключить Пермь на Москву. Туда 11-12 марта переехало во главе с В. И. Лениным Советское правительство.

— У аппарата Свердлов, информируйте! — передал московский телеграфист.

Решетников и Лукоянов продиктовали, что власть в Перми в руках Советов. Воинский гарнизон в основном на нашей стороне. Железная дорога работает, в городе и на вокзалах порядок поддерживают красногвардейские патрули. Буржуазия спровоцировала погром, но он ликвидирован. Жертв пока нет...

— Почему не было связи с Пермью и всей Сибирью?

— Эсеры организовали забастовку телеграфистов. Принимаем срочные меры, — отвечал Решетников.

— Товарищ Свердлов передает свой личный привет Борчанинову...

Василий Иванович тут же бросил Лукоянову и Толмачеву, что Свердлов знаком с Борчаниновым чуть ли не с пятого года.

Затем телеграф стал передавать задание для Перми. Из центра требовали, чтобы все поезда, идущие на восток, большевики останавливали и проверяли, обезоруживали всех проезжих, не имеющих заданий от Советской власти. Надо накапливать оружие и не пропускать бегущую на окраины буржуазию и контрреволюцию. Кроме того, потребовали немедленно взять под надежную охрану золотой запас в банке и усилить охрану телеграфного узла, так как через Пермь идет связь с Сибирью...

Не успел Аверин дать отбой, как началась перестрелка. Стреляли из окутанного осенней мглой Козьего загона. Пули, разбив стекла, впивались в потолок и осыпали зал известковой пылью. На огонь красногвардейцы ответили огнем. Попытка эсеров сначала испортить телеграф, а потом захватить его силой не удалась.

— Сейчас же пришлю сюда подкрепление, — говорил Лукоянов, расставаясь с Решетниковым, — а вот золотым запасом вы, Василий Иванович, наверное, сами займетесь.

— Да, завтра с утра.

— А мы сегодня ночью проверим наш заслон на Перми второй.

Пожав друг другу руки, они расстались.

Федор и Николай продрогли, ожидая извозчика у Гостиного двора. И когда тот появился, что есть духу понеслись на Пермь II. На вокзале они тут же разыскали начальника охраны Павла Малкова.

— Пока все нормально, — сказал Малков. — Разведка нам помогает.

— Какая еще разведка?

— Да очень простая. На станцию Вознесенскую[2] двух наших ребят отправили. Там у них тещи, что ли. А главное, останавливаются все поезда, идущие в Пермь. Так эти ребята по очереди и прощупывают их. На маленькой станции с водокачкой все виднее. Если чего подозрительное — знать по железнодорожному телеграфу дают. Сегодня днем по их телеграмме чуть ли не целый вагон офицеров разоружили.

— А как мост через Каму?

— Тоже все в порядке. Туда мы перевели свои основные силы. Зачем, думаю, на станции лишний шум поднимать. Лучше на той стороне Камы. Место пустынное, насыпь перед мостом высокая. Любой поезд как на ладони. А у моста наши пулеметы. Там и решили устраивать проверку.

Лукоянову и Толмачеву понравилась распорядительность Малкова, но они все-таки решили вместе с ним провести эту ночь у моста.

Уже направились к дрезине, стоявшей у пустынного перрона, когда к Павлу подошел железнодорожный служащий и сунул в руку маленький клочок бумаги.

— Депеша с Вознесенской, — сказал он тихо, исчезая в сумраке ночи.

Малков сдвинул на затылок кожаную кепку, сморщил лоб.

— Что-нибудь серьезное? — спросили враз Толмачев и Лукоянов.

— Да. Три вагона казаков с оружием на подходе к Перми. Разговор будет сердитый.

Дрезина быстро проскочила стрелки. Когда въехали на мост, фермы гулко запели. Внизу под насыпью, слева и справа, горели костры, мелькали фигуры красногвардейцев. Прямо перед мостом на правом берегу были установлены два пулемета.

Ночь уже подходила к концу, когда вдали показался поезд. Над мостом загорелся красный фонарь. Машинист остановил паровоз в нескольких метрах от пулеметов. Высунувшись в окно, крикнул:

— В чем дело?

— Контру ловим! — ответили ему красногвардейцы.

— Это пожалуйста!

— Отцепи пока свой паровоз да постой на мосту. Мы тебе ребят для помощи выделим.

В трех теплушках едва мерцали огоньки, оттуда доносились грубые голоса. Красногвардейцы стучали прикладами в двери вагонов. Они со скрипом открывались, и сонные казаки зло ругались.

— Именем Советской власти предлагаем сдать оружие!

— Ишь чаво захотели! — И казаки защелкали затворами.

Раздался выстрел. Стоявший рядом с Лукояновым и Толмачевым красногвардеец схватился за плечо.

Застучали пулеметы у моста. Пули засвистели над крышами вагонов.

— Осторожно! — крикнул казакам Малков. — Вы окружены. Впереди мост, по бокам пулеметы. Проезда дальше не будет, если...

Нехотя сбрасывали казаки на песок винтовки и сабли. Когда все оружие было собрано, дали знак машинисту паровоза. Он снова прицепил его к поезду, и тот медленно пополз через мост.

В одной из теплушек, возвращаясь в Пермь, Лукоянов и Толмачев расспрашивали казаков, куда и зачем они едут. Оказалось, что те совсем недавно покинули фронт и спешили в Сибирь, на свою родину. О том, что произошло в Петрограде, у них было смутное представление. Большевики решили рискнуть: организовать в Перми митинг.

Казаки гудели, перешептывались, но злобных выкриков не было слышно. Внимательно слушали они солдат-большевиков из Пермского гарнизона. Видно было по всему, что митинг не прошел для казаков бесследно. Слова большевиков западали им в душу и начинали там свою невидимую работу.

По мере того как все четче определялось лицо контрреволюции и росли ее силы, развивалась и

совершенствовалась структура чрезвычайного комитета. К осени 1918 года штат чекистов в Перми и городах губернии достиг двухсот человек. Создается особый отряд из четырех рот, с артиллерийской, конной и пулеметными командами.

Редко какую ночь спал Лукоянов.

— Товарищ Маратов! — докладывал Малков. — Городская дума, не закрывая прений о продовольственном вопросе, перешла к обсуждению способов борьбы с большевиками.

— Продовольствие для народа интересует их меньше всего?

— Да, они нарочно затянули решение этого вопроса.

Последний оплот старого мира распущен, самые отъявленные саботажники взяты под стражу...

— Алло, Лукоянов? — звонил по телефону Воробцов. — Вечером анархисты захватили несколько зданий в городе. Готовится вооруженный заговор.

Анархистские гнезда окружены. Отнятое у них оружие роздано рабочим Мотовилихи. Несколько главарей арестовано и выслано за пределы губернии. Такая же участь постигла лидеров пермских эсеров и меньшевиков.

Однажды утром, пробираясь через забитый просителями коридор «чрезвычайки», Лукоянов увидел знакомое лицо юного телеграфиста. Это был Аверин.

— Есть какое дело? — спросил Федор.

— Товарищ Маратов, — произнес парнишка нерешительно и тут же замолк, подыскивая нужное слово.

— Ну, ладно! Заходи... — и Федор толкнул дверь кабинета.

Телеграфист снял фуражку, извлек из нее свернутую в трубочку бумажку и подал Лукоянову. Тот развернул листок, начал читать:

— «...Ввиду критического положения Советской власти и того, что она оставлена массами, необходимо сделать шаг назад перед буржуазией всех стран, как это было в истории французской коммуны. На днях выйдет декрет о некоторой денационализации...»

Лукоянов поднял от удивления брови и, рассмотрев внимательно телеграфный бланк, продолжал уже шепотом:

— «ВЦИК постановляет принять всех вчерашних саботажников и капиталистов... чтобы поднять предприятия и производительность страны. Всякие контрибуции должны быть безусловно прекращены... Предполагается возобновить некоторые учреждения, бывшие при Временном правительстве...»

— Что за чертовщина? — воскликнул Лукоянов. — Откуда получена телеграмма?

— Бают, что ночью из Москвы, а сейчас рассылается по всей

губернии вне очереди. Правительственная!..

И только теперь Лукоянов заметил самую нижнюю строчку: «подписал Свердлов».

— Как мог Яков Михайлович подписать такую телеграмму? — воскликнул Лукоянов. — Ведь это на руку саботажникам...

— И мне странной она показалась, — вставил телеграфист. — Дюже длинная, запятых и точек уйма. В Москве, поди, лучше депеши складывают!

— Спасибо за помощь, товарищ! — сказал Маратов, вставая из-за стола и надевая маузер через плечо. — Сейчас все выясним...

Посланный из Перми запрос на имя Свердлова заканчивался словами: «Просим немедленно и срочно телеграфировать, так как подобные депеши рассылаются по всей губернии». Ответ пришлось ждать недолго: «Лукоянову... Приведенная вами телеграмма... гнусная ложь, распространяемая, несомненно, контрреволюционерами. О заседании ВЦИК были разосланы телеграммы, радиограммы, только другого содержания. Председатель ВЦИК Свердлов»[3].

На какие только хитрости не пускались враги революции, какие средства не пытались использовать. Каждый день надо быть в полном смысле начеку. Помогали рабочие, мелкие служащие — все те, для кого революция стала кровным делом, надеждой на будущее.

— В бога, сынок, я верую, — говорила Маратову пришедшая на прием старуха, — но революция мне роднее. Спасибо новой власти за то, что повыгоняла жирных монахов из архиерейских соборных домов и монастырских гостиниц, а нас, бедняков, туда поселила.

Старуха развязала черный платок, перекрестилась на пустой угол и прошамкала:

— Да только попы, слыхивала я, хотят большевикам варфоломеевскую ночь устроить.

— За что же?

— А за дома свои, за земли монастырские...

— Верно, земель теперь у них не будет. Зато веру-то мы им оставляем.

— Эх, сынок! Поняла я, старая, что не вера им дорога, а блага земные, чреву угодные. Ишь сколько злата-серебра, муки да всякой снеди напрятано в монастырях, а народ с голодухи пухнет.

Епископ пермский и кунгурский Андроник, подстрекаемый белогвардейскими офицерами, стал во главе широкого контрреволюционного заговора. Сначала с амвона кафедрального собора Андроник предал анафеме «супостатов и антихристов»

большевиков. Потом отправил в горсовет ультиматум, в котором предупреждал: «...будете поставлены в неизбежную необходимость иметь дело с самим возглавляемым и предводительствуемым мною верующим народом».

Как ответить епископу? Лучше всего — через газету.

Прошло уже полгода, как Маратов перестал редактировать «Пролетарское знамя». Эта газета выходила до 30 декабря 1917 года. Ее преемником стали «Известия Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов» (с 26 апреля 1918 года «Известия Пермского окружного исполнительного Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов»),

Андроник, сам того не зная, подсказал тему для злободневного публицистического выступления.

> «От конфискации, — писал Лукоянов, — вера не пострадает». Андроник считает себя представителем народа. Но почему тогда народ не избрал его в Совет? Епископов народ не избирает, а вот рабочих в Совет посылает. Словом, нет у Андроника «прав ни моральных, ни юридических быть вождем».

Ровно в полночь мотовилихинского рабочего Георгия Комелькова разбудили короткие гудки паровоза. Привычно сунув револьвер в карман, он выбежал из избы и стал спускаться вниз с крутой горы. В прицепленном к паровозу вагоне уже слышались шутливые голоса:

— Скорее, к обедне опаздываешь!

Многие красногвардейцы, ставшие чекистами, по-прежнему жили в Мотовилихе. И чтобы быстро попасть в Пермь в случае тревоги или какой другой нужды, на станции всегда держали под парами паровоз с теплушкой.

— Нешто опять погром или анархисты? — рассуждал вслух Комельков, обращаясь к человеку в черном плаще.

— Да, Георгий, погром. Которого, однако, не будет...

— Товарищ Маратов! — удивился Комельков. — А я вас сразу и не признал.

Из вагона выглянул Воробцов:

— Дайте сигнал машинисту. Отправляемся!..

По дороге в Пермь Лукоянов коротко доложил о ситуации:

— Через три часа в городе должен раздаться набат. Попы и белые офицеры решили поднять мятеж. Сигналом к нему послужит удар большого колокола на кафедральном соборе. Там сейчас заперлись Андроник и его приспешники. Совещаются. Надо избежать кровопролития — накрыть это сборище и

расстроить планы. Задача ясна?

— Ясна, ясна, — отозвались голоса.

— А если все-таки колокол громыхнет и отзовутся другие церкви? — спросил Комельков.

— Предусмотрен и другой вариант, — ответил Маратов. — В случае набата по улицам в разные стороны поедут пожарные, а в нескольких местах на городских окраинах будут зажжены поленницы дров. Но этот маскарад на всякий случай, чтобы сбить сонную толпу с панталыку. Главное, захватить Андроника...

Паровоз с потушенными огнями подошел к крутому камскому откосу. Где-то наверху, в разрывах проплывающих облаков, луна освещала огромный позолоченный купол и высокую белую колокольню. Кругом, казалось, ни души. Лишь ленивая речная волна набегала на пологий берег и неторопливо сбегала назад.

Цепью, держась друг за друга, чекисты поднялись на площадь перед собором и окружили его со всех сторон. Постучали в запертую дверь. Никто не отозвался. Постучали еще раз, уже сильнее. В ответ — опять молчание.

К стоявшему рядом с Комельковым чекисту шагнул Лукоянов:

— Сейчас на колокольне может появиться звонарь. Надо перехватить.

Двое чекистов подошли к водосточной трубе примыкавшего к собору архиерейского дома. Один подставил плечи, другой, встав на них, зацепился за карниз, подтянулся, пополз по крыше...

На колокольне мелькнула тень. Кто это? Внизу замерли. Но вот мелькнула еще одна тень. Короткая схватка, и вниз на булыжник со звоном упала финка. Все облегченно вздохнули. Андрониковского сигнальщика спустили на веревке, вытащили кляп изо рта. Звонарь заорал благим матом.

— Кричи громче, чтоб слышали и там! — Лукоянов показал рукой на запертые двери.

Воробцов ударил по ним рукояткой маузера:

— Открывайте! Звонарь связан. Люк на колокольню закрыт. Вы окружены. Сопротивление бесполезно!

Не сразу, но дверь со скрипом открылась. Епископа Андроника в белой праздничной одежде застали упавшим ниц перед иконами. Зло смотрели на чекистов его ближайшие «пастыри» и несколько «монахов» с военной выправкой под монашеской одеждой. Всего было арестовано шестнадцать человек. Нити заговора вели в Белогорский мужской монастырь, где скрывались черносотенцы и монархисты, в том числе бывшие жандармы. В кельях обнаружили заряженные винтовки и пулеметы.

До нужного срока чекисты хранили в тайне отдельные имена

и особенно часы и даты — начало ответственных операций. Но в целом чрезвычайная комиссия отнюдь не засекречивала свою работу. Списки арестованных печатались в газетах. О следственных делах, назначенных к рассмотрению в революционном суде, тоже заранее сообщалось в местной печати.

И все это здорово помогало делу революционного правосудия. У людей, задержанных однажды по ошибке, тут же находились защитники из рабочей среды. Зато у настоящих врагов революции после публикации появлялись сотни обвинителей и свидетелей. Так было с подкупленным жандармами Казариновым. В 1912-1916 годах, работая сначала в Пермских железнодорожных мастерских, а потом на лесопильном заводе Балашовой, этот осведомитель выдал охранке немало бывших товарищей. Следственное дело на него, скрупулезно изученное Лукояновым, состояло из пяти томов в несколько тысяч страниц.

Тем не менее первые приговоры, выносимые революционными судами, были очень гуманными. Как уже говорилось, изобличенные в предательстве интересов народа лидеры местных анархистов, эсеров и меньшевиков были лишь высланы за пределы губернии. Многие невольные «знакомцы» ЧК были отпущены под честное слово: не вести враждебных действий против власти Советов. Даже полностью разоблаченный провокатор Казаринов был приговорен лишь к пяти годам содержания в губернской тюрьме[4].

После суда над ним один из чекистов привел к Лукоянову своего товарища и сказал:

— По милости провокатора его отец навеки остался в сибирской земле. Парень надежный. Контру люто ненавидит. Нам такие, наверное, нужны.

У парня загорелись глаза, на лице заходили желваки:

— Контру готов зубами...

Лукоянов встал из-за стола, подыскивая нужные слова. Они не приходили сразу на ум. Не хотелось отказом обидеть ни того, ни другого. Парни выжидающе смотрели на председателя губчека. Дескать, в чем же дело?

— Мы хорошо понимаем ваши чувства, — произнес наконец Лукоянов. — Но... Если говорить кратко и честно, вы для нас не подходите. Боюсь, что будете жестоки. Комиссию мы создали не для мести нашим бывшим врагам...

И, немного подумав, Лукоянов добавил:

— Советую пойти добровольцем в Красную Армию.

В августе 18-го года был убит председатель Петроградской ЧК Урицкий, еще раньше — видный большевик Володарский.

Эсерка Каплан тяжело ранила Владимира Ильича Ленина. Осложнилась обстановка и на Урале.

Потерпев крах в губернском центре, контрреволюция стала вить гнезда в провинции. Вооруженные мятежи вспыхивали то в Нижнем Тагиле и Невьянске, то в Осе и Усолье. Враги революции терпели поражение в одном месте, но снова и снова давали о себе знать в другом...

На Оханскую пристань прискакал красноармеец с простреленной грудью.

— В Сепыче мятеж, все перебиты, — сказал он, обливаясь кровью. — Телеграмму в губчека...

Спустя полчаса в кабинет Лукоянова вошел дежурный. Но что это? Председатель уронил голову на стол, на разложенных бумагах — капли крови...

Дежурный выхватил маузер, бросился к окну. Но оно было целым, а за ним — ни души... Подошел к Лукоянову, тронул за плечо. Тот медленно поднял бледное, как бумага, лицо и с трудом раскрыл глаза:

— Прошу не беспокоиться. Это из горла. Сейчас пройдет.

Громада ответственности и уйма дел, подстерегавшие на каждом шагу опасности, наконец, недоедание — делали свое дело. Кровь горлом шла уже не раз — давали знать больные легкие. И голова, словно в огне, раскалывалась от боли.

Что же произошло в Сепыче? Этот вопрос не давал покоя Лукоянову. Донесения отправленного туда с отрядом члена губчека Воронцова помогли выяснить картину.

Летним утром в село Сепыч приехал из Оханска военком с группой красноармейцев, чтобы вместе с работниками сельсовета провести митинг. Предстоял призыв в Красную Армию. Восточный фронт приближался к Уралу, и мобилизация становилась важным и неотложным делом.

Но как только начался митинг, вооруженные винтовками и кольями кулаки под предводительством прапорщика Мальцева неожиданно напали на собравшихся. Красноармейцы, советские работники и коммунисты были зверски убиты. После этого Мальцев и кулацкие главари провели в окрестных селах принудительную мобилизацию крестьян в так называемую «народную армию».

Когда отряд Воробцова подошел к Сепычу, его встретили ружейным огнем из свежевырытых окопов. Первая атака не принесла успеха. Отойдя на ночлег, в штабе отряда разработали детальный план последующих боевых действий.

— Завтра группа бойцов завяжет бой на прежнем месте, — сказал Воробцов, — а большая часть отряда под покровом ночи

должна будет выйти к селу с тыла.

И каково же было удивление красноармейцев, когда на другой день они вошли в Сепыч без единого выстрела. Мобилизованные в белую армию крестьяне сами связали и выдали зачинщиков мятежа. Белоэсеровских главарей расстреляли на месте по приговору ревтрибунала. Рядовые участники сепычевской «народной армии» были прощены Советской властью, некоторые из них записались добровольцами в Красную Армию.

Сепычевский мятеж послужил пермским большевикам хорошим уроком. Лукоянов доказывал: мало раздать землю крестьянам, отобрав ее у монастырей и мироедов-кулаков. Крестьян надо постоянно просвещать. Честно и открыто говорить о том, что происходит в стране, подробно и доходчиво отвечать на вопросы, которые их тревожат. А именно эта работа и была ослаблена в последнее время в губернии. Коммунисты, советские работники оказались непомерно перегружены практическими делами, и пропаганда в гуще масс временно как бы отошла на второй план. Особенно это чувствовалось в отдаленных западных уездах, граничивших с Вятской губернией.

Поставленные Лукояновым вопросы глубоко обсуждались в Уральском обкоме партии и исполкоме губсовдепа, в уездных комитетах партии. В провинцию выехали многие рабочие-коммунисты. Туда послали книги, газеты. Собираясь в уезды, чекисты тоже стали запасаться листовками, готовить политические беседы и выступать с ними перед крестьянами.

Восточный фронт быстро приближался к Перми. Осенью 18-го года значительная часть губернии стала ареной ожесточенных боев. Еще весной во главе полка уехал под Оренбург Решетников. Главным политическим комиссаром 3-й армии Восточного фронта шел по дорогам войны Толмачев — «товарищ Никто». Уходили на фронт отряды чекистов. Они бросались в самое пекло, дрались до последнего патрона...

На одном из пустынных лесных полустанков в штабной вагон бронепоезда трое внесли на руках четвертого, худого и беспомощного, в кожанке и с маузером на ремне. Лицо его было бледным, на губах капельки крови.

Николай Толмачев наклонился к почти безжизненному лицу и от удивления воскликнул:

— Товарищ Марат!

Человек с забинтованной головой ответил вполголоса, но ясно и четко:

— Товарищ Никто! Ты же знаешь, что я назвал себя Маратовым.

Дальше Толмачев слов не расслышал. Их заглушил залп бронепоезда. Могучее эхо неслось по горам и лесам и долго не утихало. Но губы Лукоянова упрямо шептали:

— Теперь я знаю... Знаю девятый вал революции!

— Да, да, — отвечал Толмачев, — мы его одолеем, мы — матросы великого корабля, которому плыть и плыть[5].

Н. ПАЗДНИКОВ
В нердвинских лесах
Воспоминания чекиста-ветерана

Весной 1927 года инкассатор спиртозавода Хайн поехал по делам службы в Нердвинский район. Вернувшись оттуда, заявил, что на одной из лесных дорог его ограбили, отняли около 3000 рублей собранной выручки и имевшийся при нем револьвер...

А спустя месяц вновь пришла весть из тех же мест о разбое, правда, теперь уже не в угрозыск, а к нам, в окротдел ОГПУ. Школьный учитель одной из глухих нердвинских деревень сообщал, что в их крае банда терроризирует население. Люди жаловаться на нее боятся, опасается расправ даже милиция. Письмо в ОГПУ могло встретить любопытных на местной почте, а от них весть дойти и до бандитов. Поэтому учитель послал письмо с нарочным за полсотни километров до станции Григорьевская.

Седой как лунь, но вполне бодрый, рассудительный и неболтливый дед Евсей для столь важного дела успешно совершил немалый для его девяноста лет верховой рейд до станции.

Пермяки знают свой Ленинский райсовет, что в центре города, на улице Кирова, 57. Здесь с осени 1926 года помещался Пермский окружной отдел ОГПУ, и с той же поры его начальником был П. П. Покровский — коммунист с 1907 года, бывший тульский подпольщик.

Петр Петрович перед назначением на эту должность был начальником Златоустовского окротдела ГПУ, в порядке партийного поручения еще и преподавал политдисциплины в местном экономтехникуме. Он больше походил на педагога, чем на военного, хотя прошел всю гражданскую войну, имел опыт партизанской борьбы с врагами. Этот требовательный к себе и подчиненным человек не допускал бестактности в отношениях с людьми, никогда не повышал голоса в разговоре и даже к арестованным обращался на «вы». Взысканий к сотрудникам у него не практиковалось, но дисциплина в отделе держалась крепкая.

Заместитель Покровского — Коллегов Иван Карпович, собранный и тактичный человек, коммунист с 1918 года. В составе Тюменского Красного кавэскадрона дрался с белочехами, рвавшимися на Урал. В сентябре 1918 года тюменцы влились в Стальной Путиловский кавэскадрон, вскоре развернутый в

Стальной Путиловский кавалерийский полк. Прикрывая отход 29-й дивизии, полк этот не выходил из боев, в одном из которых один эскадрон его был целиком изрублен белоказаками.

Враг ненавидел путиловцев, терпя от них большой урон. Так, совершив обходный маневр, путиловцы почти целиком уничтожили 3-й барнаульский полк врага у деревни Верхний Кутамыш, близ железнодорожной станции Комарихинская. А в дни падения Перми, пройдясь по тылам белых, путиловцы сорвали их план окружения наших войск в пермском Закамье. В одном из этих боев, в деревне Ломаки Ильинской волости, был убит заместитель командира полка латыш Рэдис, а Иван Коллегов ранен.

Когда партия послала Покровского и Коллегова работать в органы ЧК, свой боевой опыт они перенесли на борьбу со скрытыми врагами. У них здесь учились, с них брали пример молодые чекисты.

Ликвидацией банд вообще-то занимались мы, сотрудники Особого отдела, но сигнал из Нердвы пошел не к нам, а в другой отдел. Что ж, будем работать сообща. Вначале решили скрытно проверить все и лишь потом действовать. За дело взялся лично начальник отдела Василий Иванович Павлов, чекист с уже немалым опытом. С тремя своими и одним нашим сотрудником он отбыл в глухой Нердвинский район. Под видом шатающихся бродяг наши разведчики внимательно изучали обстановку. В июньскую жару ночевали то в стогах сена, то в лесу. Павлов в гриме старика ходил в школу к учителю за сведениями о бандитах. На многих из них удалось выйти. Опасаясь, что они, заподозрив неладное, могут исчезнуть, Павлов решился на их арест, но главарь банды Иван Коуров из-под конвоя бежал.

Привезя бандитов в Пермь, Павлов сдал их в наш отдел. Мне поручили розыск Коурова и других членов банды. В ту пору я вел также дело о колчаковской контрразведке, по которому проходило тридцать обвиняемых. Для экономии времени допросы по двум этим крупным делам пришлось вести в канцелярии тюрьмы. Случайно здесь повстречался мне сослуживец по Пермской ЧК Михаил Чазов. Он сообщил, что со мной очень хочет поговорить один заключенный. Бывший красноармеец Терехов, осужденный за должностной проступок, рассказал, что в числе лиц с малым сроком заключения его намечают к отправке на заготовку дров и что кое-кто склонен к побегу. Его сосед по камере Николай Коуров посоветовал: лучше всего спасаться от поимки в глухих нердвинских лесах. Бандит обещал Терехову приют у своих друзей и денежную помощь, если тот увезет к ним его весточку. Наше начальство санкционировало мнимый побег

Терехова, и явка в бандитское логово попала в наши руки.

Безграмотная записка Николая Коурова, старшего брата главаря банды, к своему дружку Александру Паисову была паролем для встречи с ним. Вот дословный ее текст: «Алексан, помнишь на сарае или мед, ты, Алексан дал мне пистоны. Увирься на эти слова, Алексан...» А на словах бандит просил вызволить его из тюрьмы. На прогулках он заметил, что лишь один охранник стоит у входа в тюрьму, еще шесть солдат приходят только на ночь. Учтя это, он решил, что если под видом конвойников, но несколько раньше, придут его «лесные братья», то, пущенные во двор тюрьмы, они легко освободят его. Оружие в банде имелось, а солдатская одежда была тогда почти в каждой семье. Чтобы в тюрьме больше поверили в подлинность «караула», Коуров просил прихватить имевшийся в банде пулемет. Тот, хотя и не действовал, но несомненно придал бы «оборотням» более внушительный вид.

Стремясь смыть с себя вину, Терехов склонен был сам рискнуть жизнью, пойдя в логово банды, но Павлов предложил найти для этого своего разведчика и вызвал всех сотрудников. Он заявил, что с явкой в банду пойдет лишь тот, кто сам решится на этот, безусловно, очень опасный шаг. Павлов дал людям подумать. Наконец один из них — Зонов — сказал, что согласен, выразив, однако, сомнение, не раскусят ли бандиты, его — интеллигента, бывшего офицера царской армии. Примут ли за беглого уголовника? Снабдить мозолями его руки мы не могли, но кое-что придумали.

По делу, что вел я тогда, сидело много офицеров, и Зонов, по нашей легенде, стал одним из них. Боясь расстрела, он якобы бежал из тюрьмы, скрыться решил в глухих нердвинских лесах, что будто бы посоветовал ему сосед по камере Коля Коуров. А чтобы знать его внешность, если спросят, Зонов дважды присутствовал на допросе бандита в окротделе ОГПУ.

Офицерской выправки Зонову было не занимать, военных знаний тоже. Пришлось лишь ввести его в курс мнимых тяжких преступлений против Советской власти. Зонов хорошо справился с заданием. Добыв нужные сведения, он ушел из нердвинских лесов.

Операция по окончательной ликвидации банды была поручена мне.

В конце июля 1927 года я выехал с двумя милиционерами угрозыска — Дедовым и Толкачевым — в Нердвинский район. На месте нам придавалась вся милиция местных сельсоветов: Тимшатского, Первомайского, Паздниковского, в помощь организовывалась группа местных коммунистов и комсомольцев.

В созданный из них небольшой отряд охотно пришли и беспартийные из бывших красноармейцев и солдат царской армии. Всем им хотелось как можно скорее избавить свой край от ненавистных бандитов.

В ходе следствия выяснилось, что в 1919 году, уклонившись от призыва в РККА, братья Коуровы скрывались в лесах, сколотив из подобных себе дезертиров вооруженную банду, разбойничавшую на проезжих дорогах.

Село Тимшата было в центре их «деятельности», там мы и обосновались. Пустовавшая летом школа и сельсовет стали нашим «штабом». Здесь я получал все сообщения о бандитах, допрашивал задержанных, отсюда вел поиск в окрестных лесах.

Недавний пограничник, тимшатский комсомольский секретарь Герасим Старков отлично знал родные места. Кудрявый русый молодец безусловно обладал даром перевоплощения. Раз поздно вечером встретил я женщину на лесной тропе с грибной корзиной, и не задень та меня слегка рукой за бок, вряд ли признал в ней нашего Герасима.

В соседнем, Первомайском сельсовете нашу поисковую группу возглавлял секретарь партячейки Югов, в первую мировую войну воевавший на французской земле. Там, под Верденом, на Марне, он не раз видел смерть в лицо. Вернувшись в 20-м году в Россию и став коммунистом, сражался на Южном фронте.

И Герасим Старков, и Василий Югов затем стали работниками ОГПУ.

Из добровольцев Паздниковского сельсовета нам много помогал мой однофамилец Алексей Егорович Паздников. Это был человек большой выносливости, всегда оптимистичный. В 1913 году призванный на действительную военную службу в царскую армию, он служил в 1-м Финляндском полку. Здесь и застала Алексея первая мировая война. Корпус армии генерала Самсонова, куда входил полк, в августе 1914 года ворвался в Восточную Пруссию, но, далеко оторвавшись от своих, был окружен крупными силами врага.

Паздников попал в плен. После многих бесплодных попыток к побегу лишь в конце войны бежал-таки Алексей из «Ермании», как он всегда называл ее.

Прибыв домой летом 1918 года, он вскоре ушел добровольцем в Красную Армию. В рядах славного 22-го Кизеловского полка Особой бригады, а затем 452-го полка 51-й дивизии он воевал против войск Колчака, Врангеля. Участвовал в штурме Перекопа.

После гражданской войны, как и до солдатчины, он трудился в деревне только летом, зимой же работал в шахтах Кизела и

Губахи. Там в 1924 году стал коммунистом Ленинского призыва, и горняки губахинской шахты имени Володарского избрали его заведующим рабочим клубом. Алексей — ветеран двух войн — мог много рассказать молодым ребятам, и те всегда охотно слушали его. Бывалый солдат, бывший Георгиевский кавалер, Паздников был у нас дежурным начальником караула, участвовал в поимке бандитов.

Мы задержали уже ряд участников банды, когда нащупали след их главаря Ивана Коурова. Утром 17 августа он был замечен в лесу близ деревни Барановая с винтовочным обрезом в руках. В организованной облаве бандит был ранен в плечо и задержан. Повезли его в ближайшую больницу в село Рождественское. Помимо раненого, в телеге ехали я и милиционер Дедов. От большой кровопотери Коуров был бледен и слаб. Не касаясь ничего другого, я задал ему лишь один вопрос: «Где хранится у вас пулемет?» Довольный, видимо, сделанной ему перевязкой и вежливым обращением, Иван, улыбаясь, тихо ответил: «Ищите там, в лесных поленницах». Он что-то еще лепетал заплетающимся языком. Я старался пояснить, что говорить ему вредно. Лишь к вечеру вернулись мои ребята из окрестных лесов. Осмотрев все поленницы, пулемета они не нашли, а привезли большую корчагу с медом, обнаруженную средь них. Я разрешил отрядникам поделить между собой мед, часть его, однако, распорядился отдать на поправку бандиту и охранявшим его нашим людям.

Несколько подлечившись, Коуров уклончиво отвечал на вопросы о пулемете. То обещал вспомнить, где он спрятан, то вдруг говорил, что банда сама не знает, где он зарыт в лесу. На вопрос: «Как был добыт пулемет?» — Иван ответил, что убил красного пулеметчика кто-то из дезертиров, а кто именно, он не знает. Боясь, видимо, кары за это убийство, Коуров так и не выдал нам пулемет.

Бандиты — главные клиенты винных лавок — не грабили их, в отличие от лавок с другими товарами. Время сбора денег инкассаторами не являлось для них секретом, равно как и путь возвращения их из Нердвы в Пермь. Вот почему не с частичной, а с полной выручкой Хайн и был ограблен на обратном пути. Стрелять в грабителей он не решился, сам отдал им деньги и револьвер. Столь легко добытый большой куш редко выпадал в дорожном разбое. Бедней и трудней был грабеж сельских лавок и жителей, а потому конокрадство стало главным промыслом банды, ведь куда легче угнать лошадей с ночного пастбища и продать их в соседнем вятском крае. Для купли и продажи коней в то время существовали специальные карточки, заверенные

сельсоветом. В них значились все приметы «товара». Без этих карточек сбыть ворованных лошадей было трудно. Да, но ведь банда не первый год занималась конокрадством, не одну сотню лошадей «загнала». Где же брала она «конские паспорта»?

В ходе допросов Ивана Коурова выяснилось, что один из членов банды, некто Борисов, устроился работать наборщиком в типографию города Кудымкара, там печатал карточки, заверял фальшивой печатью. Об этом я дал шифровку начальнику окротдела ОГПУ Покровскому, тот приказал арестовать преступника и доставить его в Пермь. Однако в пути следования Борисов бежал от небдительного конвоя и лишь один из всей банды еще гулял на свободе.

Узнав о его побеге, я взялся изучать всю родню Борисова, которая жила в деревне Грудная Нердвинского района. Сестра его на допросе дала ценные показания. Эта простая деревенская женщина очень помогла следствию. Вот вкратце ее показания:

«Я осуждала брата за дружбу с Коуровыми и была рада отрыву от них с его отъездом в Кудымкар. Не знаю, в чем виноват мой брат, но я хочу вам помочь, чем могу. Наш судья Новиков недавно переведен в Верещагино, а до его отъезда была я у них прислугой, и вот что мне бросилось в глаза: семья его — восемь человек, а против других он живет богато. Всегда обильная мясная пища не только для семьи, но и для огромной охотничьей собаки. За обедом выпивка, а в запасе всегда четвертная (трехлитровая бутыль водки). Зимой бывали случаи ночного привоза судье коровьих туш. Кто привозил, не знаю, так как моей подмогой не пользовались, а управлялись сами...»

Я допросил несколько потерпевших от бандитов сельских жителей, жалобы которых были в суде отклонены. В основном это касалось случаев конокрадства. Терпимость к царящей в районе преступности, реплики Борисовой о местном судье настораживали. Я решил навестить Коурова, все еще лежавшего в больнице. Тот, не таясь, признал связь банды с судом и милицией, подтвердил дачу им взяток. Все названные ему дела, прекращенные судом, Коуров помнил и отвечал обычно так: «Да, судья Новиков «утоптал» и это наше дело!»

С его слов я записал приметы ряда ворованных вещей, данных судье В. Новикову и начальнику милиции Е. Новикову. Позже по ним мы и нашли при обыске эти вещи у того и другого. По моей шифровке Покровский приказал арестовать и доставить в Пермь обоих Новиковых.

Поняв бесплодность запутывания следствия, Иван Коуров давал теперь более ясные ответы, порой даже сам добавлял что-либо из деталей. К примеру, он рассказал мне о народном

поверье, согласно которому на погорелых местах особенно хорошо растет репа. Поэтому тем, кто жаловался на них за грабежи, бандиты писали лаконичные предупреждения вроде: «Припасай репное семя». Крестьянин, получив таков «совет», обычно удерживался от дальнейших поисков истины.

Коуров говорил, что с ведома судьи их не раз спасал лжесвидетель, доказывая отсутствие обвиняемых на месте преступления в момент его совершения. Насчет сбыта краденого в вятском крае он пояснил, что там некому было его узнать. Кутил, проматывал вырученные деньги Коуров со своими сообщниками также на стороне.

Мы взяли уже всех членов банды, когда главарь их стал транспортабельным для следования в Пермь.

Я распустил большинство своего отряда по домам, оставив лишь часть его для охраны арестованных. Очень жаль было расставаться, уж очень мы все сдружились за это недолгое время. Жители села Тимшата и ближних населенных пунктов трогательно прощались с нами. Благодарили за то, что мы избавили их от насилий и грабежей, дали возможность вернуться к мирной, спокойной жизни. Их благодарность была вскоре опубликована в окружной пермской газете.

Из Тимшат мы заехали в Рождественское, где, взяв Коурова из больницы, двинулись в село Ильинское, а затем к пароходной пристани Слудка. На телеге нас ехало трое: я с Коуровым и повозочный.

Иван Коуров в пути держался непринужденно, охотно рассказывал о своем житье-бытье и даже порой шутил.

В Ильинском привал. Осмотренный и заново перевязанный Коуров ночевал с охраной в больнице. А на другой день в Слудке мы сели на пароход. Прибыв в Пермь, сдали арестованных в дом заключения.

По ходу дела вскоре вновь пришлось ехать в Нердвинский район. Еще в одном из его сельсоветов выявился соучастник Коурова, надо было его арестовать.

Начальник нашего Особого отдела Карл Янович Крумин на этот раз сам решил побывать в том лесном крае под видом охотника. Шел сентябрь, как раз начался охотничий сезон. Мы сели на пароход, шедший вверх по Каме. На пристани Слудка сошли на берег, дальше двинулись пешком.

На своей родине в Латвии Карл Янович в 1908 году за убийство жандарма был осужден на каторгу, где пробыл до 1917 года. В дальнейшем, коммунист с 1919 года, он служил в органах ВЧК-ОГПУ в разных районах нашей страны. То ли по склонности своего характера, а возможно, и от долгого пребывания в

одиночной камере, Карл Янович был малообщительным человеком. Но тем, кому удавалось завоевать его расположение, он охотно рассказывал о своем жизненном пути. Порой увлекшись, говорил быстро-быстро, с сильным латышским акцентом. После тюрьмы Крумин жил поначалу в Сибири, там в тайге и пристрастился к охоте. В этой поездке я не раз оказывался свидетелем его меткой стрельбы, он кормил меня трофеями своей охоты. Ружье Карла Яновича было какой-то видной английской фирмы. Помимо двух стволов для стрельбы дробью, имелся еще третий, нарезной, для стрельбы пулями.

Село Тимшата вновь стало нашим приютом, недавние добровольцы отряда опять вызвались нам помогать.

У Борисова, бежавшего от кудымкарского конвоя, был родственник той же фамилии, также причастный к делам банды. В нашу первую операцию его не оказалось дома, теперь же, по слухам, он появился в деревне Грудная. Туда мы с Круминым и пошли в простой одежде с надлежащей охотничьей амуницией в один из погожих сентябрьских дней. В пути Карл Янович подстрелил двух рябчиков.

Мы уже подходили к деревне, когда увидели, что из нее с другой стороны быстро уходит какой-то человек. На наш окрик он задержался, а на вопрос, не Борисов ли он, ответил, что нет. Заметив в глазах незнакомца тревогу, мы попросили его зайти с нами в сельсовет. Там, а точнее еще на пороге, мужчина признался, что он Борисов. Убедившись в отсутствии при нем оружия, поместили его в арестное помещение. В пределах Грудновского сельсовета мы задержали и борисовского напарника — Глазова да еще двух бандитских пособников. С этой четверкой и возвратились в Пермь. Сопровождали нас недавние активисты моего отряда Алексей Паздников и Герасим Старков.

Мне до сих пор странно, почему Крумину, а не мне поведал Иван Коуров о деле, касавшемся лично меня. Главарь банды рассказал, что, бежав от конвоя и скрываясь в лесу, он получал кое от кого из близких ему тимшатцев не только пищу, но и некоторые сведения о нашем отряде, в том числе и обо мне. Коуров указал окно, под которым обычно я спал на полу, назвал размеры и цвет обложки следственного дела, которое перед сном я клал под подушку. Осведомитель сообщил все это ему, Коурову, для того, чтобы он смог завладеть уликами и их уничтожить. Бандит пояснил, что за общение с нами человек тот боялся мести и хотел выслужиться перед ним. По этому вопросу дознание вел лично Крумин. Позже он сообщил мне, что «информатор» признал свою вину, получил срок.

Бывший судья Нердвинского, а затем Верещагинского

районов В. Новиков запираться не стал. Вот что сказал он мне на допросе: «Опасаясь мести Коурова, я прекратил одно дело о краже скота, а вскоре возникло новое, пришлось и его прикрыть, так как я боялся, что бандиты выдадут меня или убьют... Их взятки были в основном мясом скота, а у меня семья восемь человек, и до этого мы жили порой впроголодь».

Начальник нердвинской милиции Е. Новиков прием взяток отрицал, однако при обыске у него было обнаружено тринадцать ворованных вещей.

За связи с бандитами и содействие их преступным делам тот и другой получили по десять лет заключения.

Большинство членов банды признались в совершенных преступлениях, но были и отрицавшие вину даже при очных ставках.

За многолетний бандитизм, разбои на дорогах, массовые грабежи и расправы над мирными гражданами часть бандитов были приговорены к высшей мере наказания, а остальные к различным срокам заключения.

В ноябрьские дни 1927 года я закончил и другое следственное дело — о контрразведке сибирской армии Колчака.

7 ноября 1927 года в помещении оперного театра состоялось торжественное заседание, посвященное 10-й годовщине Великого Октября. А 20 декабря здесь же отмечалось десятилетие органов ВЧК-ОГПУ.

Театр полон людьми. В президиуме — члены окружного комитета партии, окрисполкома, начальник окротдела ОГПУ Покровский и представитель освобожденного от бандитов района Евсей Пермитин. С докладом об истории органов ВЧК-ОГПУ выступил Покровский. Рассказав о заслугах чекистов перед страной в целом, он перешел к их местной деятельности и указал на два лежавших перед ним следственных дела:

— Коварный враг овладел Пермью в декабре 1918 года с помощью измен и предательств; часть тех предателей и шпионов поймана лишь теперь. В захваченной Перми зверствовала белогвардейская контрразведка, и документами лежащего здесь дела пойманные ее агенты уличены в преступлениях. Другое дело — о преступниках нашего времени, нердвинских бандитах. Они тоже пойманы и предстанут перед судом. Народ Нердвы помог нам очистить край от этой нечисти. Десять активистов созданного там из добровольцев-крестьян отряда приглашены на наш юбилей и здесь присутствуют вместе с вами. Я предоставляю слово самому старшему из них — девяностолетнему товарищу Пермитину. Он житель лесов, в городах никогда не был, и если скажет что не так гладко в выступлении, то прошу не судить за

это...

Не из-за трибуны, как предыдущий докладчик, а смело выйдя на середину сцены, дед Евсей обратился к нескольким сотням слушателей:

— В лесах и лугах наших есть где разводить скот, но только вырастишь коня или корову, как украдут и пропьют их лихие люди. А кто будет мешать их грабежу, то изобьют или спалят жилье. Мы даже спим порой не раздеваясь, чтобы успеть выбежать из горящей избы. Совсем одолели наш край разбойники-бандиты. Но, к счастью, бог послал нам отряд...

— Не бог, а ОГПУ, — поправил его Покровский.

— Ну, я и говорю ведь, что бог и ГПУ послали нам отряд...

На эти слова раздались бурные, долго не смолкавшие аплодисменты и приветственные возгласы в адрес «оратора»... Постояв под громкими овациями какой-то момент, рассудительный и скромный дед Евсей говорить больше не стал, а, поклонившись, вернулся в президиум. Из театра нердвинцев развезли по квартирам.

На следующий день делегацию возили по улицам Перми, показывая достопримечательности города. А вечером все они присутствовали на нашем юбилейном товарищеском ужине.

Назавтра делегаты Нердвы продолжали знакомиться с городом, а вечером пошли в цирк. Вот там-то и случилось ЧП с Алексеем Паздниковым. Бывалый солдат, крепкий шахтер, он привык всегда и везде быть первым, но на этот раз ему не повезло. А случилось вот что.

В порядке своего рода шефства над гостями из глуши наши сотрудники расселись так, чтобы каждому из нердвинцев можно было объяснить и прокомментировать тот или иной аттракцион. Алексей присоединился к этой компании, когда на арене состязались борцы. После нескольких схваток вышел администратор цирка с призывом к зрителям принять участие в борьбе. Желающих долго не находилось, и тогда Алексей решил постоять за честь нерешительных. На ходу сбросив куртку и шапку, он быстро вышел на арену, где его ждал борец. Тот, применив ловкий прием, мигом свалил Алексея, да при этом наступил ногой на его «буденовский» ус. Уж чего-чего, а такого конфуза Алексей не ожидал, и к словам «отпусти мои усы» добавил такую фразу, что зрители разразились гомерическим хохотом и аплодисментам не было конца...

К Паздникову подошел администратор с извинениями. Он пригласил Алексея бесплатно ходить в цирк «хоть каждый день». Администратор понял, что Паздников был принят за клоуна и что подобный фурор поможет доходам цирка. За любезность Алексей

поблагодарил, только в цирк после этого больше не ходил...

За удаль сотрудники наши баловали Алешу. У многих бывал он в гостях; в окротдел заходил без всякого пропуска. Домой он не поехал, а полгода работал в Перми, живя в моей квартире. А потом все же махнул в Губаху, куда так звали его друзья-шахтеры.

Побывать снова в Нердве мне довелось в 1930-1931 годах... Приятно было встретить друзей моих по отряду уже колхозниками, а их район свободным от насилий и грабежей.

Г. СУЛЕЙМАНОВ
Операция «Ульм»

Третий военный февраль был щедрым на снег. Что ни день, сыпало и сыпало с мутно-серого неба. «Экая прорва!» — недовольно ворчали железнодорожные рабочие и служащие, поголовно мобилизованные на очистку станционных путей и стрелок.

До позднего вечера задержали Виктора на станции неотложные дела. А когда он, иззябший и голодный, собрался было домой, случилась крупная задержка. Эшелон с танками, следовавший на запад, застрял на пустяковом подъеме у завода имени Дзержинского, напротив проходных. С перрона Перми II было видно, как напрягал свои усилия мощнейший ФД, выталкивая из короткой трубы плотные столбы дыма, яростно вращал ведущими парами, но не мог стронуть с места эшелон, заметаемый снегом.

Год назад, когда Виктор на этом заводе возглавлял фронтовую бригаду токарей, он, завидев буксующий локомотив, только посочувствовал бы паровозной бригаде и забыл про нее за первым углом. Теперь же опаздывающий на фронт эшелон входил в круг забот оперуполномоченного Виктора Широкова.

«Надо выручать», — со вздохом решил Виктор. В тесной диспетчерской его встретил шум, напоминающий перебранку десятка людей. Молодые девчата, выпускницы техникума, и пожилые, непризывного возраста мужчины настойчиво требовали от дежурных по станциям и друг от друга беспрепятственного продвижения поездов с военными грузами и ранеными. Рвали голосовые связки, глотали таблетки, хватались за щербатый стакан с водой. Немыслимый грузооборот обрушился с первых дней войны на однопутные магистрали Пермской железной дороги, проложенные еще до революции. Только железная дисциплина, самоотверженность и максимальное напряжение сил обеспечивали бесперебойную работу транспорта.

Виктор прошел в отгороженный закуток главного диспетчера, где было потише, спросил, что делается в помощь литерному, застрявшему в трех сотнях метров от станции. Ждут, оказалось, что сам выберется. Виктор настоял на том, чтобы сию минуту был найден и послан из горячего резерва паровоз. Из диспетчерской он позвонил своему начальнику и доложил, что отправляется домой, поскольку на дороге все в порядке.

— Домой успеется, — возразил капитан Недобежкин, —

давай срочно в отдел. Тут такое, брат, дело разворачивается, покрупней верещагинского.

Виктор ехал с вокзала в полупустом трамвае, отдыхал, вытянув ноги в отсыревших валенках. Интересно, что это за дело, которое нельзя отложить до утра! Недобежкин (по телефону всего не скажешь) намекнул на Верещагино. Неужто снова парашютисты? Месяца четыре назад на территорию Горьковской области были сброшены с самолета три агента «Цеппелина». Двое после приземления явились с повинной, третий, имевший рацию и документы на имя капитана интендантской службы Ворсина, избежал поимки. Искали его чекисты нескольких областей, а повезло сотрудникам Верещагинского оперпункта. Через двое суток после приземления «Ворсин» был задержан ими на перегоне перед станцией Шабуничи и доставлен в Пермь. Виктор сопровождал немецкого агента от станции до управления, участвовал в его допросах. И, честно признаться, гордился тем, что на втором году своей чекистской работы имел дело с настоящим шпионом[6].

Капитан Недобежкин, едва завидев Широкова в дверях, нетерпеливым жестом пригласил его к столу.

— Вот, лейтенант, ознакомься, — протянул он копию телефонограммы из Москвы, принятую три часа назад.

> «Германским разведорганом «Предприятие «Цеппелин» подготовлена к заброске в тыл Советского Союза, — читал Виктор, — группа агентов-диверсантов, именуемая «Ульм». Предполагаемый район десантирования группы — в 50-60 километрах северо-восточнее города Кизела, на границе Пермской и Свердловской областей. Задача группы — выведение из строя линий электропередачи и угольных шахт, взрыв мостов и другие диверсионные акты на линиях горнозаводской дороги».

НКГБ СССР предлагал территориальным органам принять исчерпывающие меры по организации поисковых операций и захвату группы «Ульм».

— Интересная работенка предстоит, — оживился Виктор. — Только не упредил ли нас враг, пока тут чаи гоняем?

— Вот и я опасаюсь этого. Дата выброски неизвестна, и, возможно, она уже состоялась. — Недобежкин вышел из-за стола, достал из тумбочки термос и блюдце с печеньем. — Подкрепись, будем план операции прикидывать. Нашему транспортному отделу играть первую скрипку, поскольку диверсанты будут тяготеть к «железке». Учти: «Цеппелин» — противник серьезный.

Федор Семенович знал, что гитлеровцы сосредоточили на советско-германском фронте более 130 разведывательных и контрразведывательных органов, создали не менее 60 специальных школ для подготовки агентуры. Большая ее часть предназначалась для шпионско-террористических действий в прифронтовой полосе, в ближнем советском тылу.

Что касается дальнего тыла (Урала, Сибири, Средней Азии), то он оказался недосягаемым для гитлеровской разведки, был монолитен и стоек, питал армию огромными людскими и материальными резервами. В феврале 1942 года главное управление имперской безопасности создало специальный разведывательно-диверсионный орган под условным наименованием «Предприятие «Цеппелин», который предназначался для подготовки и заброски агентуры в глубинные тыловые районы Советского Союза. «Цеппелин» развил бурную деятельность.

— Да, противник серьезный, — повторил Недобежкин. — Забрасывает многочисленные и сильно вооруженные группы. Иди сюда, прикинем варианты, — он развернул на столе карту области, взял линейку. — Каков тут масштаб? Ага, отсчитываем от Кизела 50-60 верст на северо-восток. Да-а... Другой такой глухомани не сыскать. Что тут делать диверсантам и как они выберутся отсюда к нашим коммуникациям?

— Что нам гадать! — взбодрился Виктор, напившись чаю из термоса. — Из квадрата приземления я бы запросто выходил к железной дороге. — Он потыкал пальцем в карту. — Вот мост через Яйву, вот высоковольтная на Березники и Соликамск. С хорошим харчем да на лыжах за сутки ого куда можно выбраться!

Недобежкин поддержал «игру» за противника.

— А я бы на их месте, не размениваясь на мелкие диверсии, двинул на Губаху.

Широков поежился, представив себе все последствия, если не перехватить десант на месте приземления.

— Так и запишем первым пунктом, — Недобежкин сел за стол и обмакнул перо в чернильницу, — обеспечить надежную охрану Кизеловской ГРЭС на подступах к ней путем засад и подвижных постов. Далее...

Совместно составленный и начисто переписанный Виктором план захвата диверсионной группы был представлен руководству. Утром Недобежкин и Широков выехали в Кизел.

* * *

Заброска на советскую территорию предстояла в ближайшие дни. Грищук понял это, когда их, семерых, одели в солдатское обмундирование, снабдили красноармейскими книжками, справками из госпиталей и другими фиктивными документами, заполненными на подлинные фамилии.

Сюда же, на укромный хуторок под Ригой, завезли снаряжение, которое понадобится группе в глубине России. Не забыты туалетная бумага, щетки и зубной порошок на каждого. Для напутствий приехали на хутор начальник разведшколы «Цеппелина» в Вальдлагере майор Цинке и его заместитель Семенов, бывший дворянин, офицер врангелевской армии. Цинке давал наставления, Семенов переводил, лакейски склонив голову.

— Пришла пора платить делом великой Германии. Вас спасали от крематория, кормили и обучали. От вас требуется немного — погулять, порезвиться с русским размахом, потом подготовить площадку для приема самолета. Через три недели возвращаетесь немножко усталые и получаете деньги, дом с хозяйством. С богом, ребята!

«Жди, жирная свинья, вернемся, как же! — зло думал Грищук. — Дойную корову еще пообещай... Только бы на родную землю ступить, а там...» Он думал так за всю группу, хотя не имел в ней единомышленников, ни с кем не сближался, опасаясь провокации и провала. Но он был уверен, что сделает все для того, чтобы группа не вернулась с задания.

В крытом грузовике их привезли после обеда в Ригу, на военный аэродром. Грузились в трехмоторный самолет без каких-либо опознавательных знаков, сплошь замазанный черной краской. «Беременная муха», — шепнул стоявший рядом радист Хаджигараев, кивнув на короткий и широкий фюзеляж. Откуда было им знать, что Ю-290, в который они поднимались по крутому трапу, — специальный самолет огромной дальности полета, созданный по заданию Гиммлера для заброса агентуры в глубокие тылы Советов.

Самолет сделал посадку в Пскове. Группа оставалась сидеть на металлической скамье вдоль борта, а члены экипажа перегружали из подкатившей машины взрывчатку и оружие. Каждому сунули в руки автомат советского производства, пистолет ТТ и нож в металлическом футляре.

Вслед за мешками с грузом в салоне появился Руш, преподаватель разведшколы в деревне Печки. Там на лесной поляне с проложенной железнодорожной колеей группа проходила диверсионную практику. Руш проверил крепления парашютов, попинал зеленые мешки с грузами, напомнил о их содержании:

— Лиж... Сопок, пил-топор, мин-гранат...

Никто из сотрудников «Цеппелина» сопровождать их не стал.

Перед наступлением темноты самолет взлетел с окраины Пскова и взял курс на северо-восток. Грищук с трудом сдерживал радостное возбуждение. Скоро линия фронта... Неостановимо, неотвратимо катился огненный вал на запад, выжигая фашистскую нечисть. В разведшколе ему удавалось иногда послушать радио, он знал, что советские войска завершают освобождение Правобережной Украины. А сегодня Хаджигараев, проверявший рацию, дал через наушник послушать сообщение Левитана о ликвидации корсунь-шевченковского котла, где получила «капут» крупная группировка вражеских войск. Грищук возликовал, но вида при радисте не подал. Предстояло еще разобраться в нем, как, впрочем, и в других.

Первым от люка сидит всегда угрюмый и ссутуленный Тарасов. Что знает о нем Грищук, кроме фамилии, которая, возможно, вымышленная? Тарасова и сидящего рядом Маркова включили в группу месяц назад. Оба из белоэмигрантов. Первого назначили старшим, второй возле него вроде адъютанта.

Расклад такой в группе: три белогвардейца и четыре красноармейца. Как бы нейтрализовать «беляков» после приземления?

Грищук, крепко вцепившись в ППШ, пытался решить задачу со многими неизвестными. Кому довериться, кто, как и он, пошел «в шпионы» только ради того, чтобы вернуться на родную землю? Радист Хаджигараев в последнее время осторожно давал понять, что на него можно рассчитывать. И даже признался как-то в минуту откровенности, что там, на родной земле, ему некой подпольной организацией поручено сообщить: известный татарский поэт (Грищук не читал такого до войны и не запомнил имени), попавший в плен под Мясным Бором, остается борцом, патриотом своей Родины.

Второй, резервный радист Кинеев — из северокавказских народностей, балкарец вроде, от разговоров уклонялся. Хотя видно было, что по натуре не спесив. В лагерном блоке, возможно, был напуган провокаторами, потому и сторонился всех, глядя вокруг жгуче-черными глазами, в которых глубокая печаль. Вот он сидит по правую руку, похоже, дремлет. Пошептаться бы с ним, договориться против «беляков». Опасно. Может статься, он участвовал в карательных операциях против мирного населения и для него идти с повинной — нести голову на плаху.

Быть привязанным к десантному тросику, сидеть на холодной скамье предстояло, как он слышал, около шести часов. Столько

времени терпеливо наблюдать, как пират безнаказанно и нагло лезет в глубину России? Грищук завозился, потопал. Новые, неразношенные валенки жали ноги. Может, выбросить портянки? Из кабины пилотов вышел носатый немец, член экипажа, встал напротив, спросил «вас?». Видимо, от скамейки поступал сигнал в кабину, стоило только пошевелиться. Все предусмотрено в этой шпионской «повозке».

Грищук сморщился, дал понять, что хотел бы справить малую нужду. «О, руссиш швайн», — возмутился немец. Он оттянул брючину над меховым сапогом и посоветовал русскому делать в штаны. «Поньял?» — спросил он по-русски и щелкнул Грищука по носу. Грищук сунул ему в бок ствол автомата. «Но!» — сказал тот, небрежно отведя пальцем ствол. Он показал кулак и ушел к пилотам, плотно захлопнув за собой бронированную дверь.

Грищук опустил автомат. Сидевший слева Астахов потянулся к его уху:

— Не балуй, парень, сорвешь задание.

* * *

В Кизел капитан Недобежкин прибыл один. Лейтенант Широков по его распоряжению сошел с поезда в Губахе, чтобы организовать заслоны вокруг Кизеловской ГРЭС, неустанно дымившей на берегу Косьвы, и через сутки должен был нагнать своего начальника.

Первым делом Недобежкин побывал у секретаря Кизеловского райкома партии. Состоялся разговор о предстоящей высадке вражеского десанта, о необходимой помощи. Была приведена в действие система повышенной бдительности всех, кто так или иначе связан с железной дорогой, сформирована группа захвата. В нее вместе с Недобежкиным и Широковым вошли чекисты Семериков и Зонов, составляющие штат оперпункта, и восемь стрелков военизированной охраны. Их Виктор позднее окрестил «стрелочницами», так как были они женского пола. Девчатам было около восемнадцати, а их командиру Паше — далеко за двадцать пять, она уже успела повоевать.

Девахи в толстых стеганых брюках и валенках производили впечатление увальней, однако на деле оказались сильными и расторопными. Недобежкин раздобыл в городе аэросани вместе с водителем. И пока соображал, как организовать погрузку, девчата дружно подняли машину и перенесли на платформу, прицепленную к уходящему на север составу. Закрепив аэросани

и бочку с бензином тросами, группа захвата погрузилась в теплушку.

В ориентировке из Центра указывалось предполагаемое место выброса десанта — квадрат 80. По карте центр квадрата приходился на лесной поселок Бревно на берегу Яйвы. В поселке при станции Яйва действовал леспромхоз. Там Недобежкин выпросил пять пар широких лыж и проводника — старого охотника Вогулкина. Под его ответственность директор леспромхоза выделил лошадь с розвальнями. Недобежкин назначил командовать отрядом Широкова, сам сел в аэросани и умчался вперед по заснеженной целине речной долины.

Шли гуськом по еле заметной аэросанной дороге. Впереди — чекисты на лыжах, в санях на мешках с хлебом, крупой и консервами — Вогулкин. Девчата, побросав на сани котомки и карабины, шагали пешком, шалили, толкались, пытались петь. Молодость брала свое. Виктор же нервничал. Как с такими «бойцами» держать засаду, окружать и брать вооруженного врага? Но, как говорится, и на том спасибо: крепких парней призывного возраста война из Кизела повыбрала.

Шли без привалов. Вогулкин, правда, хитрил маленько, жалея девчат. То остановит колонну, чтобы поправить упряжь на Розке, то начинает сомневаться, идет вперед и тычет прикладом ружьишка в снег: «Тута промоина была в прошлом годе, не залететь ба». При малейшей остановке «стрелочницы» падали, хватали снег, остужали распаренные лица. Паша заметно прихрамывала. Широков предложил ей быть за возницу, сидеть и подергивать веревочными вожжами, а Вогулкин мог бы стать на лыжи. Она взглянула на Виктора иронически:

— Я, молодой человек, не из конторы, а с фронта.

Послышался шум мотора. Из-за поворота выскочили аэросани. Виктор заспешил к Недобежкину, тот сообщил, что поселок, куда держала путь колонна, заброшен, всего населения — старый лесник с бабкой. В минувшую ночь они явственно слышали гул самолета. «Гости», возможно, уже прибыли.

— Поехал, слышь, в Яйву, на телефон, — говорил Недобежкин. — Свяжусь с управлением. А вы располагайтесь. И охрану! Слышь, Виктор, выставляй парных часовых, проинструктируй девах, чтобы ни шу-шу. Сунутся гости погреться — предложи добровольную сдачу. Стрелять — только в ответ на выстрелы.

Взявшись за фанерную дверцу аэросаней, еще раз предупредил:

— До моего возвращения, слышь, никаких самовольных акций. Операцию прочесывания будут выполнять воинские

части...

Виктор проводил взглядом облако снежной пыли, поднятой деревянным пропеллером. «Так... Диверсанты, если они сброшены этой ночью, могут сегодня же двинуть к «железке», Самый удобный путь — по реке. Не столкнуться бы нос к носу». Виктор посоветовался с Семериковым и Зоновым. Они передвинули автоматы на грудь, пошли головным дозором далеко впереди. Девчатам Паша скомандовала разобрать оружие.

Они враз посерьезнели, попритихли. Старались держаться ближе друг к другу и саням. Никто из них не хотел замыкать колонну, ощущать спиной незащищенность.

— Вы что — овечье стадо? — возмутилась Паша-фронтовичка. — А ну, рассредоточиться с интервалом в два метра. С интер-ва-а-лом! Не дай бог, засада на берегу. На всех одной автоматной очереди хватит.

Услышав про засаду, девчата снова сгрудились в толпу. Паша махнула на них рукой и пошла в хвосте колонны замыкающей.

Вскоре с серого неба посыпалась крупка, подул колючий «северо-восток». На снег пали фиолетовые сумерки.

* * *

Самолет без опознавательных знаков и сигнальных огней крался, растворяясь в черном небе, далеко обходил города, боясь наткнуться на противовоздушную оборону. Шел на большой высоте, из-за нехватки кислорода пассажиры судорожно зевали, клонило в сон. Грищук отгонял от себя тяжкую дремоту и неотвязно думал, как передать группу в руки чекистов. Никаких указаний на этот счет он не имел. По своей инициативе, рискуя головой, он вышел на связного партизанского объединения и успел только передать записку о составе группы и районе приземления.

...Было это в Печках. Когда Николай узнал, что летит в советский тыл не в одиночку, а в составе диверсионной группы, он стал искать возможность выйти на связь с Большой землей. Из преподавателей и обслуги разведшколы никто ему подходящим для откровенного разговора не показался. Он знал по опыту предыдущего лагеря, что и здесь, в Печках, действует система всеобщей слежки, подслушивания и провокационных проверок. Бежать и добраться до партизан? Нет, вырваться было практически невозможно. Даже учебный полигон на лесной опушке был оцеплен охранниками. Выручил случай.

В столовую разведшколы возил воду угрюмый старикан, до

глаз заросший диким волосом. Возил с родника, протекавшего за пределами лагеря. У Николая мелькнула мысль: уговорить старика и вырваться на волю в пустой бочке. Он стал приглядываться к водовозу. Однажды, когда тот подкатил скрипучую телегу к дверям кухни, Николай задержался на крыльце столовой, принялся перематывать портянки, исподлобья наблюдая. Водовоз достал из кисета курительную бумагу и обратился к выходящим из столовой курсантам:

— Господа хорошие, не найдется ли закурить?

Николай заметил, что старик доставал бумажку не из пустого кисета. Потом, когда кто-то сыпанул ему щепоть махорки, долго и чересчур тщательно крутил и склеивал языком самокрутку, не спуская глаз с выходящих из столовой. «Запоминает лица», — осенило Николая.

Наконец старик сунул в рот незажженную самокрутку, вернулся к лошади и стал запячивать бочку к желобу, по которому вода подавалась в кухню. При развороте заднее колесо соскочило с оси, и бочка накренилась. Николай подошел к деду.

— Давай помогу.

— А не испачкаешься? — водовоз посмотрел ему в лицо. — Или грязи на тебе и без того довольно?

— Слушай, товарищ, — решился Николай, — нужна связь с Москвой. До зарезу. Помоги передать очень важное сообщение.

— Свет-свет, — мелко закрестился старик, — какая Москва? Ничего не знаю, господин хороший.

— Знаешь, — продолжал настаивать Николай. — Видел, как ты просил закурить, хотя в кисете табаку полно. И лица запоминаешь. А что толку, если не можешь знать, под какими фамилиями они полетят в наш тыл и куда именно?

Старик пристально посмотрел ему в глаза.

— Шутите, господин хороший.

— Какие шутки, коли я рискую головой. Окажись ты фашистским холуем, мигом потащат меня в гестапо. Но, думаю, не продашь.

Старик продолжал на корточках прилаживать колесо.

— А тебе пошто должен верить?

— Слушай, — зашептал Николай, склонившись, — я служил в особом отделе 28-й кавдивизии в Фергане. Запомни мою фамилию. Пускай там проверят. Недели хватит?

— Десять дней. Подойдешь сюда в это время.

При следующей встрече вновь случайно отлетело колесо у водовозки, и Николай поспешил на помощь.

— Как звали начальника особотдела?

— Сергей Петрович Гунько, — радостно отозвался Николай.

Старик удовлетворенно кивнул головой, сказал:

— На ночь повозку оставлю у кухни. Записку положи вот в это гнездо под бочку. Счастливо, товарищ.

— Ну, спасибо, дед, выручил...

Если связь четко сработает, их на земле встретит засада. А если нет? Грищук покосился на соседей слева и справа. Кинеев, второй радист, сидел с закрытыми глазами. То ли спит, то ли притворяется. Темная душа. На другого соседа, на Астахова, можно положиться? Ни в коем разе. Бежал из России с врангелевскими войсками — значит, не принял рабоче-крестьянскую власть.

Николай Грищук до войны многое успел познать и увидеть. Рос он в благополучной, интеллигентной семье. Отец — партийный работник, мать — учительница истории. В деревянном особнячке на тихой травянистой улице городка Бутурлиновка часто заводили патефон и ставили пластинки с записями Шаляпина и Собинова, спорили о музыке и литературе, а когда сходились отцовы сослуживцы, то музыку «забивали» политические разговоры. О возможности построения социализма, например, в обстановке капиталистического окружения. Коля уже вступил в комсомол и тоже пытался вставить свое слово. Ну, говаривала мать, пойдет сын по отцовской дорожке.

Но он после школы поехал в педагогический институт и поступил на физмат, чем несказанно обрадовал мать. После института Николай получил направление в одну из школ Ростова-на-Дону, учил ребят физике. Вскоре женился на Павлине Генриховне, учительнице немецкого языка.

Николай уже три года как жил с Павлиной в Средней Азии, служил в особом отделе кавалерийской дивизии, когда случилось это с отцом жены. Тестя, служившего командиром полка на Дальнем Востоке, арестовали за связь с «врагом народа». Дочь незамедлительно была изгнана из школы, зять исключен из партии и уволен со службы. Николай тяжко переживал свалившиеся на него несчастья, но не стал жаловаться, вернулся в Ростов, где снял угол у знакомой старушки, взяли его в ту же школу.

А тут — война. Николая призвали в конце августа. Уговорил Павлинку со Славиком перебраться к его родителям в Бутурлиновку. Получил от нее три письма, а там закружила огненная метель командира взвода управления полковой батареи. Он отступал по пыльным степям до Сталинграда, стоял в обороне, замыкал кольцо вокруг армии Паулюса, наступал.

Эх, если бы поосмотрительней воевать, не зарываться! Полк, в котором воевал Николай, вырвался далеко вперед и попал в

окружение под городом Шахты. Артиллеристы отстреливались до последнего снаряда, поступила команда снять замки и прицелы. Николай бросился к пушке. Вздыбило перед глазами черное крошево мерзлой земли — очнулся в плену. Никого из сослуживцев не приметил он, бредя в скорбной колонне на запад.

...Николай скрежетнул зубами и, видимо, застонал от жалости к себе, потому что сосед слева Астахов ткнул его локтем в бок. Николай судорожно выдохнул воздух, успокоился. Ладно, не дознались в лагерях, что был чекистом, состоял в партии, а то бы ему стенка. Доведенный до полного истощения в каменоломнях под Ченстоховой, он безучастно ждал транспорта до крематория, когда мелькнул лучик надежды. В лагерь приехал вербовщик из разведшколы. Крематорий или подписка о сотрудничестве... Его сомнения разрешил сосед по нарам, похоже, участник лагерного подполья:

— Соглашайся, чтобы вырваться отсюда. Только бы оружие заполучить, а воевать за Родину можно где угодно.

* * *

Под потолком зажглась и замигала красная лампочка. Астахов отогнул рукав бушлата и посмотрел на светящийся циферблат швейцарских часов. Было 2 часа 47 минут по московскому времени. Начиналось 17 февраля 1944 года. Надолго запомнит он этот день, который приведет его к крушению всяких надежд, бесславию и забвению.

Одессит Астахов Владимир Михайлович происходил из захудалых дворян, постаравшихся определить сына на казенный кошт. В 1918 году 17-летний воспитанник Сумского кадетского корпуса принял революцию за бунт черни и посчитал патриотическим долгом участвовать в подавлении беспорядков, подрывавших мощь великой Российской империи. Вместе с другими храбрыми юнцами он оказывался то в частях атамана Краснова, то под началом Деникина, куда-то бежал с криками «ура», в кого-то стрелял. Потом все перемешалось и хлынуло мутным потоком в Крым, к Врангелю. Не достали поручика Астахова ни клинки Конной армии, ни штыки 25-й чапаевской дивизии, штурмовавшей Перекоп. Судьба сохранила Астахова для долгих мытарств в чужих городах.

Перекати-полем катался он по эмигрантским лагерям и колониям, пока не осел в Югославии. В тихом и зеленом городке Вращау он брался за любую работу, не имея никакой профессии, кроме военной, вечно нуждался в деньгах. К тому же обзавелся

семьей, не получив приданого, на которое рассчитывал. Тесть, дороживший своей репутацией булочник, предлагал зятю заняться торговлей, но необходимой для обзаведенья суммой не снабдил, был щедр лишь на советы и наставления.

Владимир же не терял надежды вернуться в Россию. Эти надежды подогревались при встречах с кадетами-земляками и старшими офицерами корпуса, сохранившими и форму одежды, и монархическое направление мыслей. Поручик Астахов вместе с ними считал, что многострадальная родина, насильственно захваченная большевиками, еще призовет на помощь славную русскую армию. Поэтому охотно вступил в Российский общевоинский союз, объединивший разбросанную по странам и континентам белую гвардию для крестового похода.

Шли годы, а Россия не звала своих «освободителей». Объявленная Советским правительством амнистия вырвала из эмиграции 10 тысяч заблудших нижних чинов, на штыки которых так надеялась белая гвардия. Начались разброд и шатания в кругах эмиграции, Астахов отошел от союзов и землячеств, принял югославское гражданство и смирился со скромным существованием на средства от булочной, доставшейся ему после смерти тестя.

Нападение Германии на Советский Союз Астахов воспринял неоднозначно. Поднялась со дна души подзабытая обида на тех, кто лишил его родины. Вот оно, возмездие! Но, с другой стороны, он не хотел видеть под тевтонским кованым сапогом российскую былую славу и доблесть. Что это было — пробуждение патриотизма? Наверное. Во всяком случае, он с все возрастающей тревогой слушал по радио фанфарные вести о продвижении фашистских войск в глубину России, одобрял знакомых соотечественников, уходивших в подполье и партизаны. Пока Астахов колебался, не решаясь подвергать опасности свою семью, его судьбой распорядился «новый порядок». По мобилизации он попал в немецкое полицейское формирование «Хипо».

Что привело его в разведшколу? Обещание поместья и всяческих благ в оккупированной Югославии после победы «тысячелетнего рейха»? Поверить в такие обещания он, здравомыслящий человек, не мог. Шло лето 1943 года, позади был уже Сталинград, фашистские армии отступали, явно брезжило сокрушительное поражение вермахта. На чьей он стороне в гигантской битве тевтонцев и славян, кому жаждал победы? Твердой позиции Астахов не занял, когда давал подписку на сотрудничество с германской разведкой и соглашался на заброску в тыл Советского Союза. Руководствовался он не политическими и идейными мотивами, а... любопытством.

Поручику Астахову страстно хотелось понять, из каких неведомых глубин России поднялись силы, которые перемалывали первоклассно вооруженные армии, каким стал народ, который он толком не знал и не представлял после 1920 года.

Зачем же ты, Астахов, чтобы узнать это и удовлетворить любопытство, летишь в группе диверсантов, вооруженных до зубов? Прежде чем вернуться назад, придется выполнять задание хозяев, нанести как можно больше вреда народу, который тебе любопытен. А если вздумаешь остаться здесь, пострадают в Югославии жена и двое сыновей, как заложники. Господи, в какое положение поставил он себя!

Скрежетнули запоры бронированной двери, из кабины экипажа вышел тот самый носатый увалень, который недавно щелкнул по носу Грищука и чуть не схлопотал автоматную строчку по меховому комбинезону. Носатый скомандовал встать и распахнул люк. С визгом завыла сирена. Парашютисты один за другим сделали шаг в темный провал, все семеро. Следом полетели мешки с грузами.

* * *

Грищук провалился в снег выше пояса, сверху накрыло парашютом. Пока высвобождался от путаных строп и собирал в охапку ускользающий от рукавиц шелк, прошло немало времени. Развязал ушанку, прислушался. Ни звука, кроме стука собственного сердца. Со всех сторон обступали темные деревья. Удачно он приземлился — в прогал между ними.

Где засада, как дать знать своим, что выброска состоялась? Вначале надо собрать в кучу всю группу и обезоружить «беляков», а там видно будет. Он снял заплечный мешок, нашарил в нем круглый фонарик, помигал им в разные стороны. В ответ — ни проблеска, ни звука. Устало присел на скомканный парашют, выгреб из широких голенищ валенок подтаявший снег.

За спиной послышался шорох. Николай вскочил и включил фонарик. К нему кто-то пробивался, размахивая руками, уходя в снег по плечи, тяжело сопя и поругиваясь.

— Не слепи светом, — узнал он голос Астахова, — теперь не собьюсь.

Николай взял на изготовку автомат, но, подумав, опустил. Стрелять, не выяснив его подлинных намерений, не стоит. Да и живыми надо передать диверсантов.

Астахов подгреб к нему, упал в изнеможении, стал хватать рукавицей снег и совать в рот. Отдышавшись, сел, разглядел руку

Николая на ложе автомата.

— Давай договоримся, — сказал спокойно, — оружием не баловать. Довольно русской кровушки пролилось в этой войне, куда еще-то?

Николай слушал недоверчиво, но руку с автомата убрал. Незаметно расстегнул пуговицу на бушлате: в нагрудном кармане у него лежал пистолет.

— Ишь как заговорил! — сказал он. — Небось соберетесь все три «беляка» и устроите нам сабантуй. Не затем ли сюда летел, чтобы кровь проливать? Наверняка инструкцию получили ликвидировать нас после выполнения задания? Так вот знай — никаких диверсий не допущу, пока жив, тебе и твоим дружкам рекомендую сложить оружие и сдаться чекистам, которые вот-вот будут здесь.

Астахов помолчал, стараясь найти успокоительный ответ. Да, такую инструкцию руководитель группы Тарасов получил перед отлетом. Цинке советовал сделать это после вызова самолета в назначенный квадрат, чтобы избежать захвата его «недостаточно надежными» членами группы.

— Умный ты парень, — покачал головой Астахов, — институт, слышал, закончил. Должен разбираться. Сюда разве полетит тот, у кого совесть нечиста, кто Русь предал и вредил ей как мог? Возьми наших «учителей» в Вальдлагере — Вильд-Васильева, Скворцова, Кочубея, Челпомбаева... Черносотенцы-монархисты, лакеи гитлеровские. Не-ет, эти на восток не полетят, по ним осина здесь плачет.

Верил и не верил Грищук признаниям Астахова. Всякого навидался в лагерях смерти. Доносчики и провокаторы советскими патриотами прикидывались, на побег подбивали, лагерное подполье пытались нащупать. Вербовщики власовские о святой Руси распинались.

— Допустим, — сказал он, несколько смягчаясь, — летел ты сюда не с камнем за пазухой. А зачем? У меня родители, жена и сын, если война их пощадила. Реки, поля, города и деревни — все свое, родное. А тебе ведь, по правде говоря, — чужое.

Забрезжил рассвет. Стало выделяться крупное родимое пятно на правой щеке Астахова, его руки спокойно лежали на коленях.

— И мне не чужое, — сказал он, помедлив. — Мои дальние и близкие родичи служили Отечеству. Отец, артиллерийский офицер, погиб от германского снаряда еще в ту мировую. Не за Русь ли он жизнь отдал? Мать скончалась от тифа. Меня судьба забросила на чужбину. Вина ли в том моя? Нет, товарищ, такая каша была в гражданскую....

— Стой, Астахов, — возмутился Грищук. — Про кашу говори,

а в товарищи не лезь. Святое это слово. — Он поднялся, давая понять, что разговор окончен. — Под эту приметную елку сложим лишний груз и пойдем искать других. Светает уже.

Принялись за поиски. Астахов пошел по своему следу. Грищук взял вправо от места приземления и метров через пять взмок, преодолевая глубокий и сыпучий снег. Петляя меж деревьев, он заметил вокруг одного ствола сор, поднял голову и обомлел. Прямо над своей головой Николай увидел чьи-то ноги в хлопчатобумажных носках и солдатских галифе с тесемочными завязками. Придя в себя, он сделал шаг назад и разглядел человека в рост. Захлестнутый стропами парашюта, с посиневшим лицом, висел Марков, один из трех «беляков» группы. Грищук несмело потрогал его ноги — холодные. Повернул труп и понял, что Марков пропорол бок острым суком, пытался освободиться от него, подтянуться на стропах и, видимо, потерял сознание. Шелестели пропитанные кровью и схваченные морозом галифе, в снегу видны дырки, пробитые теплой кровью. Что делать? Надо позвать Астахова.

Грищук вытащил ТТ и выстрелил вверх. В ответ послышалось:

— Эге-е-ей... Не стреляйте, сдаюсь!

Николай обрадовался. Кто это там, как и он, готов сдаваться?

Из-за деревьев вынырнул вздутый мешок, потом обозначилась голова в шапке со звездочкой, и по скуластому лицу, по круглым серым глазам Грищук узнал Петра Андриянова, старшего сержанта из Чувашии. Знал его плохо, однако успел составить о нем мнение как о прожорливом и хозяйственном мужике. Он подгреб по глубокому снегу, снял шапку и вытер изнанкой потное лицо.

— Эт-та кто висит? — Увидел Маркова и сказал буднично: — Сам, что ли?

После нескольких неудачных попыток Грищук все же забрался на сук, вытянул руку с ножом и перерезал стропы. Сорвавшегося в снег висельника Андриянов стал проворно обшаривать, но отступился после окрика Грищука. Николай снял с Маркова заплечный мешок, сложил в него оружие и документы покойного. Подумал и затолкал бушлат, разорванный сбоку.

— Шапку и валенки поискать? — с готовностью предложил Андриянов. — Сгодятся в хозяйстве.

— Нечего время попусту тратить. Их он потерял еще в воздухе, после рывка. Благодари каптенармуса, что нам с тобой тесные валенки выдал. А то бы в носочках гуляли сейчас.

Они откидали ногами снег от ствола, положили труп и нагребли над ним сыпучий холмик.

Астахов был уже на стоянке. Сидел на длинном мешке из

парусины, устало опустив голову на колени. Тому, что нашелся Андриянов, он не удивился, скользнул по нему взглядом и вопросительно кивнул на мешок за спиной Грищука: чьи вещи?

— Маркова, царствие ему небесное, — сказал Грищук, снимая мешок и садясь на него. — Повис на дереве. То ли задохнулся, то ли замерз.

Андриянов повалился в снег, застонал от усталости. Грищук тащил его за собой почти без передышки.

— Все пропадем тута. Может, пожалеем, что не повесились сразу.

Грищук пнул его валенком в бок.

— Заныл, как баба! И Маркова не поминай зря. О покойнике или хорошо говорить, или ничего. Хорошего мы о нем не знаем.

Астахов вскинул голову, собрался что-то сказать, но раздумал. Видимо, доброго слова Марков не заслужил.

В контейнере, который приволок Астахов, оказались спальные мешки и взрывчатка. Другой груз был бы более кстати — лыжи, топор и пила. Пришлось руками-ногами отгребать снег. Очистили площадку до мерзлых травяных кочек. Наложили еловых лап, чтобы не на голой земле сидеть. Сухие сучья для костра обламывали уже в полной темноте, подсвечивая фонариком. Сварили пшенную кашу из концентрата и эрзац-кофе.

После ужина Андриянов забрался спать в «шатер» под столетнюю ель, Астахов и Грищук остались сидеть у костерка. Почему их не обнаружили? Где искать старшего группы Тарасова, радистов Кинеева и Хаджигараева? Мыслимо ли выбираться из леса без лыж, снегу-то выше пояса... Может, оно и к лучшему, что так разбросало ветром парашютистов? Астахов, пока один, не опасен. Как он выберется, если вздумает прихлопнуть Грищука и Андриянова? Если и с Тарасовым чего случилось, то поручик останется один против четырех. Не посмеет настаивать на выполнении задания и возвращении. Да и скрутить его недолго.

— Тарасов откуда взялся? — стал осторожно выяснять Грищук намерения руководителя группы. — Давно ли из России?

Астахов охотно поддержал разговор.

— Покинул родину в двадцатом, как и я, грешный, через Крым. Из морских офицеров. Преподавал в Белграде навигационное дело. Как сюда занесло? Кто в точности знает! Славянская душа — потемки. Я так полагаю — тоска по месту, где пуповину обрезали, в душе у нас, россиян. Кстати, Тарасов родом из здешних мест, с Урала. Детство, рассказывал, провел на берегах Чусовой. Не знаешь такой реки?

Грищук пожал плечами. Не приходилось бывать ни на Урале, ни в Сибири. И мрачный еловый лес был ему в диковинку. Другое

занимало его мысли сейчас: опасаться Тарасова или попытаться склонить его к невозвращению в разведшколу «Цеппелина». Тоска по родине — это блажь и чушь. Враг или не враг Тарасов нынешней России — вот что определит дальнейшие действия Грищука.

Астахов завалился на спину, потянулся, глядя в непроницаемую темень февральского неба.

— Первая ночь на родной земле, — сказал он вроде бы искренне. — Сидим в глубоком снегу, не знаем, как выберемся и что ожидает нас. А дышится вольно и широко. Слушай, Николай, расскажи, как жила до войны Россия. Хочу понять, откуда, из какого рога изобилия посыпались танковые армии, которые повернули вспять фашистское нашествие.

Грищук нагнулся к костерку, потрогал развешанные для просушки портянки — они не подсохли, а начали похрустывать от мороза. Завтра, решил он, надо поручить Андриянову костер, чтобы весь день занимался хворостом.

— Откуда? — переспросил он. — Это пока военная тайна, которая ни мне, ни тебе не известна. Но, думаю, не зря такую большую группу, как наша, фашисты забросили именно на Урал. Что касается довоенной жизни, изволь, расскажу.

* * *

В лесной поселок Бревно прибыли в сумерках. Девчат вместе с их командиршей Пашей расположили в протопленном клубе, который остался от действовавшего до войны лесопункта. Широков, Семериков и Зонов остановились в доме лесника. И старый охотник Вогулкин с ними.

Виктор, помня наказ Недобежкина, выставил посты наблюдения. После полуночи выпало дежурить ему в паре с Пашей-фронтовичкой. Дошли до стоявшей возле спуска к реке теплушки. Широков осторожно заглянул в нее через висевшую на одной петле дверь. Сквозь выбитые окна, выходящие на две стороны, надуло снега, под ним угадывались скамейки вдоль стен. В таких теплушках лесорубы зимой обогревались и обедали, точили пилы и топоры. Виктор пригласил Пашу зайти, скинул снег со скамеек.

— Отличный наблюдательный пункт, — шепотом сказал он. — Вы глядите в сторону реки, я — на поселок. Сидеть тут можно. Вас, я заметил, ноги уже не держат.

— Да, — призналась она, усаживаясь напротив. Поставила карабин рядом, полезла в карман за куревом.

— Что у вас с ногами, поторопились из госпиталя?

— Это неизлечимо, — сказала она с хрипотцой курильщика, — пальцы на ногах поморозила, отрезали в медсанбате. А в тыловой госпиталь угодила с воспалением легких. Оклемалась.

— Курить не надо бы на слабые легкие, — посоветовал он.

— Эх, лейтенант, не клевал тебя жареный петух, а я кругом исклевана. Что табак после всех передряг!

Она жадно докурила, притоптала окурок валенком.

— Посмотрели бы сейчас девчатки на свою Павлину Генриховну, любимую учительницу... В белой вышитой кофточке, в лодочках на высоком каблуке. «Анна унд Марта баден» или «Маус, Маус, комм хераус». Любили дети язык Гейне и Гете, стихи их декламировали. А услышали в жизни совсем другое — язык оккупантов, поджигателей и вешателей. Ненависти к врагам надо было учить в школе, не размягчать души будущих воинов.

— Ну, зачем вы так, — не согласился Виктор, — язык тут ни при чем. Не с народом воюем, а с фашизмом. И прекрасно, что уважение к немецкой культуре воспитывали у ребят. Придут в Германию освободителями, не мстителями.

— Вольно так рассуждать в глубоком тылу. Я же мстила и еще не один десяток фрицев отправила бы на тот свет, будь моя воля...

Паша помолчала. Но, видимо, горела душа от пережитого и невысказанного.

— Жила я с сыном в доме свекра и свекрови, учительствовала. Муж воевал под Сталинградом, свекор тоже ушел в политработники, через месяц — похоронка. До нашего городка фронт не дошел, в стороне громыхал. Самолеты с крестами постоянно налетали на станцию: у нас войска выгружались. В тот день бомбежка была особенно сильной. Я вела урок, а окна, заклеенные бумагой крест-накрест, будто хотели рассыпаться. Еле дождалась звонка, побежала домой, в станционный поселок, А вместо домика с голубенькими ставенками — яма глубокая дымится.

Она замолчала, отвернула лицо, хотя в темноте Виктор не мог видеть, какие муки отразились на нем. Полезла в карман полушубка, зашуршала курительной бумагой.

— Шестой годок шел Славику, — продолжала она, сделав несколько затяжек. — Осталась одна на белом свете. Как жить, кого ждать? Пошла в военкомат. Служила переводчицей в политотделе стрелкового корпуса. Навидалась жалких, завонявших от страха пленных. Фотокарточки своих фрау и киндер показывали. Я, мол, не зверь, из порядочной семьи. А то, что детей партизанских в колодец штыком сбрасывал, — так по

приказу. Не выдержала я, бросила в морду одному фашисту чернилку-непроливашку. И ушла в снайперы.

Воспользовавшись паузой, Виктор прислушался. Ни стука, ни скрипа вокруг. Потрескивая, догорела цигарка. Паша плюнула на нее и бросила под ноги.

— Успела пригвоздить восемнадцать врагов. Девятнадцатый меня засек, головы поднять не давал. В начале зимы дело было. Снега еще не было, в сапогах на охоту вышла. И — поморозилась, пока до темноты лежала на «нейтралке». Отвоевалась... Пошли, лейтенант, на воздух.

В хождениях и разговорах незаметно прошла ночь. Рассвет застал их в теплушке. Павлина задремала, сидя на скамейке. Виктор боролся с навалившейся усталостью. В заснеженной, промороженной теплушке он вдруг явственно услышал комариный звон. Не во сне ли? Захватил горсть снега, потер лицо. Нет, не спит, а комар уже не звенит, а гудит. Самолет! Он вскочил, растолкал Павлину.

— Летят! Бегите в дом и клуб. Поднять всех, кто с оружием. Сюда, на берег, всех! На лед будут садиться, другой площадки нет. Живо!

Самолет сделал круг над поселком, удалился надолго и вновь показался вдали, снизившись над рекой. От поселка к теплушке бежали Семериков и Зонов, за ними — Павлина с девчатами. Следом трусил Вогулкин с ружьем. В воротах застрял устремившийся на поимку шпионов старый лесник. Старуха его не пускала, тащила обратно во двор.

* * *

На третий день поисков Грищук и Астахов наткнулись на Кинеева, второго радиста. Он лежал на месте приземления, парашют его свисал с цепких сучьев сухой ели. Завидев людей, он тихо позвал их и заплакал.

— Ну, чего ты, — тормошил его Грищук. — Сам нас не ищешь и сигналов не подаешь.

Кинеев поморозил ногу, с которой в воздухе слетел валенок, стоять не мог. Пришлось положить его на парашют и по-бурлацки тащить по снегу. Вблизи стоянки услышали глухой взрыв. Не взрывчаткой ли Андриянов костер там запаливает? Потянули поклажу быстрей. Метрах в ста от стоянки веером разбрызгана земля на снегу, лежит на боку сухое дерево, а кашевар заламывает подряд сучья и носит к костру. Находчив крестьянский сын.

Кинеева положили на свежий лапник к огоньку. Поев горячей пищи, он ожил.

— Думал, все, хана, — говорил он, радостно блестя глазами. — Не видать мне родной деревни, на луга не выходить. Эх, и любил я косить, ребята. Кончится война — ко мне в гости прошу. Мама такой катык приготовит — ложку проглотишь...

— Обязательно погостим, — поддержал разговор Андриянов. — Если, конечно, помилуют чекисты германских шпионов.

Наступило тягостное молчание. Ехидная реплика старшего сержанта вернула всех к суровой действительности.

— Ничего, — нарушил тишину Кинеев. — От своих все можно вытерпеть. Ничего!

К ночи нога у него оттаяла, стала пухнуть. Кинеев кричал от боли и не дал никому заснуть. Утром трое отошли в сторонку посоветоваться, как быть. В больницу бы оттащить, но где она, в какой стороне? Один выход — отыскать рацию и выйти в эфир открытым текстом с просьбой запеленговать группу.

— Тогда так, — сказал Грищук. — Тебе, Андриянов, оставаться с больным, а мы — искать Хаджигараева. Пока не отыщем, не вернемся. Без рации нам всем тут пропадать.

Искали три дня, ночевали в снегу. Кричали до хрипоты, стреляли. Ни звука в ответ. На обратном пути Астахов свернул со следа, завидев отломленный сухой сук. Подобрал его на растопку и обнаружил под соседним деревом полузанесенный снегом труп.

— Эгей, иди сюда!

Рукавицами стряхнули снег с лица. Он, радист. В откинутой руке зажат пистолет. К стволу дерева пришпилена кинжалом записка: «Поморозился, выбился из сил. Рацию не развертывал. Прощайте».

Еще один снежный холмик остался в лесу. Тяжелый мешок с рацией тащили поочередно. Спешили застать Кинеева в сознании, чтобы мог отстучать в эфир сигнал бедствия. А уж они антенну повыше забросят, батареи у костра подсушат.

На стоянке их встретила тишина. Андриянов сидел, сгорбившись, у огня, мешал палкой в котелке, варил «чай» из пихтовых иголок. Устало свалились у костра.

— Спит? — спросил Грищук, кивнув в сторону «шатра». — Лучше ему?

— Лучше некуда, — подтвердил Андриянов, не поднимая головы. — Ничего не болит.

— Умер?

Андриянов помолчал, размешивая зеленое варево.

— Терпежу не стало слушать его вой, отошел за дровами, а он того, дотянулся до автомата.

Не осталось в группе «Ульм» никого, кто мог бы работать на рации.

Старшего группы Тарасова они нашли через две недели. Он долго и трудно полз, поморозив ноги, причем все дальше от их базы. Пошли по следу и наткнулись на труп.

* * *

Широков уложил свое «воинство» в снег по-над берегом. Самолет закончил движение и остановился метрах в ста пятидесяти.

Ясно видны звезды на крыльях и хвосте. Вроде нашей и не нашей конструкции машина — под крыльями прикреплены два обтекаемых ящика. Позднее Виктор узнает про самолет типа Р-5, что это знаменитый партизанский связной, который забрасывал во вражеский тыл наших разведчиков, оружие и почту, вывозил раненых и детей. А в тот миг он лихорадочно думал: «А если это диверсанты? Дорого обойдется ошибка, людей погубим и врага выпустим».

Из-за спины пилота поднялся военный в шапке и белом полушубке с портупеей. Он постоял, подозрительно вглядываясь в тихий берег, вылез на крыло, соскочил на лед и стал открывать засовы на ящиках. Из них вылезли четверо военных с автоматами.

«Пятеро. Нас вдвое больше. Надо брать».

Виктор встал во весь рост, высоко поднял автомат.

— Э-е-ей! Предлагаю сдаться. Бросайте оружие и выходите на берег по одному. Слышите!

Военные мгновенно оказались за самолетом, ощетинились стволами. Старший, который выпускал из ящиков других, сделал рупором ладони:

— Кто такие? Мы из особого отдела Уральского военного округа. Капитан Смолин. А ты кто — Недобежкин?

Виктор смущенно крякнул. Вот показал сверхбдительность. Особисты из Свердловска, Недобежкина знают. Паше он сделал знак отбоя, махнул в сторону поселка.

— Проходите. Свои! — крикнул он, прокашлявшись прилетевшим военным.

Пожилой усач с погонами майора громко бранился на ходу. Смолин вышел вперед, протянул руку Широкову.

— Правильно действуешь. Вы тут на территории своей области. А мы сели без предупреждения. Недобежкин тут? Ты за него? Давай перетолкуем. Не узнал меня? Забыл уже, наверно?

Виктор пригласил его посидеть в теплушке. Смолина он

вспомнил. В октябре прошлого года этот капитан приезжал из Свердловска к пермским чекистам за немецким агентом «Ворсиным», который по указанию из Москвы передавался в распоряжение отдела «Смерш» УралВО. Смолин тогда подробно расспрашивал Виктора об обстоятельствах поиска и поимки агента. В теплушке, когда Смолин присел и закурил, Виктор поинтересовался, у них еще «Ворсин» или уже на отсидке. Смолин ушел от прямого ответа.

— Одно могу сказать. Приземлить диверсантов в этом квадрате в какой-то части помог «Ворсин». Правда, они еще где-то в пути, но нас врасплох не застанут. Встречу мы им обеспечим.

После завтрака Виктор определил девчат в парные дозоры и секреты, на себя взял наблюдение за берегом. У Смолина поинтересовался запасом горючего в баках самолета.

— А что? — пошутил капитан. — Хотел бы слетать в Пермь и поцеловать свою ненаглядную?

— Не до того, — сказал Виктор, преодолев смущение. Ненаглядной у него пока не было. — Полетать бы над квадратом. День ясный, далеко видно. Парашют мог на дереве зависнуть, следы в снегу, костер.

— Это вещь! — одобрил идею Смолин. — Но давай подождем Недобежкина.

Аэросани подкатили к обеду. Недобежкин тоже поддержал предложение Широкова и, пользуясь правом начальника, полетел сам.

С воздуха ничего подозрительного обнаружено не было. К вечеру особисты улетели в Свердловск. А в поселок Бревно через сутки прибыла своим ходом рота лыжного батальона из Запасного полка. Предстояло прочесывание горнолесного массива.

* * *

— Здесь 715-й... Где 319-й? Прием...

Снова и снова мощная радиостанция «Цеппелина» из-под Кенигсберга вызывала на связь радиста группы «Ульм». В группе, между тем, некому было включить портативную радиостанцию «Лист» и покрутить стрелку по шкале настройки.

— Где мы находимся? — в который раз вопрошал Астахов и не получал ответа.

Они сидели мартовским вечером вокруг тощего костерка. Астахов развернул на коленях карту, обнаруженную в документах старшего группы Тарасова, подбросил на угольки сухую ветку.

Пламя осветило заросшие, с заострившимися носами и запавшими глазами лица Грищука и Андриянова, хмуро и безразлично молчавших.

— Километров на пять от базы уходили, — размышлял Астахов, — и все лес и лес, никакого тебе поселка по названию Бревно. А на карте, глядите, лесов почти нет. Ничего не понимаю.

Грищук пригнулся к огоньку, взглянул на карту.

— Или врет она, или выбросили не туда. Никто здесь нас не ищет и не найдет, самим надо выбираться. Завтра, как только рассветет...

— Хорошо, — согласился Астахов. — Но далеко ли уйдем? Снег раскиснет, он уже сейчас влажный. Валенки расползутся. Отыскать бы сначала контейнер с сапогами. И с тушенкой. Петр сварил на ужин последний брикет.

— Как! — удивился Грищук. — Пожрали все энзэ, за семерых управились?

Андриянов сосредоточенно щупал пальцами подошву валенка — скоро прохудится.

— Все начисто поели, — сказал он, не отрывая глаз от валенка.

С утра порешили отправиться на поиски пропитания. Ночью застучал по веткам первый дождь. Грищук проснулся от того, что на висок падали одна за другой тяжелые капли. Вылезать в сырость не хотелось. И вообще это собачье прозябание надоело. Кончалась всякая еда, через пару дней ног не поднимешь. Да и куда выбираться, для чего? Поскорей сунуть голову под трибунал и получить полагающийся срок. Никому из них воля не светит. Постой, а что светило в плену, кроме полного истощения и смерти, смерти безвестной, неотомщенной?

Вспомнил слова Астахова, сказанные как-то по-будничному: «Как бы сладко ни жилось на чужбине, а косточкам русским покойней всего в родной земле». Не настала ли пора сложить косточки в этом лесу и оставшимся троим? Лежат уже четверо под снежными холмиками, никогда не найдут их близкие и родные. Мать и жена Хаджигараева, например, так и не узнают, что их «без вести пропавший» сын и муж не разорван на куски вражеским снарядом и не утонул при форсировании реки, а живым вернулся на родную землю и умер в глубоком тылу, в уральской тайге.

К утру снег в лесу напитался водой. Андриянов, с молчаливой покорностью меся снежную кашу, пошел искать сучья для костра. Астахов, устроив на коленях командирскую планшетку Тарасова, чертил на листе бумаги какой-то план. Грищук вспомнил о запасах патронов и взрывчатки, вытряхнул их

из прорезиненных мешков. Мешки примерил и натянул на валенки, перевязал парашютными стропами.

— Чем не калоши! — полюбовался он своей работой. — Примеряй, кончай рисовать.

— Гляди сюда, — пригласил Астахов, — вот примерно точки приземления группы, тут я нашел мешок со взрывчаткой. Теперь понял, где надо искать?

Как не понять! Они-то ходили вокруг точки приземления Грищука, искали на авось. Самолет же, оказалось, во время выброски летел строго на север, а не на восток, как они предполагали. От первого мешка на север надо идти.

— Пошвыркаем кипяточку и пойдем. Где костровой?

Андриянов подошел, буровя снег разбухшими валенками, заматюкался.

— «Беляку» сделал калоши, а своему, советскому товарищу — погибать? Пускай он дрова таскает, у меня ноги в воде...

— Темнота! — рассердился Грищук. — Переобуйся в сухое. Спальный мешок распластай, бурки себе сшей, непромокаемые.

Астахов деликатно смолчал. Он взял из кучи брусок взрывчатки и пошел искать сухостоину, чтобы завалить на дрова.

— А насчет «беляка» ты брось, — продолжил Грищук, когда Астахов ушел. — Он не враг нашей общей родине. Фашисты на то и рассчитывали, чтобы мы тут друг другу не доверяли и грызлись, как пауки в банке. Понял? Он сопливым кадетиком в эмиграцию махнул. Ты — из раскулаченных. Ладно, не оправдывайся. Будут над нами подлинные судьи, им и решать.

Заполнив желудки противно горьким от пихтового навара кипятком, Грищук и Астахов снарядились в дорогу. Пока держат ноги, надо найти проклятые контейнеры, подкормиться, переждать распутицу.

* * *

Почти месяц бригада сидела в засаде. Вымерший поселок Бревно надоел до тошноты.

Лыжная рота дважды прочесала квадрат возможной высадки группы «Ульм». Что там квадрат! Обшарили площадь, равную, как выразился капитан Недобежкин, одному из европейских государств. Никаких следов вражеского десанта обнаружено не было, и воины-лыжники ушли на станцию. Правда, некоторым из них повезло — получили от девчат адреса и заверения ждать до скорого уже конца войны.

Искать здесь не имело смысла. Однако Недобежкин медлил,

ссылаясь на то, что диверсанты могли затаиться, а возможно, заброшены на длительное оседание. Широкову и оперативникам из Кизела от выдвигаемых версий было не легче, они уже поняли, что «тянули пустышку».

Поправку в планы внесла непогодь. Ночью хлынул дождь, снег раскис, а группа захвата — в валенках. Утром, разбрызгивая лужи на льду, примчались аэросани. Капитан Недобежкин, ссылаясь на разрешение Москвы, скомандовал «отбой».

— Но, — тут же добавил, — передвижные заслоны вдоль железной дороги от Соликамска до Чусового сохраняются. Ты, Широков, останешься в Кизеле для координации, сапоги тебе ребята подберут. На сутки можешь сгонять в Пермь, показаться домашним.

Недобежкин сходил к аэросаням и принес леснику клетку с двумя голубями. Держать их посоветовал на сеновале.

— Не надо мне, — запротестовал лесник, — разводить не собираюсь, не тот возраст.

Капитан остановил возражения старика:

— Слушай сюда. Это не блажь, а средство связи с нами. На лапках сизарей под пленкой — записки. Одинакового содержания. На случай, если одного подшибут, другой долетит до цели.

Лесник поглядел на лапки, уважительно хмыкнул. Не баловство, выходит.

— Запомни, отче, — продолжал инструктировать Недобежкин. — Если нагрянут те, кого мы тут дожидались, выходи во двор, вроде сенца корове дать, и выпускай сизарей из клетки. Через час они будут на станции. А ты задержи пока гостей, баньку затопи.

— Постараюсь, — заверил старик, — исполнить в точности.

Недобежкин укатил, а следом двинулся отряд. Девчат удалось разместить в санях, откормленная Розка тянула хорошо. Паша упрямо шла пешком вместе с мужчинами, прихрамывая и делая перекуры. Поздним вечером вышли к станции Яйва. Сменить мокрые валенки или хотя бы обсушиться не удалось — подвернулся товарняк до Кизела. Там Широков простился с Пашей и ее девичьей командой, оперативникам обещал через сутки вернуться.

В Перми Виктора сняли с поезда в полузабытьи, с высокой температурой. Жесточайшее воспаление легких свалило с ног, надолго вывело из строя.

Была середина июня, когда Широков наконец выписался из больницы. Ориентировка из Москвы сообщала о прекращении поиска группы «Ульм».

* * *

Они шли строго на север, отклоняясь в стороны метров на двести, не более. Шли, преодолевая голодную слабость. Попытались подбить какую-то птаху с хохолком на голове, потом белку, прильнувшую к стволу. Выцеливали не дыша. И — мимо. Автомат — не ружье, тут заряд дроби нужен. К вечеру, вовсе обессилев, остановились на ночлег. Развели костер, попили пустого кипятку. Легли на лапник и пожалели, что не прихватили спальных мешков. Оттепель резко повернуло на мороз, и всю ночь они продрожали. Едва дождались рассвета, чтобы двигаться дальше.

Шагать стало мучительно. Снег схватило ледяной коркой. Наст не держал, ноги тонули в снежной крупе, от острых льдинок резиновые мешки на валенках вскоре превратились в лохмотья.

Когда выбрались на прогалину и свалились без сил, Грищук решил: все, хватит, надежды на спасение нет. К чему эти бесконечные мучения? Где Астахов, передать бы ему адрес Павлины на всякий случай, если выживет...

Он заставил себя поднять голову. Совсем близко, шагах в двадцати, с наклонившегося дерева свисал контейнер. Почудилось с голодухи? Дал глазам отдохнуть и вновь поднял голову. Мешок защитного цвета висел боком и, казалось, покачивался от легкого ветерка.

Откуда силы взялись! Грищук передал свой автомат Астахову и полез на пихту. Он сумел изловчиться и подтянуть к себе мешок, достал нож из голенища. Перерезать тонкие стропы не составило труда. Контейнер ухнул в снег.

Раздался звериный рев. Мешок взлетел от сильного толчка и упал на краю оврага с распоротым боком. Грищук замер с ножом в вытянутой руке. Астахов отпрянул за ближнюю елку, выставив автомат. Над мешком показалась звериная морда, изрыгающая свирепый рык. Медведь!

Он вылез на край оврага, встал во весь свой огромный рост. Голова его оказалась на уровне ног смертельно перепуганного Грищука. Сейчас стянет его когтями с кривой пихты и сваляет в кровавый комок. Ни крикнуть, ни достать из нагрудного кармана пистолет он не успел бы. Услышал лязг передернутого затвора и грохочущую автоматную очередь. Хорошо, Астахов не растерялся! Медведь взревел от боли, пал на четыре лапы и закрутился, окрашивая кровью снег. Астахов приблизился и всадил вторую очередь в голову. Зверь дернулся и затих. Астахов обессиленно сел в снег, снял шапку, утер лицо.

— Слезай, — сказал он голосом, выдававшим тоже немалый

испуг, — ка-ак я его...

Грищук с трудом разжал одеревеневшие руки, сполз по стволу.

— Спасибо, — сказал он, приходя в себя, — не растерялся. Еще бы секунда... А что все-таки в мешке?

В контейнере оказались двуручные пилы, топор и лапа для выдергивания костылей из шпал. И семь пар сапог! Новеньких, кирзовых... Именно такие получал его взвод перед наступлением на город Шахты ровно год назад.

Астахов тронул за плечо:

— Скотину резать не приходилось? Вот собралась интеллигенция. Ладно, я попробую, а ты собери костер. Надо хорошо поесть, иначе до базы не дотянуть.

Зачистили котелок, выпили бульон и поставили на огонь новое варево. Разогрелись, ожили, стали планировать дальнейшее. Вернутся к Андриянову (кстати, как он там вовсе без пищи?), напилят дров, навялят впрок мяса и будут выходить из леса. В сапогах можно куда угодно ушагать.

Через сутки добрались с грузом до стоянки, завидели ее издалека. Андриянов от нечего делать натянул парашюты на нижние ветви старой ели и сделал белый шатер. Под спальные мешки наложил свежих еловых лап. Изможденным от голода он не выглядел. Когда отъелся медвежатиной, чувствуя доброе расположение к себе, признался: утаил от общего котла четыре пачки пшенки и кусок шпига.

— Не выветрился из тебя кулацкий дух, — беззлобно ругнулся Грищук, выслушав исповедь. — В такую дорогу нас голодными отправил.

— Вы на охоту пошли, — оправдывался старший сержант, — а мне как жить? Без горячего ёдова я не могу — гастрит.

— Га-а-стри-и-ит! — иронически протянул Грищук. — Заявил бы о нем в концлагере, на диету, глядишь, поставили бы.

* * *

Стаял снег, подсохли тропинки, протоптанные их сапогами. Что еще держало их в лесу? Андриянов как-то пошел в овражек за водой, поскользнулся и растянул сухожилие. Смог, наконец, ходить, засобирались в дорогу — снова задержка. Шестой контейнер так и не нашли, а в нем должны быть охотничьи ружья с патронами и запасное питание к рации.

— Надо искать, — заупрямился Андриянов. — Все имущество должны представить по описи. Неча добром разбрасываться.

На контейнер наткнулись совершенно случайно в овражке, где Андриянов обыкновенно брал воду. Лежал мешок в кустах, в десяти шагах от ручейка.

На другой день решили выйти в путь. Безопасной бритвой запасливого Андриянова скосили густые заросли с лиц, скинули замызганные шапки и бушлаты, натерли тряпочкой сапоги.

Решено было все имущество оставить пока в шатре, взять только документы и деньги. Астахов поколебался и вытащил из-под кучи барахла двустволку с коробкой патронов.

— На случай встречи с волками, — пояснил он, — да и пищи на дорогу нет. Кто знает, сколько дней до жилья добираться.

Андриянов тоже юркнул в шатер и вынес топор.

— Это еще зачем?

— Затем, что я пока костровой, с должности не снят.

Пошли строго на юг. Через каждые десять-пятнадцать метров Андриянов ковырял деревья топором.

— Затески делаю, — пояснил, — по ним за имуществом вернемся.

Километра через два их путь пересекла старая просека, на которой проглядывалась заросшая кочками тележная колея. Наверняка к жилью ведет, но вот куда повернуть?

— Ежели налево, — рассуждал Грищук, — то запросто в Сибирь можно утопать. Давайте на запад пойдем, все же больше надежды людей встретить.

Андриянов продолжал метить деревья. Прошли около часа. Просека вдруг оборвалась, с опушки начиналось клеверное поле. За ним в легкой дымке виднелись замшелые крыши деревеньки десятка на два домов. Андриянов бросил под куст топор, отвернувшись, тайком перекрестился. Астахов и Грищук прибавили шагу, потом побежали трусцой по клеверищу. Грищук на ходу повернул к Андриянову мокрое от слез лицо:

— Люди там, Андриянов, люди! Поспешай...

Остановились перевести дух и оглядеться у распахнутой шаткой калитки крайнего дома. Собаки не слышно, вошли опасливо во двор. Из дома выскочил и шмыгнул мимо них мальчонка лет шести. Набедокурил, видать, и удирает от трепки.

На крыльцо вышла старая, но еще крепкая женщина в ситцевом застиранном платье, босиком.

— Здравствуйте, хозяюшка, — поклонился Грищук. — Можно к вам на часок?

Женщина внимательно оглядела пришельцев.

— Здорово ночевали, солдатики! Проходьте.

Потопали сапогами, выбивая пыль, прошли в дом, сели на лавку вдоль стены.

— Кто такие, не спрашиваю, — сказала женщина. — У нас обычье такое, от стариков повелось: допрежь накорми гостя. Оголодали, служивые?

— Картошечки бы нам, бабушка, — несмело попросил Андриянов. — Мы заплатим, сколько скажешь.

Женщина прошла к челу русской печи, загремела заслонкой:

— Картофки дам поисть. С утра в печи, горячая. А бабушкой меня не зовите. Война не дала мне внуков пестовать. Оба сына холостыми на фронт ушли да сложили буйные головушки. Мне еще пятьдесят не миновало, а старухой гляжусь. Устинья Федоровна Кудашова я. Полдеревни Кудашовых. А еще Селины.

Она слила в лохань воду и поставила чугунок посередь стола на дощечку.

— Не облуплена картофь, да ладно. Хлебца вот нету. И соль хрушкая, из камня молота.

Андриянов первым потянулся к чугунку.

— Заплутали мы, Устинья Федоровна — пояснил Грищук, осторожно снимая кожуру отросшими ногтями. — Это какая деревня?

— Кая — наша деревня. Кировские мы, на границе живем. Вон с того леса, откуда вышли, коми-пермяки начинаются. Там уж Пермская область пошла до самого Уралу. А мы, значит, вятские, ребята хватские, как в старину говорили. Семеро одного не боимся, а один на один — все котомки отдадим.

Они уплетали горячую картошку и радостно кивали словоохотливой хозяйке, не зная ее намерения задержать их подольше в доме. В это время ее соседки, более молодые и скорые на ногу, Маша Кудашова и Зина Селина уже были на пути в районное село Бисерово с наказом зоркой Устиньи Федоровны — немедля сообщить милицейскому начальнику о трех «дизентирах».

— Лес этот Гиблым пермяки зовут. Не знаю, пошто, только никакая живность в ем не водится, даже воронье стороной облетает. Всего один зверь, сказывали пермяки, тамо живет — Ош. Страшных размеров медведище. Трогать его нельзя, святой Ош вроде. От него, старые пермяки считают, племя людское пошло. Сказка, конешно. Только Ош единовластно хозяйствует в той парме, никому ходу не дает.

Устинья Федоровна, разговаривая, вставала и взглядывала украдкой в окно, уходила на кухню, снова присаживалась на лавку.

Когда чугунок опустел, Андриянов достал из кармана гимнастерки пачку десяток, послюнявил пальцы.

— Не надобно, солдатики, — запротестовала хозяйка, —

самим сгодятся. Своя картофь, не куплена, на здоровьичко.

— Нет-нет, возьмите, — вступился Грищук, — хлеба себе купите.

Он толкнул локтем Андриянова, тот положил несколько десяток на край стола. Подумал и еще десятку добавил.

— Теперь скажите нам, Устинья Федоровна, — спросил Грищук, — далеко ли тут до властей. Сельсовет, например, не в этой деревне?

— Какие власти в нашей Кае! — сказала хозяйка. — Колхозная бригада — вся власть. Вам ближе в райцентр податься. Двенадцать верст до Бисерова. Выйдете за деревню, вон в окно видать дорогу-то. Там и мосток через реку Чус. Одна дорога после моста, не заплутаете.

Поблагодарили и заторопились. На крылечке Грищук спохватился:

— Ой, хозяюшка, из памяти вышибло. Какое сегодня число?

— С утра-то шестое было. Шестое июня идет. Чать, контузию имели, солдатики горемычные?

Грищук замер на нижней ступеньке.

— Неужто июнь? — не поверил он. — По всем приметам, только май распечатали. Черемуха цвет еще не обронила.

— Право слово, контузия. Где-то, может, и обронила, а в наших местах черемуха завсегда в конце мая зацветает. Июнь, солдатики, не сумлевайтесь.

Пока выходили из деревни, Грищук сделал несложный подсчет. 109 дней провели они в Гиблом лесу.

На стоянке в шатре все лежало нетронутым. Отдохнули, перемотали портянки.

— Забираем все оружие и рацию, — распорядился Грищук. — Взрывчатку закопать. Не дай бог, если пацаны придут сюда по затесям.

Обвешанные оружием, обливаясь потом, они к вечеру миновали деревеньку и вышли к мосту через реку Чус.

С противоположной стороны к мосту подкатил трехтонный «захар» с дымящимся газогенератором, работающим на березовых чурках. Из кузова соскочили военные. Один из них, в офицерских погонах, с пистолетом ТТ в вытянутой руке, зычно скомандовал:

— Сложить все оружие в кучу и отойти на пять шагов!

Автоматы, ружья, пистолеты, кинжалы и мешок с рацией брошены на землю. Грищук, Астахов и Андриянов отошли в сторону и подняли руки.

Операция «Ульм» закончилась совсем не так, как планировали в разведшколе «Цеппелина».

* * *

Через сорок с лишним лет генерал-майор в отставке Виктор Петрович Широков, собирая материалы для лекции по истории органов госбезопасности, обратился к чекистской операции по розыску шпионско-диверсионной группы «Ульм», поднял из архива следственное дело. Листая ломкие листы, невольно вспомнил молоденького лейтенанта Широкова, комичным предстал перед ним эпизод, когда начинающий чекист принял за переодетых диверсантов группу оперативников из отдела «Смерш» Уральского военного округа. С улыбкой представил себе находчивого Федора Недобежкина, использовавшего для связи голубиную почту.

С высоты жизненного и профессионального опыта несколько иначе оценивается прошлое, время меняет окраску и оценку событий. При уровне науки и техники конца 80-х годов не составило бы труда обнаружить вражеский десант в Гиблом лесу, не пришлось бы напрягать силы чекистов трех областей и сотен их помощников в четырехмесячных поисках. Тогда же, весной 44-го, проследить за полетом специального самолета разведоргана «Цеппелин» не было технической возможности, и до сего дня остается тайной, почему экипаж выбросил парашютистов в случайном месте, введя в заблуждение и наших чекистов, и парашютистов. Остается лишь гадать об утечке горючего или неверном его расчете.

Иные в наше время чекистские возможности. Иная, более гуманная, и оценка тех граждан, которые в силу сложившихся обстоятельств вынуждены были давать подписку о сотрудничестве с вражеской разведкой. Белоэмигрант Астахов, советские военнопленные Грищук и Андриянов, независимо от симпатий и антипатий к нашей стране, практически не нанесли ущерба интересам Родины, не пытались выйти на связь с радиостанцией «Цеппелина», не применили оружия. Их правдивые и весьма подробные показания помогли в дальнейшем органам госбезопасности выйти на след других агентов.

Да, было другое время. Оставшиеся в живых агенты группы «Ульм» были осуждены на длительные сроки. Еще шла война. В гигантском водовороте человеческих судеб решался исход смертельного противостояния двух государственных систем и идеологий, терялись, как песчинки, люди. Еще сегодня мы не знаем судеб многих «без вести пропавших», затерялись следы и участников группы «Ульм».

Листает генерал-майор в отставке хрупкие от времени листы пухлого следственного дела, делает выписки для лекции. Еще

один эпизод борьбы пермских чекистов с вражеской разведкой стал достоянием истории.

Л. ГОЛЛАНД, А. БЕЛЯЕВ
Послесловие к подвигу

«Предатель», «фашистский холуй», «изменник». Эти слова стояли рядом с именем Василия Кочкина. Но те, кто знал Василия лично, всегда считали его патриотом, исполнившим свой долг до конца.

После упорной поисковой работы многих людей, после тщательного следствия, проведенного пермскими чекистами, доброе имя Кочкина восстановлено.

ОТ УРАЛА ДО ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ

Иван Николаевич Кочкин, потомственный железнодорожник, гордился Георгиевскими крестами. Часто вспоминал свои солдатские годы, особенно, конечно, 17-й, когда был избран председателем ротного комитета 165-го пехотного Луцкого полка, членом солдатского полкового комитета, стоявшим за большевиков.

Не любил красивых слов, а просто всю жизнь был солдатом Отечества — и в революцию, и в мирные годы. Несуетлив, в разговоре сдержан. Сын Ивана Николаевича Василий во всем старался походить на отца.

Прямой, сосредоточенный взгляд, волевой подбородок — таким запомнили Василия Кочкина товарищи по учебе в Свердловском энерготехникуме. Внешность его точно соответствовала характеру. За что бы он ни брался, всегда добивался своего. Всерьез занялся спортом — и получил значок ГТО, что по тем временам было свидетельством немалого труда и упорства.

Окончив в 1932 году техникум, стал помощником диспетчера в «Уралэнерго». Серьезная работа пришлась как раз по нему. Прибавлялся опыт, рос авторитет. И сослуживцев не удивило, что в 1939 году Кочкину предложили ответственную самостоятельную должность — диспетчера новой Закамской электростанции в Перми.

Время было тревожное. Кем-то по ночам расстреливались гирлянды изоляторов, чья-то недобрая рука бросала поперек проводов проволоку — и подача электроэнергии в города и поселки прекращалась. Еще нет-нет да и падали подпиленные опоры линий электропередачи. Кочкину не раз приходилось

выезжать на аварии вместе с работниками ОГПУ. Со многими из них он сдружился, о чем только они не переговорили в долгих поездках по проселкам.

Именно здесь, в Пермской области, Кочкин начал готовиться к тому делу, за которое потом отдал жизнь.

Здесь, на Закамской ТЭЦ, Кочкин получал уроки гражданственности — не менее важные, пожалуй, чем уроки отца. Здесь он увидел, как действуют враги, здесь нашел друзей.

5 марта 1940 года двадцатичетырехлетнего Василия Кочкина призвали в армию. А меньше чем через полтора года он вступил в открытый бой с врагом. Летом 1941 года родные получили его последнее письмо из-под Смоленска. Даже тогда, в тяжелые июльские дни, Василий писал спокойно и уверенно:

«3 июля 1941 года. Здравствуйте, папа, мама и Валя! Сегодня имею наконец возможность написать вам письмо и сообщить о своем существовании.

...Как, интересно, у вас там положение в связи с войной? К сожалению, сейчас пока не могу дать своего адреса, но когда таковой получите, то напишите все подробно: и кого призвали, и как с продуктами, с учебой Вали, вашим здоровьем и т. д. и т. п.

Нахожусь на Западном фронте. Бойцы и командиры настроены твердо: бить врага, чтобы он не поднялся больше никогда из своей могилы. Что противник имеет сейчас некоторые успехи, нас нисколько не смущает, т. к., сосредоточив 190 дивизий и двинув их внезапно на нашу территорию, безусловно можно рассчитывать на успех. Но как дерутся мужественно наши бойцы и командиры, показывающие чудеса и геройство: этого никогда не будет в фашистской армии!..

В общем, враг будет бит, и бит крепко, главное, чтобы тыл нас обеспечивал полностью. Мы знаем, за что воюем, и наше дело правое, весь цивилизованный мир на нашей стороне. Теперь разрешите пожелать вам здоровья и плодотворной работы, пожелайте мне успешного боя, чтобы остался живым и невредимым!..

Всех крепко целую, остаюсь в ожидании боя ваш сын и брат Василий».

И еще документ:

«Справка № ГУК/3/В-64705

Приказом Главного управления кадров № 0952

исключен из списков личного состава Красной Армии как без вести пропавший в августе 1941 года младший лейтенант Кочкин Василий Иванович.

Зам. начальника 3-го управления

генерал-майор танковых войск Исаев».

И лишь через двадцать лет в приказ была внесена поправка: «Младший лейтенант Кочкин Василий Иванович расстрелян немецкими оккупантами в г. Великие Луки».

Что же произошло в годы, разделяющие эти документы?

ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

...Затихал бой. Июльские дни 41-го стали временем боевого крещения коммуниста Василия Кочкина — командира взвода 55-го отдельного дорожно-строительного батальона. Взводу была поручена задача: прикрыть отход основных сил наших войск на переправе через Западную Двину.

Продержались долго, гораздо дольше, чем требовал приказ. И не так далеко от станции Жижица до своих. Но выйти из боя взвод уже не мог. Артиллерия, танки, минометы, автоматчики сосредоточили огонь на оставшемся в тылу у немцев подразделении. Нелегкой ценой далась гитлеровцам победа над горсткой оборонявшихся.

Василия Кочкина, контуженного, подобрали местные жители, хоронившие убитых. Оставаться долго у хозяев, приютивших его, Кочкин не мог — надо было выходить к своим. И вот военная форма и документы закопаны в огороде, все готово к тому, чтобы ночью отправиться через фронт.

Недолгие сборы прерваны стуком в дверь. В дом вошел человек, которого ни хозяева, ни, тем более, Василий не знали.

По разговору, по ухваткам было видно, что незваный гость не привык ни с кем церемониться. И верно: Герман Киселев оказался матерым уголовником, выпущенным гитлеровцами из витебской тюрьмы.

Кочкин умел расположить к себе собеседника. И сейчас это умение ему пригодилось. Киселев, чувствуя себя в безопасности, разоткровенничался. Оказалось, что список его преступлений начал расти задолго до войны. Отца в свое время революция лишила пивоваренного заводика — и все разговоры в семье только и шли о том, долго ли продержится Советская власть. С виду добропорядочный совслужащий, Герман Киселев мечтал о

тех днях, когда падут Советы и снова можно будет открыть «свое дело». Работая в торговле, он беззастенчиво запускал руку в государственный карман. Был разоблачен и в последние годы размышлял о своей горестной судьбе уже в тюрьме.

— Сейчас иду во Ржев, — закончил свой рассказ Киселев. — Там начальник полиции — мой знакомый. Уж мы с ним разберемся с теми, кто меня в тюрьму укатал. Говорят, не все они ушли. Заодно выясним, для чего их в оккупации оставили.

Еще в начале разговора Кочкин объяснил Киселеву, что тоже выпущен из тюрьмы, и, зная, что линию фронта лучше всего перейти в районе Сычевки, сказал, что направляется в этот населенный пункт.

— Нам по пути. Двигай со мной — не пропадешь. У меня документы — лучше не бывает.

Киселев вытащил новенький оккупационный паспорт и пропуск немецкого военного командования, обязывающий местные комендатуры помогать его владельцу.

«С такими бумагами действительно не пропадешь, — подумал Василий. — И фотографии нет. Когда же успел Киселев заслужить такое доверие у немцев?» А вслух сказал:

— Подождем, пока стемнеет. Днем на партизан нарвешься — и глазом моргнуть не успеешь.

Напоминание о партизанах умерило пыл бандита, торопившегося расправиться со «старыми знакомыми».

Кочкин думал: как быть? По тому, как торопился Киселев, Василий видел — этот колебаться не будет, прольет немало крови. Но с другой стороны — подходящая компания в тылу у немцев.

Как и ожидал Киселев, возмездие пришло. Но только не к тем, кто до войны остановил его злодеяния, а к нему самому. В нескольких километрах от станции они попали под бомбежку. Попутчик Кочкина был смертельно ранен. Так Василий стал — теперь уже до конца жизни — Германом Степановичем Киселевым.

...В сентябре 1941 года к коменданту Великих Лук майору Версту патруль ввел незнакомого человека. Он представился:

— Киселев. Вот мои документы.

— Специальность?

— Инженер-электрик, — ответил «Киселев».

— Отлично, — сказал комендант, изучая паспорт и пропуск. — Будете начальником городской электростанции.

При отступлении наших войск большинство промышленных и энергетических объектов было уничтожено. И сейчас, пытаясь наладить здесь хозяйство, немцы нуждались в местных преданных

им кадрах, особенно — в инженерных. Именно таким человеком показался им Киселев.

Зверства фашистов на оккупированной территории, в том числе и в Великих Луках, описаны во многих книгах.

Один из свидетелей тех событий, военнопленный С. И. Серов, — впоследствии доктор медицинских наук, профессор Уральского НИИ курортологии и физиотерапии, — вспоминал, как их, врачей, ежедневно под конвоем водили в госпиталь для местных жителей мимо виселицы. И все время на ней появлялись новые трупы. Однажды встретили босых, подталкиваемых автоматчиками мужчину, женщину и ребенка. У каждого на груди была табличка: «Бандит». Семью вели на казнь...

Серов не раз встречался с Киселевым в горбольнице, где гитлеровцы организовали питание для тех, кто сотрудничал с ними. Виделись они и на квартире Завадской-Савельевой, где жил Киселев. Позже Сергей Иванович узнал, что хозяйка квартиры — участница революции и гражданской войны. А во время оккупации она, фармацевт по профессии, доставала медикаменты партизанам, подпольщикам. Не знал тогда Серов и того, что его партнер по шахматам директор электростанции Герман Киселев — руководитель подпольной группы.

По-разному ведут себя люди в трудных обстоятельствах. Война четко высветила истинный характер каждого. Именно тогда, в тяжелый час, по-настоящему проявил себя Василий Кочкин.

Сразу после назначения он, ставший теперь Киселевым, решительно взялся за работу. Навел идеальную чистоту в помещениях станции, чем еще больше расположил к себе аккуратистов немцев. А сам тем временем приглядывался к людям: на кого можно положиться в опасном деле?

Каждый неверный шаг грозил гибелью. И все-таки Киселев доверился слесарю Николаю Смирнову. Через него установил связь со многими молодыми патриотами. Вскоре в их подпольной организации стало около семидесяти человек. Начались боевые дела. То один, то другой район города погружался в полную темноту из-за очередной аварии на электростанции.

Николай Смирнов и Глеб Силин собрали из старых деталей радиоприемник и спрятали его за главным щитом станции. Подпольщики слушали сводки Совинформбюро, от руки переписывали их и опускали в почтовые ящики.

Для сбора платы за электроэнергию они ходили по домам и, словно между прочим, рассказывали жителям правду о войне. Так были развеяны фашистские россказни о падении Москвы и Ленинграда, о прекращении сопротивления Красной Армией, о

восстаниях в стране.

Киселеву было поручено властями организовать на станции подзарядку аккумуляторов армейских машин. Подпольщики добавляли в электролит обрезки медной проволоки, соду. Через несколько дней эти аккумуляторы выходили из строя.

Гитлеровские автомашины для безопасности ездили почти исключительно колоннами и лишь по определенным дорогам. Это подсказало еще одну идею. Алексей Иванов наладил производство крошечных металлических «ежей», которые разбрасывались вдоль маршрутов немецких колонн. Движение автомобилей было парализовано.

Накануне 24-й годовщины Великого Октября в кабинете начальника городской электростанции шло «производственное совещание». Его участники — молодые подпольщики — решали, как отметить праздник, чтобы он надолго запомнился врагам.

И уже не впервые за время войны Кочкину пришлось использовать свои инженерные знания не для созидания, а для разрушения. Решено было вывести из строя основной генератор электростанции. Но как сделать это, не вызвав подозрений? Кочкин предлагает: надо замкнуть шилом внутреннюю обмотку, тогда на ее восстановление потребуется не менее двух суток. Так и сделали. В диверсии никого не заподозрили. Единственное, что вызывало бешенство гитлеровцев: «случайное совпадение». Город погрузился в темноту в ночь с 6-го на 7 ноября.

Сопротивление гитлеровцам в городе крепло. Появилась подпольная организация на паровозовагоноремонтном заводе. Слесарь-железнодорожник Геннадий Фокин с товарищами, перекрыв доступ холодной воды в котел, организовал взрыв в котельной, поджег цистерны с горючим. Много наделал шума взрыв на складе боеприпасов в центре города.

Группу из пяти человек создал в типографии коммунист В. И. Цветков. Его квартира стала «наборным цехом». Ночью, прослушав очередную сводку Совинформбюро, обсуждали ее, и тут же Антонина Гусева набирала текст, корректор Надежда Нечаева — правила.

Печатали листовки под носом у гитлеровцев, в типографии, когда охрана засыпала. Работа эта была не менее опасной, чем подготовка диверсий.

Когда Киселев узнал о появлении в городе листовок, понял: их группа — не единственная. И поручил ребятам связаться с другими подпольщиками. Довольно быстро Николаю Подшивалову и Владимиру Полякову удалось установить связь с группой паровозовагоноремонтного завода и железнодорожной станции, Ольге Савельевой — с типографскими работниками.

Сейчас, через много лет, когда мы знаем о грандиозных масштабах партизанского движения и подполья в Великую Отечественную войну, кому-то действия группы Кочкина могут показаться не такими уж значительными. Но тогда, осенью 41-го года, когда гитлеровская военная машина неумолимо двигалась вперед, многие сомневались в успехе борьбы в глубоком тылу противника.

Кочкин и его товарищи в первые месяцы оккупации сделали главное: они показали, что воевать можно и нужно не только на фронте. Подпольщикам не казались невероятными самые дерзкие, отчаянные акции, вплоть до покушения на... Гитлера.

Один из участников подполья Алексей Иванов вспоминал: «Немцы, что постоянно несли вахту на электростанции, проговорились, что в городе ожидают Гитлера. И было заметно по всему, что к встрече готовятся. Кочкин в предполагаемый день приезда (в январе), примерно в полдень, позвал меня к себе в кабинет и сказал: «Пойдем встречать, бери пистолет и запасную обойму». Я сбегал домой, переоделся, взял оружие, и мы пришли к гостинице «Москва», где обычно принималось высокое начальство. Напротив был когда-то аптекарский магазинчик, который сгорел, осталось только пепелище. На нем — много склянок и банок. Мы стали выбирать из них пригодные для лаборатории электростанции и наблюдать за гостиницей. Вскоре к подъезду подъехали три легковые машины. Из них вышли военные — два полковника, капитан и другие. Того, кого мы пришли встречать, не было.

Потом нам стало известно, что Гитлер изменил маршрут и поехал в Ржев».

В декабрьскую ночь за «праздничным столом» подпольщики дали клятву мстить врагу, не щадя своей жизни. Они еще не знали тогда, что совсем скоро им действительно придется отдать жизни за освобождение Родины.

Вскоре была проведена, пожалуй, самая крупная совместная операция групп Кочкина и Фокина. Сначала — авария на электростанции. И почти одновременно вспыхнул пожар на паровозовагоноремонтном заводе. Отсутствие электроэнергии предопределило дальнейшее развитие событий. Водяные насосы включить не удалось. Завод — крупнейшее предприятие Великих Лук — сгорел дотла.

О масштабах сопротивления гитлеровцам говорит и запись в дневниках начальника гитлеровского генштаба сухопутных войск генерал-полковника Ф. Гальдера: «14 декабря 1941 года. 176-й день войны. Положение с железнодорожным транспортом. Значительно уменьшилось количество прибывающих эшелонов.

Причины — диверсии партизан. В Великих Луках сожжены паровозо- и вагоноремонтные мастерские»[7].

После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой фронт приблизился к городу. Оккупанты опасались удара и с тыла. И не без оснований. Патриоты рассчитывали с приближением советских войск овладеть комендатурой, уничтожить командование гарнизона.

Однако силы оказались неравными. Против подпольщиков действовали отлаженные, беспощадные фашистские спецслужбы.

Участники подполья рисковали не только жизнью. Ко многим из них, особенно к тем, кто пользовался доверием у немцев, местные жители относились с презрением. Это было едва ли не самым тяжелым испытанием. Нельзя было ни словом, ни жестом выдать свою ненависть к фашистам. Поскольку на немцев подпольщики работали открыто, на виду у всех, истинное же лицо каждого знали немногие, по городу поползли слухи о молодых предателях, переметнувшихся к немцам. Не прекратились они и после освобождения Великих Лук, так как официального подтверждения существования подпольных групп не было. Трудно представить состояние матери Кочкина, когда на обращение в компетентные учреждения она получила ответ, что Василий был холуем у оккупантов и поэтому достоин всякого презрения. Плохая молва о сыне подорвала здоровье и старого солдата Ивана Николаевича.

Подтверждения действий патриотов в Великих Луках были получены в процессе следствия, которое в 1949-1950 годы провели пермские чекисты.

* * *

Вскоре после войны в Пермскую область прибыл Григорий Шумков. По документам — бывший военнопленный, освобожденный нашими войсками из австрийского лагеря. О прошлом вспоминать не любил, близко ни с кем не сходился — это никого не удивляло. Понимали: наверное, много человеку пришлось пережить, немало судеб искалечила война. Так и работал бы Шумков, если бы не одна встреча. Оказался в тех же краях бывший фашистский прихвостень, уже отбывший срок наказания за пособничество немецким захватчикам. И, встретившись с Шумковым, узнал в нем провокатора, выдавшего подпольщиков в Великих Луках. Никому об этом докладывать не стал, но как-то в компании не удержался, сболтнул. Пермские чекисты вышли на след предателя.

Не просто было разоблачить его. Преступник надеялся, что свидетелей не осталось, документов, изобличающих его, не сохранилось.

Подполковник Иван Васильевич Няшин попросил разрешения лично вести расследование этого дела. Начальник управления одобрил такое решение, так как хорошо знал Ивана Васильевича, его боевой путь, службу в органах. Няшин до войны более семи лет работал народным судьей, участвовал в боях на Халхин-Голе, с 1942 по 1945 год на фронте, в контрразведке «Смерш», награжден двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды, медалями. Во время войны непосредственно участвовал в разоблачении немецких агентов, вел дела на фашистских наемников.

Шаг за шагом следствие изучало этапы предательства. Были разысканы и приглашены в Пермь участники и свидетели дел великолукского подполья. Дали показания Геннадий Фокин, Николай Смирнов, Миля Минина и другие.

Из показаний свидетеля Геннадия Васильевича Фокина:

«Шумкова я узнал, когда он стал работать в конце 1941 года или в начале 1942 года, точно не помню, на паровозоремонтном заводе. Я в это время руководил подпольной организацией, которая состояла примерно из 50 человек. Шумков с первых же встреч со мной и другими на заводе навязывал разговор про войну, о том, что советские войска начинают наступать и скоро немцев разобьют, что надо организовываться и бить немцев здесь и т. д. А потом он стал просить, чтобы его приняли в организацию. Я ему ответил, что у нас нет никакой организации. Впоследствии, посоветовавшись с некоторыми руководителями подпольных групп, мы его приняли. В беседе он рассказал, что в прошлом работал в Великолукском военкомате, имеет воинское звание «старший лейтенант», оставлен для подпольной работы, имеет оружие, в том числе пулемет.

Примерно в январе 1942 года на квартире Валентина Полякова состоялось совещание руководителей подпольных групп, на которое был приглашен и Шумков. Мы наметили план проведения диверсий на заводе и в городе против немцев и я дал задание собирать побольше оружия. Шумков выступил с патриотической речью, призывал к борьбе с фашистами...»

На очной ставке с Фокиным 23 февраля 1950 года Шумков признал:

«Показания свидетеля Фокина я подтверждаю в том, что действительно через несколько дней после совещания по моему приглашению Фокин пришел ко мне на квартиру и в беседе наедине мы подвергли обсуждению вопросы, касающиеся

дальнейшей деятельности нашей подпольной организации. Совершенно верно, я достал, но где, сейчас не помню, карту Великолукского округа, и мы вместе с Фокиным стали наносить на ней военные объекты противника и возможные варианты подавления немецких огневых точек в момент наступления советских войск с целью нашего соединения с ними. Припоминаю, тогда же возник вопрос о численности подпольной организации. Фокин мне называл фамилии известных ему участников подполья, и мы намечали, что каждая из групп должна будет делать в момент восстания. Фамилии я записал...»

Вскоре начались аресты подпольщиков. Патриотов привозили в гостиницу «Москва», превращенную гестаповцами в застенок с усиленной охраной. Взяли и Шумкова, но он содержался в отдельной комнате в помещении гестапо. Очевидно, немцы опасались, что он будет сразу разоблачен участниками подполья. Патриотов пытали, пытались добиться признания, однако ничего добиться не могли. Тогда в открытую решили использовать предателя.

Из протокола допроса Шумкова:

«На допросах у следователя осткомендатуры Шоля я рассказал о подпольном совещании в квартире Полякова и назвал фамилии присутствовавших на нем людей, которых знал... Мне проводились очные ставки, на которых я уличал участников нашей организации в фактах конкретной подпольной деятельности...»

Из показаний свидетеля Николая Ивановича Смирнова:

«Когда меня привели в комнату, где немецкие офицеры проводили допрос арестованных, я увидел за столом Григория Шумкова. Он ел хлеб со сливочным маслом. В этой комнате находились три немецких офицера, переводчик по фамилии Кресс и два жандарма, которые охраняли меня...»

Из показаний свидетеля Алексея Кузьмича Иванова:

«Когда я был на допросе у немецкого следователя, Шумков сидел тут же за столом в хорошем настроении, улыбался. Он задал мне вопрос: «А помнишь ли историю с досточками с гвоздями?» А мы до этого по дорогам разбрасывали металлические шипы и доски с гвоздями для прокола шин немецких автомобилей. Но я ответил, что помню, как заколачивали досками дверь в подвале электростанции...»

Вина Шумкова в предательстве великолукских патриотов была доказана. Приговор военного трибунала Прибалтийского военного округа — высшая мера наказания.

* * *

Предательство наказано, возмездие за преступление пришло, но необходимо было вернуть честные имена патриотам, которые оставались неизвестными или оклеветанными. Установлению истины способствовало следствие, проведенное чекистами по этому делу. В официальных материалах расследования есть бесценные сведения о подпольщиках, их деятельности, героическом поведении. Есть здесь и документы, касающиеся Василия Кочкина.

Из показаний свидетеля Николая Ивановича Смирнова:

«Находясь на работе на электростанции в сентябре 1941 года, числа точно не помню, с директором Киселевым Германом Степановичем мы пошли на насосную станцию. Он в разговоре интересовался моей биографией. В свою очередь я также спросил Киселева, что он за человек. На это Киселев мне ответил, что до войны отбывал наказание в Витебске. Из разговоров с ним я понял, что он в заключении не находился. Спросил его на тюремном жаргоне один из предметов в тюрьме, Киселев мне не ответил, стушевался. Он предложил мне работу по зарядке аккумуляторов, при этом заявил, что их надо заряжать так, чтобы они не работали. После этого разговора Киселев пригласил меня в гости, предупредил, чтобы я никому не рассказывал о том, какое дал он мне задание...»

О достоинстве, с которым держался Кочкин в самое трудное время, говорил и сам предатель.

Из протокола допроса Шумкова:

«На очной ставке у следователя Шоля Киселев, обратившись к переводчику Крессу, с возмущением спросил: «Скажите, за что меня арестовали?» Тот ответил: «Скоро узнаете». «Вы знаете Фокина?» — был вопрос Кресса. «Нет, не знаю». Я подтвердил их знакомство. Затем Кресс перевел следующий вопрос Киселеву: «Знаете ли вы, что у вас на электростанции группа людей производила акты саботажа?» «Нет, не знаю», — ответил Киселев. «А как вы думаете?» — Кресс адресовал вопрос мне. Я ответил, что, исходя из знакомства с Фокиным и компетентности Киселева в техническом отношении, можно предположить, что он играл известную роль в подрывной работе на электростанции...»

О том, что творилось тогда в помещении гостиницы «Москва», где содержались подпольщики, рассказала потом чудом уцелевшая Миля Минина: «Истерзанные на допросах молодые ребята, брошенные в камеру, от боли лишались дара речи. Я стала совершенно седой...»

Пытки, истязания, допросы продолжались в течение месяца. 19 марта подпольщиков посадили в грузовики, накрыли брезентом и повезли на Коломенское кладбище, на окраину

города. Свое черное дело фашисты свершили рано утром, надеясь скрыть, кого расстреляли. Однако и здесь оказались свидетели. Мать подпольщика Александра Овчинникова Надежда Дмитриевна рассказала: «19 марта 1942 года я и ряд других матерей, в том числе Иванова, подошли к немецкой тюрьме. Иванова ухитрилась у двух арестованных женщин через окно спросить, где наши дети. Те ответили, что их ночью увезли на автомашинах. Через некоторое время к тюрьме подошла женщина и рассказала, что около ее дома на кладбище Коломейка расстреляли несколько человек. Она слышала крики «За Родину» и выстрелы. Мы, матери, пришли на это место, нашли несколько шапок, хлястиков от пальто, мыло, мочалку. Пытались разрыть могилу, уже отрыли 8 трупов, в том числе директора электростанции Киселева, но были отогнаны сторожем. В тот же день я спрашивала у знакомого полицейского о сыне. Он сказал, что Сашу расстреляли».

Подполковник Няшин с удовлетворением закончил это дело. Еще бы... преступление раскрыто, собраны доказательства, предатель ответит за содеянное. Но радовало другое. Выяснены, хотя и не полностью, обстоятельства действий патриотов в тылу врага. Раскрыта еще одна страничка мужества советских людей.

Великолукское подполье было организовано рядовыми коммунистами, комсомольцами, беспартийными — теми, кому дорога Родина. У них не было опыта партийной, пропагандистской работы, они не обладали навыками конспирации. С голыми руками начинали борьбу, оружие приходилось добывать у немцев. Но их это не остановило. Рискуя жизнью, подпольщики боролись с оккупантами в тяжелые для нашей страны дни 1941-1942 годов.

В арсенале группы Кочкина были и диверсии, и саботаж, много сил он и его товарищи уделяли агитационной работе, укрепляя веру в победу у местных жителей. Была отлажена «цепочка», по которой переправлялись через фронт бежавшие из лагерей военнопленные, выходившие из окружения бойцы и те подпольщики, которым угрожала непосредственная опасность. С ними же переправлялась разведывательная информация, собранная патриотами.

И провал подпольщиков произошел не из-за моральной неподготовленности, а из-за нехватки навыков конспиративной работы, отсутствия в подполье людей, знавших непреложные законы жизни в тылу врага.

Обстоятельства сложились так, что их имена не сразу были внесены в списки тех, кем гордится народ. Даже следствия почему-то оказалось недостаточно. Подключились уцелевшие

подпольщики, журналисты. Лишь в 1961 году появился документ — письмо Псковского обкома КПСС, внесший полную ясность: «Дополнительной проверкой установлено, что в конце 1941 и начале 1942 годов в Великих Луках действительно имелись патриотические молодежные группы, одну из которых возглавлял Кочкин Василий Иванович, работавший в то время на городской электростанции под фамилией Киселев. В феврале 1942 года немцы арестовали многих участников этих патриотических групп и ряд из них расстреляли. В числе расстрелянных был и Киселев».

Немало подвигов совершено в годы войны на Псковщине. Вскоре после ареста подпольщиков, 24 февраля 1942 года, Совинформбюро сообщило о великолукском колхознике, 80-летнем Матвее Кузьмиче Кузьмине. Гитлеровцы предложили ему лесом и болотами провести их в тыл советских войск, обещали много денег. Во время сборов Матвей Кузьмич незаметно поручил сыну пробраться к нашим, предупредить их об опасности и сказать, чтобы они устроили засаду в условленном месте. Долго водил фашистов по лесу старый охотник. И когда они неожиданно оказались под перекрестным пулеметным огнем, Кузьмин что было силы крикнул: «Бей, ребята, не жалей гадов!» Фашистский офицер тут же выпустил в него пулю. Более 250 гитлеровцев нашли свою смерть под огнем наших бойцов. Многие были захвачены в плен. Так великолукский колхозник отомстил за молодых подпольщиков.

Вспомним и Александра Матросова, на псковской земле сделавшего свой последний шаг на вражескую амбразуру.

Много известных и пока безымянных героев сложили здесь свои головы. Один из них — наш земляк Василий Кочкин. Память о нем не должна уйти вместе с последними свидетелями тех героических событий. Как сам Василий учился на примере старших поколений, так и нынешняя молодежь должна видеть перед собой пример людей, прошедших через все испытания, не запятнав своей чести. Так пусть живые помнят.

М. СМОРОДИНОВ
Закон пограничья [8]

«Председателю КГБ Литовской ССР.

Докладываю: Вакшаускас Винцас, сын Вацлаваса, 1913 года рождения, уроженец деревни Паленишки, литовец, беспартийный, кулак-единоличник, бывший житель деревни Памельгеджяй, в период временной оккупации немецко-фашистскими войсками территории Литовской ССР состоял с июня 1941 года в сувенском бандитском карательном отряде. На вооружении имел винтовку, участвовал в арестах советских граждан. После реорганизации отряда служил в илебродской немецкой полиции. Принимал участие в расстрелах арестованных коммунистов, советских активистов и лиц еврейской национальности, что подтверждается свидетельскими показаниями.

После изгнания немецко-фашистских войск с территории Зарасайского уезда Вакшаускас находился в вооруженной националистической банде Стрейкуса, получив кличку Баравикас, впоследствии измененную на кличку Рябина. Участвовал в террористических актах в тылу советских войск.

В конце сентября 1945 года банда Стрейкуса Антанаса была окружена в Радминском лесу подразделениями войск НКВД и частично уничтожена. Вакшаускасу вместе с главарем банды Стрейкусом удалось скрыться. Находясь на нелегальном положении, он организовал собственное бандоформирование, продолжал террористические вылазки, грабил население.

29 января 1948 года совместно с бандитами Имбродасом (арестован и осужден), Вайнаускасом (впоследствии убит) и Карло Ионасом (разыскивается) — Вакшаускас совершил вооруженное нападение на деревню Губеранцы. Ее житель Новицкас сообщил, что вечером к нему в дом ворвались два бандита: один среднего роста, в ватнике и шапке-ушанке, лицо корявое, вооружен автоматом, пистолетом и гранатами; второго не запомнил. По предъявленным позднее фотографиям Новицкас опознал Вакшаускаса.

Бандиты зверски избили Новицкаса и под угрозой

оружия заставили постучать в дверь дома Калинскаса, где жили комсомольцы — девятнадцатилетний Вилюе и восемнадцатилетний Владас. Бандиты убили их. Избив хозяев, сложили в мешки награбленные вещи, запрягли лошадь Калинскаса и уехали в сторону деревни Сувеки. Сестра убитых комсомольцев Аксютова-Калинскас и их отец также опознали по фотокарточке Вакшаускаса. Причем сестра утверждает, что именно он застрелил из пистолета младшего из братьев.

В феврале 1948 года банда Вакшаускаса была разгромлена, девять бандитов убиты в перестрелке, шестеро арестованы, троим, в том числе главарю, удалось бежать. Активный розыск Вакшаускаса продолжался до марта и был прекращен, когда в Радминском лесу обнаружили убитого из автомата мужчину с обезображенным до неузнаваемости лицом. В кармане ватника нашли потертый аусвайс, выданный во время оккупации на имя Винцаса Вакшаускаса. Односельчане подтвердили, что убитый, по всем приметам, — разыскиваемый бандит.

Однако органами КГБ Пермской области 25 января 1960 года было обращено внимание на неизвестного мужчину, прибывшего в поселок Визяй Кудымкарского района, где в настоящее время проживает семья Вакшаускаса. Проведенные в короткий срок оперативные мероприятия позволили доказать, что в Визяй приехал Винцас Вакшаускас. Сотрудники КГБ выяснили подробности его антисоветской и националистической деятельности, собрали доказательный материал.

Учитывая, что Вакшаускас совершал преступления на территории Литвы, а расследование проведено органами КГБ Пермской области, прошу Вашего разрешения на переправку Вакшаускаса в Вильнюс с последующим арестом именно здесь.

Уполномоченный КГБ Литовской ССР по Утенскому району майор Тихонравов.

17 июня 1960 года».

Действительно, расследование преступлений Вакшаускаса организовали и провели пермские чекисты вместе с литовскими товарищами. А руководил всей операцией наш земляк, майор Петр Абрамович Курганов, ныне полковник в отставке, ветеран КГБ. Сколько на его счету нелегких поединков с врагом,

головоломных расследований! Свою чекистскую службу начал он еще в 1940 году, на границе, прошел через войну и кровь, служил в «Смерше», был ранен и контужен. Много наград на груди ветерана, среди них и главный солдатский орден — орден Славы. Но самая дорогая награда, как он сам признался, — медаль «За оборону Советского Заполярья».

* * *

В лощине лежал снег. Много намело его за долгую полярную зиму. Конец июня — а все еще не тают снежные языки, белеют среди ярко-зеленых тундровых болот, на фоне серых причудливых валунов, оставленных здесь проползшим в незапамятные времена ледником. На южных и западных склонах каменистых гряд, цепляясь корнями за скудную, неласковую землю, коряво стоят малорослые карельские березы. Спешат подставить узкие ладошки листьев солнечным лучам. Заполярье! Июнь — еще не лето, июль — уже не лето.

Петр Курганов — заместитель политрука первой заставы — залег с винтовкой в середине цепи из сорока пограничников. Там, за снежной лощиной, — враг. Если фашисты пойдут через границу, лощины им не миновать: южнее — озеро Титовское, севернее — непроходимые болота, скальные надолбы, настоящий противотанковый рубеж, созданный самой природой. А фашисты должны пойти: через заставу лежит кратчайшая дорога на Мурманск.

Уже неделю гремели бои, немцы танковыми клиньями ломились в глубь страны. А здесь, на севере Кольского полуострова, стояла относительная тишина. Перебежчики с финской стороны предупреждали пограничников, что фашисты готовят удар в ночь на 29 июня. А вчера Петр Курганов и сержант Киселев с нарядом из трех человек обнаружили на советской территории, примерно в километре от государственной границы, четырех вооруженных автоматами нарушителей. В перестрелке троих уничтожили, одного, раненного, задержали.

Им оказался немец в звании обер-лейтенанта, штабной офицер 6-й горно-егерской дивизии. На допросе он вел себя заносчиво, не скрывал, что выполнял разведывательное задание — выявить огневые точки, прикрывающие дорогу на Мурманск.

— Чего мне скрывать, — убежденно басил немец, — когда первого июля мы уже будем в Мурманске! А вы, господа, будете нашими пленными...

— Повадился кувшин по воду ходить — там ему и голову

сложить, — сказал начальник заставы старший лейтенант Дронов, когда политрук Иванцов перевел речь фашиста. — Прочитай, что у него в документах.

— Часть нам известная — горные егеря дивизии генерала Дитла. А вот это интересно. Пригласительный билет. Командование приглашает господ офицеров вермахта в мурманский ресторан «Арктика» на торжественный банкет по случаю доблестного захвата Мурманска «на третий день с начала наступления».

— Ишь ты, на банкет! Как же — «герои Нарвика и Крита». У нас тут не Крит, охолонут маленькб.

Дронов запечатал пакет и передал его Курганову:

— Срочно доставьте командиру полка, а на словах передайте, что немцы попрут скорее всего в ночь с двадцать восьмого на двадцать девятое. Показания перебежчиков косвенно подтверждаются.

Оседлав единственного на заставе коня, — зимой пограничникам приходилось больше ездить на собаках и неприхотливых оленях, — Курганов поскакал в штаб 95-го стрелкового полка 14-й стрелковой дивизии, дислоцировавшегося восточнее реки Титовка в тылу у пограничников.

В 11 часов вечера, едва солнце коснулось горизонта, пограничники скрытно покинули казарму и двинулись к границе на высоту «202», заняли рубеж вдоль заснеженной лощины. Сорок человек с гранатами и стрелковым оружием — против многотысячной, вышколенной, вознесенной геббельсовской пропагандой до небес дивизии горных егерей, против пушек, минометов, авиации...

«Ночь» полярным днем — полчаса светлых сумерек — промелькнула быстро, как тень совы. Пограничники разложили в ниши гранаты, запасные диски и обоймы. «Хорошо хоть к «трехлинейкам» в мае пришло подкрепление — самозарядные винтовки Токарева и пистолеты-пулеметы Дегтярева. Ведь уже тогда на границе пахло порохом: чуть не каждый день нарушения — и на земле, и в небе», — думал Курганов, привалившись спиной к валуну. Посмотрел вперед, на заснеженную лощину, глянул вокруг. Хмурый пейзаж! Невысокие каменистые сопки с чахлой растительностью, болота, серое небо — нагоняли тоску. С особой остротой вспомнился дом, родная деревушка Лямпино посреди весело зеленеющей пармы.

Гадал ли он тогда, в детстве, что придется ему стрелять в людей? Нет, конечно. Петр мечтал стать учителем. Как большинство физически сильных людей, был он добродушен, не любил ссор. Да и с кем ссориться? Почитай вся деревня — родня,

у всех фамилии — Кургановы. Есть еще, правда, Вавилин, да и тот — зять Кургановых, женился на старшей сестре Петра.

А силенок Петр набрался в деле, с четырнадцати лет пахал. В пятнадцать закончил ШКМ — школу колхозной молодежи, как звалась тогда сельская семилетка, поступил в Кудымкарское педучилище. Славная была жизнь, хоть и голодная. Стипендия — пятьдесят рублей, а килограмм хлеба стоил почти рубль, килограмм сахару — четыре пятьдесят. И еще надо одеться, обуться. Зато какое пиршество — после стипендии пойти в «настоящую» столовую, подкрепиться более существенным, чем каша да чай! Правда, официанты обслуживали учащуюся братию весьма неохотно, зато стремглав бросались на щелчок пальцами заезжих шоферов, те на «деньгу» не скупились.

В 39-м году Петра Курганова как выпускника направили на длительную педагогическую практику, а в сентябре 40-го призвали в пограничные войска. Петр не думал становиться профессиональным военным, хоть и был соблазн. Перед окончанием училища пришел к ним в общежитие офицер из военкомата, весь в скрипучих ремнях, в блестящих сапогах чистого хрома. Петру предложили поступить учиться в Свердловское пехотное училище.

Отговорил его зять, тот самый единственный в селе Вавилин. Был он уважаемым в колхозе человеком, партийцем. «В селе учитель — больше чем учитель. Так что, Петр, отслужи лучше срочную да возвращайся, учи ребятишек добру...».

Так и сделал бы Курганов, если б не фашисты, если б не война. Нет, не думал он стрелять в людей. А скольких уже нашли его пули здесь, на границе, с той поры, как служит он в Мурманском пограничном округе войск НКВД, на первой, самой северной на Кольском полуострове заставе? Свято выполнял он главный закон пограничья: быть бдительным, смело вступать в поединок с врагом, не жалеть своей крови и даже жизни ради своего народа, своей родины. Настоящий, чекистский закон. И не в людей он стрелял, а в нарушителей, в шпионов и диверсантов, не желавших сдаваться. И не в людей он будет стрелять сегодня, а в смертельных врагов, фашистов.

Курганов потянулся к винтовке, еще раз примериваясь, удобно ли будет целиться, и в этот миг страшно громыхнуло на западе, над головами пограничников с воем понеслись снаряды, мины. Фашисты ударили по заставе и по тылам, где располагался 95-й стрелковый полк. Как молот по наковальне, долбила и долбила по скалам фашистская артиллерия. Когда первый одуряющий страх, заставляющий инстинктивно прижиматься к земле, немного отпустил, Петр приподнял голову. По склону

лощины спускались с той, западной стороны плотные цепи горных егерей в серо-зеленых мышиных мундирах.

Атакующие враги достигли белой кромки лощины. Пьяно горланя, — егеря укрепляли свою храбрость шнапсом, — фашисты бежали по рыхлому снегу, проваливаясь и беспорядочно строча перед собой из «шмайссеров». Перекрывая треск автоматных очередей, старший лейтенант Дронов крикнул: «Огонь!»

Каждый метр лощины был давно пристрелян пограничниками. Их встречный огонь был точен. Отчетливо, зло били винтовки, в центре рокотали ППД — знаменитые «дегтяри», с флангов косили врага два станковых пулемета — самая мощная «артиллерия» заставы. Трупы в мышиных мундирах испятнали белый снег. Оставшиеся в живых отступили. Застава выдержала первый натиск егерей.

В течение дня пограничники отбили восемь атак озверевших врагов. Патронов наши бойцы не жалели: арсенал заставы пополнялся единожды в году, да и запас продуктов привозился разом на весь год. И сделано это было недавно, полмесяца назад.

Несколько раз фашисты предпринимали артналеты на позиции пограничников, дважды вызывали авиацию, но сбить оборону так и не смогли. Здесь, среди вековых валунов, разрывы снарядов и бомб были малоэффективны, смертью грозило лишь прямое попадание. Именно от прямого попадания авиабомбы погиб старшина заставы, подвозивший товарищам боеприпасы. Бомба в щепки разнесла повозку с патронными ящиками и гранатами, осколками ранило лошадь, и она стонала буквально по-человечески, пока Дронов не приказал кому-то из бойцов добить ее.

К вечеру наблюдатели с левого фланга доложили, что фашисты взорвали скалу у озера, разровняли дорогу и в обход цепи пограничников пустили танки.

— Приказываю отходить! — скомандовал Дронов. — Взять максимально возможное количество боеприпасов и продовольствия, остальное вместе со зданием заставы сжечь!

Неохотно выполнили приказ начальника пограничники. Дронов понимал их, а потому и объяснил свои действия политруку заставы Иванцову:

— Задачу свою мы, Николай Матвеевич, выполнили. Нужно было продержаться восемь часов, а мы тут — без малого сутки. Егерей накрошили — снега в лощине не видать. А на танки идти с голыми кулаками — не резон. Так и растолкуй бойцам: отходим на укрепленные позиции девяносто пятого полка. Вместе будем воевать. У пехотинцев есть и пушки противотанковые, и гранаты...

* * *

Сто километров, отделявшие Мурманск от линии государственной границы, фашисты намеревались пройти за три дня. Почти два месяца потребовалось им, чтобы одолеть сорок километров от Титовки до реки Западная Лица. 95-й стрелковый полк и влившиеся в него пограничники отступали, заставляя врага платить большой кровью за каждый куст и камень, за каждый метр советской земли.

Уже 29 июня командование 82-го погранотряда потеряло связь с первой заставой. Ее сочли погибшей. Родственникам личного состава в конце июля послали похоронки. Пришла казенная бумага и в деревню Лямпино Коми-Пермяцкого округа родителям Петра Курганова.

И какова же была радость командования погранотряда и друзей-пограничников, когда застава — почти без потерь! — в августе форсировала Западную Лицу и вместе с подразделениями 95-го полка заняла оборону на ее восточном берегу! Получив подкрепление, на этом рубеже советские части стояли насмерть. До Мурманска — нашего заполярного незамерзающего порта — фашистам оставалось пройти еще шестьдесят километров, но они не смогли продвинуться уже ни на шаг. Здесь сложили головы многие егеря дивизии генерала Дитла, здесь похоронена ее «непобедимость». Не зря долину Лицы в годы войны окрестили Долиной Смерти, а после победного мая — Долиной Славы.

Пропали пригласительные билеты командования германского вермахта на банкет в ресторан «Арктика». Фашисты могли попасть в Мурманск только в одном качестве — в качестве пленных! Мишуковская дорога от пограничной заставы № 1, от Титовского озера до Мурманска — оказалась для горных егерей непроходимой.

* * *

Когда линия фронта на Западной Лице стабилизировалась, командование 82-го погранотряда отозвало пограничников из стрелковых частей. Из уцелевшего, крепко обстрелянного личного состава разных застав сформировали чекистский диверсионно-разведывательный отряд. Заставу старшего лейтенанта Дронова поделили на две диверсионно-разведывательные группы. В группу, которую он возглавил сам, Дронов включил и Петра Курганова как сообразительного разведчика, меткого стрелка, человека большой физической силы, да к тому же владеющего

боевыми приемами рукопашной схватки.

Рейды пограничников во вражеский тыл отличались дерзостью и стремительностью: они действовали в хорошо знакомых им районах своих бывших застав, знали каждый камень, склон, ложбинку, болото.

— Дома стены помогают, а мы — дома! — не раз говаривал Дронов.

...Их группа возвращалась из глубокого рейда по фашистским тылам. В белесой мгле полярной ночи, в белых маскхалатах скользили пограничники на лыжах по белым снегам, выявляя расположение вражеских подкреплений, коммуникации противника, штабы, узлы связи. Спали прямо на снегу, подостлав ветки карельской березы, костров не разводили, питались стылыми консервами, кое-как размороженными на синеватом пламени таблеток сухого спирта; жевали каменные сухари.

— Да, с такой пищи ходить будешь, но медленно, если ветра не будет, — пытался шутить Курганов.

— Ничего, возвращаться — не в пекло лезть, — старательно передвигая лыжи, ответил Дронов. — Смотри, наша ложбина. Интересно, закопали егеря своих тут или так и замело снегом?

— Кто его знает? Попробуй, вройся в камень... Стой!

Идущие след в след по лыжне разведчики остановились.

— Чего там? Фрицы?

— Дозорный дал сигнал фонарем.

Дронов и Курганов поспешили вперед, к дозору.

— Что случилось?

— Слева, где наша застава, кто-то воет. А впереди — в метрах трехстах от нас, в низине, похоже, походные немецкие палатки.

— Проверим!

Проверить, понять непонятное, грозящее возможной опасностью, —такой же закон пограничья, как обязательная бдительность. И Дронов свернул с лыжни влево, к заставе. Вернулся он буквально через две минуты.

— И смех и грех, — сказал он, отдуваясь. — Это же наша печь на заставе воет! Узнала своих, вот и подает сигнал.

Мысленно Петр Курганов тотчас представил большую круглую печь из красного кирпича, обитую крашеным железом. Как уютно стояла она в центре родной казармы, а вокруг теснились тридцать пять солдатских коек. Как хорошо горели и потрескивали не поддающиеся топору стволы карельской березы. Вспомнился повар Василий Тельнов, прекрасно пекший хлеб, правда, в другой печи, поменьше. Тельнов погиб в августе на Западной Лице.

— Да, заставу свою сожгли; стены сгорели, а печь стоит, воет,

как баба по покойнику, — не обращаясь ни к кому, сказал дозорный.

— Ничего — они нам за все наши беды заплатят. Заставим, — убежденно сказал Дронов. — Так, говоришь, впереди палатки фашистские? Может, тоже померещилось, если вой ветра в печной трубе за страшную опасность принял?

Не померещилось...

В низине, на пути пограничников, стояли большие палатки, в каждой, должно быть, пятнадцать-двадцать фашистов.

— Двенадцать палаток, — вынырнув из темноты, доложил Дронову Петр. — Спят как сурки. Без охранения.

Обычной задачей диверсионно-разведывательных групп было уничтожение живой силы и техники врага, наведение паники в его тылах, захват «языков». На этот раз группа Дронова выполняла чисто разведывательное задание, можно было обойти неприятельский гарнизон, не рисковать: благо собран необходимый материал. Но велико было искушение.

— Часовых нет. Чувствуют себя в безопасности: до линии фронта сорок километров. Ничего, мы их расшевелим, боекомплект у нас не истрачен. Окружаем и в два ноль-ноль, без «ура» и шумовых эффектов, — забрасываем гранатами.

Соотношение сил было не в пользу пограничников, но на их стороне — внезапность, дерзость, вера в свою правоту и полярная ночь...

Забросав палатки гранатами, разрядив автоматные диски в обезумевших врагов, пограничники растворились во тьме, прихватив на всякий случай «языка».

Конечно, не все операции проходили столь же успешно. В одном из дальних рейдов, в котором участвовали совместно три группы, пограничники Дронова ушли из базового лагеря в фашистском тылу громить коммуникации врага. Две другие группы, вернувшиеся с задания, измотанные и смертельно усталые, расположились на отдых. Тоже в низине, за ветром, только не в палатках, а на снегу. Приняли с устатку и для согрева «сто наркомовских граммов» — и уснули. Троих дозорных тоже сморил сон. Каратели из СС — не без помощи белофиннов — бесшумно сняли спящих дозорных, а остальных расстреляли в упор. Из сорока наших бойцов уцелел один, раненый. Он-то и рассказал, как фашисты ножами добивали раненых, уродовали лица мертвых.

Страшное зрелище предстало глазам пограничников группы Дронова, вернувшейся на базу. Отныне ни капли жалости не оставалось у бойцов к лютому зверю-врагу.

— Эх, ребята! — сдернув ушанку, только и мог сказать

Дронов. Скорбно помолчав, добавил: — Забыли главный закон пограничья, утратили бдительность. Мы отомстим за вас...

Не с тех ли пор сделались неуловимые чекистские группы грозой и кошмаром оккупантов? Такой факт: когда в октябре 1941 года диверсионно-разведывательный отряд реорганизовали в 181-й погранбатальон, его командиром стал подполковник Михайлов. О бойцах батальона, оправдывая свою беспомощность, фашистское командование распространило легенду: «Пограничники Михайлова дерзки, неуловимы и беспощадны. Бороться с ними невозможно».

В Заполярье Петр Курганов сражался до ноября 1942 года. Потом его вместе со многими товарищами-пограничниками посадили в воинский эшелон и повезли на Урал. Прогромыхали за открытой дверью теплушки знакомые станции: Верещагино, Менделеево, Пермь II... До дому, казалось, рукой подать.

Однако на самом деле до дому оставалось еще больше двух лет войны, борьба с националистами всех мастей, учеба в школе контрразведки «Смерш».

* * *

«Уполномоченному управления КГБ СССР по Коми-Пермяцкому округу Пермской области майору Курганову П. А.

Гражданин Вайткунас, проживающий в поселке Визяй, сделал мне устное заявление. Вечером 25 января, примерно в 23 часа, он заметил неизвестного мужчину, постучавшегося в дом Вакшаускаса. Несмотря на чрезвычайную нелюдимость и подозрительность старого Вацлава Вакшаускаса, неизвестный был тотчас впущен в дом. У двери он произнес несколько фраз по-литовски. Вайткунасу разобрать удалось одну: «Привет из Литвы».

Голос мужчины, его жесты, фигура показались Вайткунасу знакомыми, хотя лицо в темноте разглядеть не удалось. Однако он утверждает — привожу его речь дословно: «Если бы не известие о смерти Винцаса Вакшаускаса в Радминском лесу, можно было бы поклясться: незнакомец этот — он».

Возможно, Вайткунас ошибается и незнакомец — связник старого националиста Вакшаускаса, прибывший из Литвы. Прошу разрешения на его проверку.

Капитан КГБ

К. Андришунас.

26 января 1960 года».

* * *

Запросив в архиве ориентировки по розыску Вакшаускаса, майор Курганов внимательно ознакомился с ними. Тут-то у него и мелькнула впервые догадка, что убийство в Радминском лесу не стыкуется с повадками «лесных братьев». Не стыкуется! Зачем нужно было до неузнаваемости корябать лицо убитого?

По фронтовому опыту Петр Абрамович помнил, что фашистские прихвостни, особенно оуновцы, литовские «лесные братья», — страшно истязали свои жертвы, вырезали на теле звезды, вспарывали животы, выкалывали глаза, привязывали к дереву и садистски разводили под босыми ступнями огонь... Так они поступали и с представителями Советской власти, присланными в освобожденные от фашистов районы, и с местными активистами, коммунистами, учителями. Довелось Петру Курганову видеть и тело убитой националистами молоденькой учительницы-комсомолки неподалеку от Барановичей летом 1944-го. Бандиты надругались над ней, потом отрезали груди.

И головы отрез***а***ли — было! Но старались лицо оставить узнаваемым — чтобы поняли местные жители, кто и за что «наказан», будь то сельский активист или отступивший от дела «лесной брат»; чтобы вселить в души людские ужас и покорность: мол, советские войска пройдут на запад, а «мы тут век хозяйничать будем».

И приходилось частям контрразведки «Смерш», кроме вылавливания парашютистов, диверсантов, разведчиков противника, прочесывать леса, отыскивать бывших старост и полицаев, бандитов, их схроны, тайники с оружием и продовольствием. Именно в такую часть был направлен Петр Курганов после двухмесячного лечения в госпитале, накануне наступления Центрального фронта в июле 1943 года. Их 118-й отряд по охране тыла 65-й армии вступал в бои с группами отставших, пробивающихся на запад фашистов, выявлял в освобожденных деревнях и селах бывших карателей, пособников оккупантов.

* * *

Когда с полковником Петром Абрамовичем Кургановым мы «читали» полесскую страницу его фронтовой биографии, я не удержался, спросил, знаком ли он с романом В. Богомолова «Момент истины». Ведь и время совпадает — август 44-го, и место — Барановичи, Шиловичи, Лида, и операция по освобождению Белоруссии — «Цитадель»!

— Ну, мы-то от Лиды далеконько были, — усмехнулся Петр Абрамович. — Что же касается романа, то героев его автор честно написал, мало чего, так сказать, преувеличил. Розыскная работа контрразведчиков в лесах будто с натуры списана. Малые группы, внезапные огневые стычки...

— А Таманцев? Стрельба «по-македонски» из двух наганов, сверхвыносливость и сверхловкость — супермен, да и только.

— Война всему научит. Были у нас такие оперативники, действительно «скорохваты». Алехин мне нравится, но, признаться, профессионально не верю ему в заключительных эпизодах: вряд ли буквально в минуты можно нормальному человеку, даже с тренированной памятью, «прокачать» все те ориентировки и приметы возможных диверсантов, чтобы выявить Мищенко.

— Давно читали роман?

— Лет двенадцать назад. В журнале. Тогда он назывался «В августе сорок четвертого»...

— А помните всех героев.

— Как не помнить! Я с этими героями в молодость свою вернулся. Тогда-то, в сорок четвертом, стукнуло мне всего двадцать два года. И ничего я, кроме крови, грязи, пота, снова крови, — тогда еще не видал на белом свете. Спаленные деревни, развалины городов и трупы, трупы, трупы...

Петр Абрамович помолчал, задумался, провел ладонью по лицу.

— Честно говоря, у тех, кто прочтет роман Богомолова, может сложиться впечатление, будто части «Смерш» лишь тылы охраняли. Нет, доводилось нам выполнять и многие другие задачи. В сентябре 1943 года наш 118-й отряд получил боевую задачу: переправиться на западный берег Сожа и захватить плацдарм. И удерживать его, оттягивая на себя фашистов, пока основные силы 65-й армии генерал-лейтенанта Батова не форсируют Днепр в районе Лоева. Отряд из трехсот чекистов разбили на пять групп, чтобы каждая могла удерживать участок более широкий по фронту, поскольку вторая половина задачи — отбить возможный фланговый удар гитлеровцев по наступающей армии. Сентябрьской ночью переправились через Сож. Наша группа вышибла фашистов из прибрежной деревушки, захватила

плацдарм, окопалась. Десять суток непрерывного боя. Ночью подвозили еду, патроны. Выстояли. Медаль «За отвагу» — как раз за тот плацдарм. А друга моего, Николая Овсянкина из Красноярска, тоже пограничника, подкараулил вражеский снайпер. Пуля под срез каски вошла, меж бровей...

* * *

— Не стыкуется, Казис, измордованный труп в Радминском лесу с повадками «лесных братьев», — прямо сказал капитану Андришунасу Курганов. — И не очень я удивлюсь, если Винцас Вакшаускас действительно «воскрес» и приехал в Визяй. Есть у меня по этой ситуации любопытное соображение. Скорее всего сам Винцас убрал одного из своих сообщников, вероятно того, орудовавшего вместе с ним в доме убитых братьев-комсомольцев. А что, если выйти на прямой контакт с Вакшаускасом?

— Полагаю, Петр Абрамович, вы не имеете в виду его арест?

— Арест ничего не даст. Вакшаускас будет молчать. Разговорится он лишь тогда, когда сам явится к нам. С повинной.

— С чего он вдруг явится? Двенадцать лет «нелегалки».

— Вот, вот! Подумайте, не осточертело ли ему жить бирюком, тележного скрипа бояться? Надо заставить его прийти с повинной, подтолкнуть, подсказать. Полагаете, отец не станет наводить Винцаса на подобную мысль? Он-то наверняка всех страшных дел родимого сыночка не знает.

— Отец? Он же закоснел в кулачестве, националист до мозга костей!

— Думаю, с Вакшаускасом-старшим получился перегиб. Тень сына-бандюги и антисоветчика пала на отца. Кулак? А он в тридцать восьмом году все свое хозяйство передал сыну: двадцать пять гектаров земли, восемь — леса, двух лошадей, четырех коров. Ведь не старый был, а весь изработанный. Сам землю обрабатывал, батраков не держал. Ты, дорогой Казис, за чапыги плуга хоть раз держался? Сено кашивал? А мне — доводилось. Второе: националист? Безграмотный крестьянин, по-русски ни слова не знающий. Он же трудяга, в другом веке родился и жил, глазами в землю уставясь. Вот его мировоззрение! Значит, «связник из Литвы» скорее всего плод твоей фантазии. Да, «воскрес» Вакшаускас. Используем этот факт.

— Тогда предлагаю план. Добьемся, чтобы Вакшаускас приехал в Кудымкар, поселился у меня. Думаю, сумеем потолковать по душам. Лишь бы не сорвался Вайткунас.

Этот разговор состоялся в кабинете майора Курганова 27

января 1960 года. Детали операции разработали до мелочей. Многое теперь зависело от Юстинаса Вайткунаса, бывшего батрака, в начале 1948 насильно вовлеченного в банду Вакшаускаса и сдавшегося вместе с пятью сообщниками. Ему на суде определили — по молодости лет — минимальный срок. На лесоповале сошелся с хорошими людьми: разный народ до 1955 года прозябал в колониях. Люди открыли молодому литовскому парню глаза на многое. И когда в 1956 году Юстинас приехал на жительство в Визяй, там встретился с литовцем-чекистом Казисом Андришунасом и без колебаний предложил свою помощь в борьбе с бандитами, по вине которых в конечном счете и сам пострадал. Ведь, подкармливаемое западными спецслужбами, националистическое подполье продолжало еще существовать, еще бродили по земле, скрываясь от возмездия, многие нацистские преступники. В том числе и литовский фашист Антанас Стрейкус, на совести которого были расстрелянные только в Утенском районе три с половиной тысячи евреев, коммунистов, советских работников, комсомольцев, еще больше — в соседнем...

А Винцас Вакшаускас до сентября 45-го, до разгрома банды Стрейкуса, — служил под его началом и, возможно, располагает какими-либо сведениями о своем бывшем главаре.

* * *

На столе, накрытом белой в голубой горошек клеенкой, стояли тарелки с аппетитными ломтиками сала, солеными грибами, огурчиками. Водку Винцас Вакшаускас разливал в граненые стаканы...

Старый Вакшаускас поначалу и пускать Юстинаса в дом не хотел, но после слов, что Винцасу угрожает опасность, послышался из-за двери знакомый голос: «Впусти, отец. Надо поговорить со старым товарищем».

— Так, уверяешь, опасность грозит? — недобро спросил Винцас, едва гость переступил порог. — Что за опасность?

— Ты бы раздеться предложил сперва, а потом и спрашивал, — тоже по-литовски ответил Юстинас.

— Раздевайся.

Юстинас расстегнул полушубок, снял шапку, повесил на вбитый в стену деревянный колышек. Прошли в кухню.

— Завтра или послезавтра будет паспортная проверка. Заходил брат моей жены, а он приятель нашего участкового.

— Ну и что? У меня документ самый надежный.

Винцас отогнул полу пиджака. Под ремнем тускло блеснула

рубчатая рукоять парабеллума.

— И ты с таким «паспортом» через всю Россию катил? Рискованно!

— Терять нечего. Обрыдло скрываться, наниматься плотничать и столярничать по дальним хуторам. Да и чего бояться? За мной с той поры, как расстались мы в Радминском лесу с Карло Ионасом, дел нет. Автомат и гранаты закопал; пока продукты были — отсиживался в схроне. Потом пошел наниматься — тому сарай подремонтировать, перекрыть крышу, тому — рамы зимние смастерить...

— А ведь мы тебя на суде не выдали. Пятеро получили по четвертаку: бандитизм, измена Родине. Мне снисхождение сделали, все же учли — несовершеннолетний. Но восемь лет оттрубил как миленький. А теперь в соседях с твоими живу, в леспромхозе вкалываю.

— Не выдали, значит? Что ж мы насухую сидим? Батя, где у нас капуста да сальце? А что вы могли выдать?

— Про убитых комсомольцев допрашивали.

— Но и я тут не при деле.

— Да мне все равно, — равнодушно сказал Юстинас, подумав про себя: крепко сдал за двенадцать лет их бывший главарь. И волосы побелели, и в цепких когда-то холодно-голубых глазах — загнанность, усталость. Но вот вновь мелькнула в них былая жестокость, подозрительность.

— Как ты узнал, что я здесь, у отца?

— Видел тебя еще двадцать пятого, вечером.

— А... Ну, ладно.

После выпитой водки Вакшаускас размяк. Двенадцать лет фактической оторванности от людей, невозможность откровенно высказаться давили на него, и разговор с бывшим сообщником стал вроде отдушины.

— ...А в последнее время я жил на хуторе у одного дурачка, по фамилии Петрищев. Его в сорок шестом «братья» посетили, а он заупрямился, уцепился за свою коровенку. Побили, да перестарались. Свихнулся мужик. Жена у него справная. Я и помогал в хозяйстве. Больше года. Потом, гляжу, коситься стал на меня Петрищев. Да ведь жизни-то ни у него, ни у Дарьи — она русская — нет. Дарья ночью на сеновале мне все бубнит: пойди в органы, покайся, повинную голову меч не сечет. Кое-что обо мне она знала... Сюда приехал, с отцом повидаться — и он туда же!

— Может, и в самом деле с повинной явиться? — сказал Юстинас. Всякого ждал он после этих слов. Вакшаускас мог схватиться за пистолет, мог просто ударить. Нет, сидит за столом, обхватив руками седую голову, бормочет что-то, кого-то бранит.

— Обидно мне, Юстинас! Некоторые, меня в тыщу раз виновнее, припеваючи живут, легализовались. Ни скрываться им не надо, ни побираться по хуторам. Даже в партию вступили. И все им сошло, власти про них ничего не знают...

— Правда, Винцас, это твой единственный шанс — самому пойти в органы. Что они могут знать? Ну, был полицаем — так заставили немцы, был в банде Стрейкуса — опять же принудили, застращали. Про сорок восьмой они и гадать не будут. Только надо самому, а то арестуют при паспортной проверке.

— Что же ты предлагаешь?

— Есть у меня в Кудымкаре хороший знакомый, по имени Казис. Тоже литовец. Головастый мужик. Поехали к нему. Он плохого не посоветует.

* * *

Из протокола допроса от 6 февраля 1960 года:

«Явившийся с повинной Вакшаускас Винцас, литовец, 1913 года рождения, дал следующие показания:

До 1941 года проживал в деревне Памельгеджяй, работал в своем хозяйстве. В первые дни войны, несмотря на то что был лояльно настроен к Советской власти, его по малограмотности вовлекли в повстанческий отряд, организованный литовцем Пучкоросом. В составе отряда принимал участие в арестах партийного, советского актива, а также еврейского населения района, впоследствии расстрелянных немецкими карателями.

Под угрозой расправы, Вакшаускас после роспуска отряда перешел в илебродскую полицию. В июне 1941 года вместе с полицейскими Бунченко, Гогио и Пятрасом арестовали жителя деревни Мельгеджяй Алексеева Николая и доставили в антузовскую волостную полицию. В тот же день они арестовали Венедиктову (Субботину) Анфису Астратовну и ее престарелого отца; комсомолку Васильеву (Чубкину) Олимпиаду Еремеевну и девушку-еврейку по имени Хаймина. Вскоре арестованные были освобождены, кроме Хаймины.

После ареста еврейского населения Зарасайского района, всего 7500 человек, они были расстреляны вблизи деревни Венцово. Руководили акцией немецкие офицеры и Антанас Стрейкус. Вакшаускас, по его словам, участия в расстрелах не принимал, находился в оцеплении.

В августе 1944 года, с приходом советских войск, боясь ответственности за свою службу в немецкой полиции, Вакшаускас перешел на нелегальное положение. Скрывался один, в бункере,

неподалеку от деревни Памельгеджяй, до мая 1945 года, затем встретился с бандглаварем Стрейкусом и был принужден вступить в его банду, получив кличку Баравикас. Утверждает, что исполнял там обязанности повара, в бою с советскими войсками принимал участие один раз, у хутора Балтруки.

После разгрома банды Стрейкуса с сентября 1945 года скрывался в бункере, ходил в поисках работы по хуторам, кормился столярным ремеслом — до мая 1958 года. До настоящего времени жил в хозяйстве слабоумного Ивана Петрищева».

— Все? — давая Вашкаускасу подписать протокол допроса, спросил майор Курганов.

— Все как было!..

«Что ж, мы и не ждали чистосердечного признания, — подумал Петр Абрамович. — Не ждали признания в убийстве братьев-комсомольцев, в зверском убийстве своего напарника Карло Ионаса в Радминском лесу; в расстрелах 41-го, в грабежах и терактах... Полагаешь, мы ничего не знаем об истинном твоем прошлом? Прекрасно».

— У меня к вам есть вопрос. Известно; в банде Стрейкуса был и ваш деревенский сосед, Карло Ионас. Не приходилось с ним встречаться после сентября 1945 года?

— Нет! — без запинки ответил Вакшаускас... — Хотя... В сорок восьмом году, зимой, неподалеку от хутора, где я работал, меня остановили трое, лица были до самых глаз заросшие у них. Один, стоящий поодаль, сильно напоминал Ионаса. С меня сняли шапку и ватник и пригрозили, что в следующий раз снимут голову. Легко еще отделался.

«Хитро!» — усмехнулся про себя Курганов.

— А Стрейкуса не встречали?

— Надо хорошенько вспомнить.

— Ну и вспоминайте. Поедете в Визяй, к отцу. По хозяйству поможете, он же у вас старый.

— Переночуете у нас, на диване, в дежурной комнате. А завтра с утра свяжемся, как положено, с руководством, с прокуратурой. Там решат. Думаю, ваш добровольный приход зачтется. А если еще поможете нам...

Помочь Вакшаускас согласился спустя четыре месяца, убедившись, что чекисты его «не трогают», в беседах с ним касаются лишь тех бывших полицаев, которых он сам назвал. «Ничего они не раскопали, — полагал бандит. — А если и Стрейкуса им подарить, так и про незаконное хранение оружия забудут».

Словом, работа развертывалась по кургановскому сценарию.

Единственный раз Петру Абрамовичу пришлось крепко поволноваться. В июне 1960 года он приехал в Визяй, чтобы лично «напутствовать» Вакшаускаса перед поездкой в Вильнюс. Все уже было обговорено: в столице Литвы Вакшаускас явится в КГБ, чтобы присутствовать в качестве свидетеля на очных ставках с бывшими полицаями, затем — поездка в Каунас, где он, знавший Стрейкуса в лицо, встречал своего бывшего главаря два года назад.

В машине Курганов передал Вакшаускасу билет до Вильнюса, и тронулись было, как Вакшаускас, крикнув: «Я через минутку вернусь!» — открыл дверцу и нырнул в отцовский дом.

«Неужели что-то заподозрил? — думал Курганов. — Теперь ему ничего не стоит уйти, сразу за домом — лес...»

Медленно тянулись минуты. Пять... Десять... Наконец из подворья вышел Вакшаускас с промасленным свертком в руках.

— Лазил в погреб. Взял сало на дорогу.

У Курганова отлегло от сердца. В Менделеево он посадил «крестника» на московский поезд...

* * *

— Вот вам, очеркистам, подавай «горяченький» материал, — как-то в разговоре заметил Курганов. — Чтобы выстрелы, погони, чтобы «пострашнее». Наверно, читателям любопытно такое: все любим детективные, истории. А попробуйте написать несколько страниц о розыске, предположим, некоего кляузника, злостного анонимщика. Рутинное дело?

— Ну, почему же?

— Однажды материал по такому расследованию попал к журналисту, и вполне даровитому. Шесть месяцев вели мы поиск негодяя, чернившего людей. Вышли на него наконец. А журналист в статье сжал время расследования до... двух недель. «Иначе, — говорит, — читатель может нелестно подумать об оперативности наших органов».

— Разве поиск кляузников входит в компетенцию КГБ?

— Кляузники разные бывают. Один обливает словесными помоями соседа по площадке, другой пишет пасквили, злопыхает на народный строй да еще выставляет как «врагов народа» преданнейших делу Ленина людей. Вот такого и пришлось нам искать в миллионном городе. А это сложней, чем иголку в стоге сена.

А было так. В наше областное управление поступило анонимное заявление, будто бы главный конструктор одного из

предприятий, вместе с секретарем парткома, завербованы ЦРУ, получают бешеные деньги... Оголтелая, злобная клевета, опровергнуть которую ничего не стоило.

Подобная анонимка, но уже о других ответственных работниках области, вернулась к нам из Москвы. Почерк, слог, любимые обороты речи — убеждали в едином авторстве. Найти клеветника требовали закон и наша совесть.

Фальшивый обратный адрес: Березники, вымышленная грузинская фамилия. Сравнительный анализ подметных писем — характер исполнения, содержание — убеждали, что писал мужчина, причем немолодой: как ни искажай почерк, а дрожания руки не спрячешь. На возраст указывали и архаизмы — «ибо», «казенный счет», «молебствую»...

Не буду рассказывать, как постепенно сжимался круг поиска. В нем помогали нам самые различные люди. И вот все замкнулось в одном районе, даже микрорайоне Перми, Запруде. Было уже ясно, что писал анонимки пенсионер, бывший работник завода.

Уставали глаза от напряжения; пальцы, можно сказать, стерлись от листания бесчисленных документов. И вот однажды среди квитанций платы за электричество мы наткнулись на знакомый почерк. Улица, номер дома... Мария Федоровна Пирожкова. Писала анонимки женщина? Неужели мы так ошибались?

Прихожу по указанному адресу. И выяснилось, что Мария Федоровна — неграмотная, старая женщина, попросила заполнить квитанцию соседа, Егора Кротова.

К нему я не пошел. Заглянул к председателю уличного комитета. Женщина энергичная, прямая. Многое рассказала о жильцах, в том числе и о Кротове. Честила она его почем зря: и сутягой, и жадиной, и злодеем называла: жену свою побоями чуть не извел, сбежала от него. В каком теперь городе — неизвестно. Но нам отыскать ее — уже не проблема.

И вот что от бывшей жены Кротова выяснили. Когда в девятнадцатом году вышибли Колчака из Перми, Кротов отступал на восток вместе с белыми. Вернулся в двадцатом и утверждал, что сражался в Красной Армии. Поверили. Поступил на завод — по строительной части. Сын мелкого торговца, он ненавидел Советскую власть, боялся разоблачения. В тридцатых годах жена обнаружила обрез, спрятанный мужем на чердаке, и сдала его в милицию. Сказала, что случайно обнаружила в старом сарае.

Узнав об этом, Кротов избил ее до полусмерти, еле отходили...

В тридцать седьмом подлое нутро Кротова возликовало. И он рьяно сигнализировал в органы о «врагах народа». Вот откуда

потянулась цепочка!..

Сравнительная экспертиза определила авторство Кротова, материалы передали в следственные органы, потом в суд. Подлеца осудили...

— Пожалуй, Петр Абрамович, этот человек пострашней Вакшаускаса.

В конечном счете хрен редьки не слаще. Но я убежден: как бы враг ни маскировался, как бы ни подличал — он будет раскрыт и наказан. Мне близка убежденность поэта: «Живу и верую в одно, что подлость наказуема должна быть и высоко добро вознесено».

* * *

Ненавидеть всяческое зло и бороться с ним научился Петр Курганов и служа на границе, и сражаясь на фронте. Дороги войны вели его от Заполярья через Курскую дугу, Украину, белорусское Полесье, Польшу, Германию. 69-я Севская дивизия, куда в августе 1944 года был направлен старшина войск НКВД Курганов командиром разведывательного отделения, с боями шла от Севска — самой западной точки Курского выступа — до Померании, через Росток к Варнемюнде. Там, на берегу Балтики, смывал фронтовые пот, копоть и кровь с лица Петр Курганов, смывал соленой, как слезы, балтийской водой.

Но с победным маем война для него не закончилась. После учебы в школе контрразведки он продолжал сражаться с бывшими фашистскими пособниками, полицаями, бандитами из националистских формирований, с убежденными антисоветчиками и продажными, платными агентами иностранных разведок, другими тайными и явными врагами Советского государства.

Как человек, не раз смотревший смерти в глаза, Курганов любит жизнь, любит людей, верен фронтовому братству и чекистской дружбе, ненавидит все, что мешает людям и жизни, миру на земле. И борется с тем, что ненавидит, — так, как с анонимщиком Кротовым, с бандитом Стрейкусом.

Опознанный Вакшаускасом, тот был арестован литовскими чекистами в Каунасе. С помощью западных разведок Стрейкус сумел легализоваться, даже пробрался в партию. Присвоив чужую биографию, он пробился на руководящую должность, нахально разъезжал по республике и за ее пределами, собирал нужную закордонным хозяевам информацию.

Верховным судом республики за все свои злодеяния Антанас Стрейкус был приговорен к исключительной мере наказания.

Вакшаускаса осудили тоже сурово, однако учли явку с повинной и помощь в задержании Стрейкуса...

А Петр Абрамович Курганов и сейчас продолжает свое дело. О всех, разработанных и проведенных им и его товарищами операциях, не расскажешь. Да и сам он, встречаясь с молодежью, выступая в рабочих коллективах, не любит говорить о себе. Он рассказывает о друзьях-товарищах, о подвигах их — на границе, на полях сражений Великой Отечественной, в мирное время, о высоком призвании человека — служить своей Отчизне.

Поседевший, крепкий, надежный, не утративший прекрасного умения улыбаться, Петр Абрамович Курганов знает и рассказывает многое. Только не о себе. А жаль! Ведь вся судьба, вся жизнь полковника Курганова, на мой взгляд, — цельная, целенаправленная, без кривулин, — может быть для молодежи истинным примером честного служения своему делу, своему народу...

В. ПИРОЖНИКОВ
День фатиха

1

Пышминцев пришел домой в шестом часу вечера, чтобы, наскоро перекусив, поспать час-другой и снова исчезнуть, теперь уже до двенадцати. Едва он появился, жена проворно накрыла на стол, показала, где что взять, собрала детей и вышла с ними на улицу. Иван остался один. Первым делом он снял пиджак, галстук и, пройдя на кухню, напился из-под крана холодной воды. В кухне на подоконнике спала кошка, в окно светило теплое августовское солнце, в многолюдной коммунальной квартире было необычно тихо. Это время — с пяти до восьми — предназначалось для отдыха, и в каждой из трех семей старались оберегать покой. Заботы, проблемы, режим были здесь общими...

Иван вернулся в комнату, сел за стол, похлебал супу, но вскоре отложил ложку. Есть не хотелось. Он рассеянно заглянул в газету, попробовал читать, но смысл написанного не доходил до сознания. Пышминцев вздохнул, закурил. Подобное состояние он порой испытывал на фронте. Так бывает у солдат, только что вышедших из боя и внезапно попавших в спокойную обстановку. Казалось бы, наконец-то можно расслабиться, отдохнуть, а человек напряжен, перед глазами стоит край окопа, в ушах звучат взрывы, слова команд... А если знаешь, что вот-вот опять идти в бой, то тут заставить себя отдыхать можно лишь усилием воли. Иван встал, прошел в ванную, ополоснул лицо и шею водой, а потом все-таки сел за стол и быстро доел остывающий обед. Жена готовила, старалась — нельзя обижать.

Первое время, когда они переехали в Пермь и Пышминцев был принят на службу в управление МГБ, жена удивлялась и порой даже негодовала: «Что у вас там, каждый день — ЧП? Катастрофа? Поезда идут под откос, заводы взрываются? Неужели нельзя спокойно, как все люди, работать? Ведь не война же!» Потом она привыкла и уже ни о чем не спрашивала, только изредка печально вздыхала, встречая мужа далеко за полночь. Да и о чем тут спрашивать, если все три семьи, обитавшие в этой большой коммунальной квартире, жили одинаково: мужья-чекисты работали от зари до зари, вечером забегали на три часа домой и снова исчезали до ночи. В одиннадцать часов вечера, например, замначальника управления только начинал принимать

доклады, и это, конечно, не было его личной прихотью. Такой режим работы диктовала сама обстановка, которую можно было просто и ясно охарактеризовать так: война для чекистов не кончилась.

Иван лег на диван, развернул газету. 24 августа 1951 года, пятница... Стахановская вахта горняков в честь Дня шахтера... Седьмая годовщина со дня освобождения Румынии Советской Армией... Торжественное собрание в Бухаресте, речь главы советской делегации Ворошилова... Взгляд Пышминцева оживился. Надо же, прошло, оказывается, уже ровно семь лет с тех августовских дней 1944 года, когда их полк стоял возле румынского города Ботошани, закрывая путь отходящим на запад немецким частям, разбитым в Ясско-Кишиневской операции. То были памятные для Пышминцева дни. Однажды ночью вдруг поднялась бешеная стрельба, суматоха — как потом выяснилось, фашистская группировка пыталась выйти из окружения через расположение их полка. Пышминцев не растерялся, организовал отпор, а потом возглавил преследование врага... Немцам не удалось прорваться. Пышминцеву тогда был вручен орден. Потом были бои за Плоешти, Брашов, Дебрецен, порой полк нес тяжелые потери, но все равно они уже тогда чувствовали себя победителями — может, потому что были молоды, полны жизни, ждали конца войны... Даже, помнится, иногда на отдыхе играли в футбол. И не странно ли: сейчас, через шесть лет после победы, ему абсолютно не до футбола, загружен так, что некогда отдохнуть, побыть с семьей. И никому не объяснишь, не расскажешь, чем таким важным занят с утра до ночи старший лейтенант контрразведывательного отдела Пышминцев. Ведь для большинства людей слова «разведка», «контрразведка», «вражеский агент» навсегда ушли вместе с войной в прошлое, а если и остались, то лишь в книжках «про шпионов». Для него же все это — сегодняшний день, будничная реальность, требующая повседневного труда, предельного напряжения умственных и физических сил.

Начиная с 1945 года сюда, на Урал, хлынул поток репатриированных — тех, кто в годы войны оказался за границей, на территории фашистской Германии, союзных с нею государств и теперь был возвращен на родину. Впрочем, Пышминцев знал: высокое слово «Родина» для многих из этих людей было неприменимо. Среди репатриантов было немало тех, кто предал нашу страну и даже выступил против нее. Со всеми этими людьми предстояло здесь тщательно разобраться, установить обстоятельства их пребывания по ту сторону фронта. На это уходили годы. Особенно трудным представлялось выявление

бывших агентов германской разведки. Прошедшие обучение в гитлеровских разведшколах, эти люди знали конспирацию и умело скрывали свое прошлое. Дождавшись, когда истечет срок назначенного им наказания, они могли покинуть Урал, так и не ответив сполна за свою преступную деятельность. А кое-кто мог и продолжить ее...

Вот почему на рубеже 50-х годов старший лейтенант Пышминцев и весь контрразведывательный отдел пермского УМГБ не знали покоя, вот почему чекисты работали день и ночь, по одиннадцать часов в сутки. Напряженный труд тех лет осел в летописи чекистской славы многими славными делами. Но мы расскажем лишь об одном деле. О деле, над которым августовским вечером 1951 года Иван Пышминцев и размышлял у себя дома...

Из справки по делу:

«СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ НА УРАЛЕ

В начале 1950-х годов в северных районах Пермской области на условиях спецпоселения проживали лица, запятнавшие себя в годы Великой Отечественной войны службой в различных воинских формированиях фашистской Германии. Изменив Родине, они сотрудничали с германским командованием, служили в РОА (так называемой «Русской освободительной армии» предателя Власова), «Туркестанском легионе» и других подразделениях гитлеровского вермахта».

Родина гуманно отнеслась к тем, кто прямо не участвовал в пролитии крови советских людей. Им была дана возможность трудом искупить свою вину. Условия спецпоселения допускали проживание с семьей, свободу передвижения в указанных границах. Для тех, кто раскаялся в содеянном, кто стремился честно работать и жить, — это был реальный шанс заслужить прощение. Но не все хотели им воспользоваться...

2

— Проходите, проходите, эфе*н*нди, на наш тантал***а***!

Жена Саидова, открывшая Кадырову дверь, провела гостя в

дом и ускользнула на кухню. Судя по голосам, доносившимся из комнаты, большой праздник — «тантала» — был в полном разгаре. Кадыров нарочно опоздал, чтобы компания, собравшаяся у Саидова, к его приходу хорошенько подгуляла, — так легче будет определить, кто чем дышит.

Прежде чем войти, Кадыров через дверную щель заглянул вовнутрь. Саидов, как и было велено, на этот раз особенно постарался. Большую комнату он превратил в гостиную — мехмонхону, убрав ее в соответствии с обычаем. Всю мебель, кроме тяжелого шкафа, — кровать, комод, стулья — хозяева вынесли, пол покрыли цветастыми ковриками-курпачи, сшитыми женой Саидова из лоскутков. На них и сидели гости: шесть человек местных, которых Кадыров знал, и четверо из соседнего поселка. Вместо дастархана Саидов приспособил несколько низеньких ящиков, накрыл их скатертью — получилось неплохо. На ящиках дымился настоящий казан-кебаб — жирная баранина с зеленью и луком, стояла водка. По пустым бутылкам можно было понять, что выпито уже изрядно — Саидов умел угощать. Сейчас он развлекал гостей, изображая кызык-чи — скомороха. Он водил смычком по струнам гиджака и пел, монотонно повторяя одно и то же: «Чаманда гуль чаманда, чаманда гуль чаманда» («В цветнике цветок — украшение»). Гиджак у него был сделан из плоской консервной банки. Гости смеялись шутке. Кадыров решил, что пришел в самый раз.

— Салам алейкум! — сказал он, входя в мехмонхону.

— Алейкум салам, Маматкул! — вскочил Саидов. — Мы давно тебя ждем, садись скорее!

Гости раздвинулись, освобождая место возле импровизированного дастархана. Молчаливый, мрачный Хасанов, оказавшийся рядом с Кадыровым, налил ему водки. Кадыров поднял стакан, обвел взглядом присутствующих. Все замолчали, ожидая, что он скажет.

— Я хочу выпить за нашу далекую родину! — провозгласил Кадыров. — За наш Туркестан!.. Здесь, на севере, мы живем вдали от родины, не ходим в мечеть. Но в наших душах горит священный огонь веры, зажженный аллахом, каждый из нас, легионеров, остается воином ислама. Ждать осталось немного. Через год-полтора большинство из нас сможет вернуться в солнечный Туркестан и, если потребуется, снова встанет в ряды защитников веры! Слава аллаху! Да здравствует Туркестан!

После того как выпили, Саидов решил представить Кадырову неизвестных ему гостей:

— Это наши братья-легионеры из Яйвы: Хикматов Латиф — ефрейтор, и солдаты — Ибрагимов Зайкен, Джамалов Ахмед,

Музафаров Газиз. Живут на Урале пятый год, тоже спецпоселенцы.

— Когда служили в «Туркестанском легионе»? — спросил Кадыров.

— С мая сорок третьего до конца войны, — ответил за всех Хикматов. У яйвинских легионеров он, видимо, был за старшего.

— Где пришлось воевать? — как бы между прочим осведомился Кадыров, закусывая бараниной.

Яйвинские легионеры переглянулись — вопрос был не из приятных. Хикматов, положив мясо на стол, вытер жирные руки о полу мятого пиджака и ответил:

— Мы тут все из четвертой роты... Нас в основном против партизан использовали. Сначала в Белоруссии воевали, под Гомелем. Потом в Польшу перекинули, в район Минска-Мазовецкого. Там тоже партизан ловили. В сорок четвертом году на Висле Советская Армия нас разбила, и немцы всю роту отправили в Югославию, опять на партизан бросили.

Кадыров, сочувственно кивая, выслушал рассказ Хикматова. «Простоват, — решил он про себя. — Сразу всю правду выложил». Вслух сказал:

— А нам вот на советской территории воевать не пришлось. Немцы, как только наш одиннадцатый батальон сформировали, отправили его в Грецию. Там, под Салониками, у моря, мы почти год и простояли, охраняли побережье от английского десанта. А осенью сорок четвертого многие из нас ушли к греческим партизанам.

Поймав на себе удивленные взгляды приятелей, Кадыров ответил на них тоже взглядом — долгим и твердым. Да-да, вот так, запоминайте: стояли у моря, патрулировали побережье — и больше ничего. Точка. Чем чище будет их прошлое, тем скорее удастся вернуться в Туркестан. Легионеры, хоть и были пьяны, поняли его, возникшая было пауза прервалась, все расслабились, задвигались, заговорили. Что тут думать, Маматкул — умный, образованный человек, плохому не научит... По кругу пошла новая бутылка.

Кадыров был доволен. Он еще раз убедился, что имеет власть над этими людьми. Все, кто давно знал Кадырова — Саидов, Бабаев, Умарбеков, Каримов, даже бывший командир отделения Мирзоев, в подчинении у которого он когда-то служил, — все теперь слушались и признавали за старшего его. Только Хасанов по-прежнему безучастно сидел, уставившись в пол, и мрачно жевал папиросу. Кадыров положил ему руку на плечо:

— Почему ты такой грустный, Зулунбай?

Хасанов медленно расцепил большие, перевитые жилами

руки, вынул изо рта потухшую папиросу, вздохнул:

— Газету читал. Война опять будет.

Кадыров усмехнулся:

— С чего ты взял? С кем война?

— С Америкой. Она в Корее воюет, — бубнил Хасанов. — Америка первую атомную бомбу изобрела. У нас такую бомбу только недавно сделали.

«Ишь как заговорил — «у нас», — неприязненно отметил Кадыров. Самый старший из всех (ему уже было сорок), Хасанов вызывал у Кадырова внутреннее беспокойство. В шахте Зулунбая, бывшего тракториста МТС, ставили на самые передовые, технически оснащенные участки. Он хорошо зарабатывал, его хвалили. «Мирной жизни ему, видишь ли, захотелось! — зло думал Кадыров. — Передовик!» Но сказать ничего не успел, опередил пьяный Саидов, который, тыча пальцем в Хасанова, закричал:

— Он Америки боится! Воевать с ней не хочет!

Хасанов поднял на него глаза:

— А ты хочешь? Не навоевался еще?.. Или думаешь опять в плену отсидеться?

Саидов с обидой бросил на стол баранью кость:

— Зачем так говоришь?! Сам разве в плену не был? А фильтрационный лагерь помнишь? Ты что там говорил: надо было не к партизанам бежать, а американцам сдаваться! Немного посидим — и выпустят!

— Какая еще Америка?! — закричал Хасанов. — Зачем? Я домой хотел! В Туркестан!

— В свободный Туркестан, — тихо вставил Кадыров.

— Ну да! На родину, в свободный Туркестан! — согласился Хасанов, не спуская яростного взгляда с Саидова.

— Так радоваться должен, что у Америки атомная бомба есть, — по-прежнему тихо продолжал Кадыров. — Пушка против нее — все равно, что кетмень против сабли. У кого бомба, у того и сила. А ведь только большая сила может сделать свободным наш Туркестан. — Он помолчал и с нажимом добавил: — Воистину свободным, как это угодно аллаху!.. Или вы думаете иначе, не как мусульмане?

Над дастарханом повисло молчание. Кто-то, медленно соображая, глядел на Кадырова во все глаза, кто-то пугливо отвел взгляд в сторону. Никому не хватало духа заговорить первым. На такую тему мог рассуждать только Кадыров, и все уступали ему это право, а вместе с ним — и право учить, вести за собой. Кадыров почувствовал, что сегодня его власть над бывшими сослуживцами еще более укрепилась, да к тому же

распространилась на легионеров из Яйвы. Сменив тон, он весело закричал Саидову:

— Баймат, почему наши стаканы пусты? Разве ты не хозяин? Разве у нас не праздник? Налей всем, и мы выпьем за дружбу! Выпьем и споем гимн легионеров — песню о нашей любимой родине «Гузал Туркестан»!

В открытое окно выносило табачный дым. Под звуки самодельного гиджака туда, в огород, во тьму позднего вечера выплескивалась, выводимая мужскими голосами, восточная мелодия — то заунывный, то грозный напев. В поселке не знали языка, на котором исполнялась песня. А если бы знали, то поняли бы ее зловещий, клеветнический смысл и возмутились. В песне правоверный воин-мусульманин, обращаясь к родине, спрашивает: почему ты не цветешь, Туркестан? Почему опустели твои сады? Почему затихли базары, закрыты мечети? И сам же отвечает: черные вороны с красными клювами, прилетевшие с севера, отняли у тебя свободу. Они разорили сады, погубили цветущий край. Черная туча закрыла солнце над Туркестаном. Но придет день — и воины-мусульмане победят мрак, ты снова станешь свободным, Туркестан!

Не пел только Хасанов. Он думал о том, как лжива эта песня и как дорого он заплатил за то, что когда-то поверил ей. Его родина не нуждается в «освобождении», она свободна, сады ее цветут, а люди счастливы. Ложь о страдающем, «угнетенном» Туркестане придумана такими, как Кадыров и Вали Каюмхан. Но сказать об этом прямо Зулунбай боялся.

Было воскресенье, 26 августа 1951 года. В поселке Нагорный Горнозаводского района праздновали День шахтера...

Из справки по делу:

«НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ»

ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ РСХА

Гитлеровская Германия стремилась создать в СССР сепаратистское движение буржуазно-националистических элементов, направленное на отторжение союзных республик и образование марионеточных «государств» под протекторатом Германии. С этой целью в 1941-1942 годах РСХА

(Главным управлением имперской безопасности) совместно с имперским министерством по делам оккупированных восточных областей был создан ряд так называемых «национальных комитетов» (Грузинский, Армянский, Азербайджанский, Туркестанский, Северо-Кавказский, Волго-Татарский и Калмыцкий).

Члены «национальных комитетов» вели антисоветскую обработку военнопленных в целях подбора и подготовки из них разведчиков и диверсантов для засылки в советский тыл. Так, руководители «Туркестанского национального комитета» активно участвовали в подборе агентуры для созданной РСХА в Дрездене разведшколы, именовавшейся «Арбайтсгемайншафт Туркестан» (сокращенно «АТ») — «Рабочее объединение Туркестан». Школа готовила организаторов шпионско-диверсионной и повстанческой работы на территории среднеазиатских республик СССР».

3

...Когда они выехали из леса, навстречу повозке из-за скирд, стоявших по бокам дороги, неожиданно вышли два мужика. Тот, что слева, быстро взял под уздцы лошадь, второй, с цепом на плече, зашел к бричке справа.

— Папа, зулики, зулики! — закричал Ванюшка.

Отец резко хлестнул лошадь, выхватил револьвер. От рывка Ванюшка ткнулся головой отцу в живот, больно ударился о пряжку ремня, зажмурился и больше ничего не видел. Сзади на дороге осталась какая-то злая суета, донеслись неясные возгласы, запоздало прогремел выстрел. Через миг бричка вылетела на взгорок и резко покатилась под уклон, скрываемая листвой молодого осинника.

— Ну что, Аника-воин, испугался?

Ванюшка поднял голову. Отец улыбался. Еще раз глянув назад, он спрятал револьвер в кобуру, поправил фуражку и насмешливо передразнил сына:

— «Зулики, зулики!» Говорить-то когда научишься? Ведь седьмой год уже!

Старший лейтенант Пышминцев встал, размял спину, прошелся по кабинету. Ну и денек! Работы по горло, дел невпроворот, а тут еще всякая чепуха лезет в голову. Обдумывал

сведения, в очередной раз поступившие из Губахинского горотдела УМГБ, и незаметно, по какой-то прихотливой логике мысли переключился на воспоминания детства. Тогда, в конце 20-х годов, они с отцом, работавшим оперуполномоченным ОГПУ, бесконечно колесили по Южному Уралу, особенно по Шадринскому, Катайскому, Долматовскому районам. Время было неспокойное — коллективизация, то тут, то там поднимали голову кулаки. Отцу оставить Ванюшку было не с кем, приходилось часто брать с собой, вот и происходили порой на его глазах такие встречи, как эта, которая непроизвольно всплыла сейчас в памяти.

Впрочем, нет, пожалуй, не совсем случайно вспомнился ему эпизод из далекого детства. Ведь задумался он о себе не просто так, а в связи с делом, потому что задал себе вопрос: можно ли полагаться на чутье? Не обманывает ли его интуиция? Из Губахи опять сообщали: в поселке шахты «Нагорная» несколько спецпоселенцев, бывших карателей «Туркестанского легиона», регулярно собираются на квартирах, обсуждают текущие события, поют «Гузал Туркестан». С одной стороны — ничего особенного. Ну, подумаешь, встречаются, выпивают, песни поют. А с другой стороны... Нашелся в Нагорном человек той же национальности, перевел слова «Гузал Туркестан». Оказалось — националистический гимн с антисоветской направленностью. Но опять же, чего иного ждать от бывших легионеров? В плену подвергались антисоветской обработке, пошли служить немцам... За это и наказаны — каждый получил по шесть лет спецпоселения. Через год-другой срок у многих заканчивается, им разрешат вернуться домой. Так какой им смысл идти на столкновение с властью, демонстрировать антисоветские настроения? Вот если кто-то эти настроения умело поддерживает, а еще хуже — разжигает...

Пышминцев вновь сел за стол, придвинул к себе бумаги. Внутреннее чутье подсказывает: тут что-то есть. А он привык доверять интуиции. Взять хотя бы тот же случай из детства. Ведь не было в тех мужиках, вышедших на дорогу, ничего такого угрожающего. У одного, правда, цеп на плече, но ведь шла жатва, скоро молотьба... А он почувствовал опасность даже раньше отца, закричал свое шепелявое «зулики».

Может, и впрямь наградила его природа каким-то особым чутьем? А может, просто развилась в нем способность по мельчайшим деталям чувствовать людей и обстановку... Развилась благодаря довольно редкой гражданской специальности. Окончив перед самой войной горный техникум, работал Пышминцев рудничным маркшейдером. В 1940 году,

прибыв с Урала в Забайкалье, на вольфрамовый рудник «Редмет», он был одним из немногих молодых специалистов, владеющих этой профессией.

Маркшейдер — лоцман земных глубин. Геологи нашли месторождение, указали границы подземной кладовой. А как до нее добраться, куда пробивать стволы, штреки, штольни? Для этого надо знать, какие «полки» этой кладовой пусты, какие — так себе, а какие полны богатства. Словом, нужен подробный план месторождения с указанием глубин, мощности и структуры пластов, угла их наклона и многого другого. Работа еще не началась, а маркшейдер, стоя на поверхности, должен мысленно заглянуть в глубь земли, пользуясь косвенными данными и результатами измерений, ясно представить себе все, что находится под ногами. Определить невидимое, очертить скрытое, описать недоступное — вот в чем суть маркшейдерского дела. Тут без особого чутья не обойтись...

Не так ли и в работе с людьми, особенно в чекистской работе? По неуловимым штрихам, по мельчайшим черточкам — выражению глаз, походке, интонации голоса — определить настроение, характер человека, его цели, тайные устремления... Сегодня, в мирные дни, когда прямых вооруженных столкновений с вражеской агентурой стало гораздо меньше, на первый план выходит именно такая, психологическая борьба с противником. Тут нужны воля, ум, проницательность, умение нестандартно мыслить...

Пышминцев вздохнул, задумчиво перелистнул бумаги. Ну, положим, чутье-то у него все же есть. Вот тогда, например, в 40-м году, предчувствовал, что война будет. К таким опасениям приводила сама обстановка, которая складывалась и в Европе, и в таежном Забайкалье. Их горняцкий поселок находился неподалеку от границы с Маньчжурией, где хозяйничали японцы. Соседство было неспокойное, то и дело случались провокации, попытки агентов Маньчжоу-Го проникнуть на советскую территорию. Пограничники часто обращались на рудник за помощью. Ивану Пышминцеву, секретарю комсомольской организации, вместе с другими активистами пришлось как-то раз участвовать в поиске нарушителей границы, в прочесывании леса. Но мысли о том, чтобы стать чекистом, у него тогда не было.

Все изменила война. С первых ее дней Пышминцев просился на фронт, но ему, как и многим другим, было отказано: специалисты рудника имели бронь, они обязаны были трудиться в тылу, поставляя заводам стратегический металл вольфрам — ценный компонент для легирования стали. Только в феврале 1942 года молодой горняк был зачислен в состав 1-го Читинского

добровольческого лыжного батальона. Укомплектованный в основном коммунистами и комсомольцами, он имел особую задачу: предназначался для глубоких рейдов по тылам немецко-фашистских войск.

В Челябинске, где читинцы проходили подготовку, Иван с нетерпением ждал отправки на фронт. Но неожиданно его вызвали в штаб, объявили, что из батальона он отчисляется. Приказали сдать теплое суконное обмундирование, новенький полушубок, выдали взамен старое, бывшее в употреблении «хэбэ», засаленную телогрейку и велели ждать указаний. В голову полезли нехорошие мысли. Неужели не доверяют? Может, из-за отца?

Отец Ивана долгое время работал в органах НКВД вместе с Берзинем — тем самым, знаменитым Берзинем, при участии которого в восемнадцатом году в Петрограде был раскрыт заговор Локкарта, известный еще как «заговор послов». В 20-х годах они работали на строительстве Вишерского бумкомбината, в 30-х вместе уехали на Колыму на «Дальстрой». В 1937 году, будучи в Перми во время отпуска, отец узнал об аресте Берзиня и его ближайшего окружения. Что было делать? Отец в Магадан не вернулся, он исчез и целый год где-то скрывался, избежав таким образом ареста. Только в конце 1938 года он явился в НКВД, после чего был исключен из партии и уволен из органов внутренних дел. К застарелой боли в сердце Ивана теперь добавлялась еще одна: неужели страданий отца недостаточно и надо, чтобы страдал сын? Неужели ему будет отказано в доверии, в праве защищать Родину? Тяжелые думы терзали день и ночь...

Пышминцев встал, прошелся, успокаиваясь, из угла в угол. У окна, выходившего во двор управления, остановился, заложил руки за спину. Вечерело. Над городом висело мглистое небо, накрапывал мелкий дождь. Скоро праздник... В Нагорном бывшие легионеры, наверное, опять соберутся все вместе. Что-то у них на уме?..

Старший лейтенант решительно сел за стол, углубился в чтение лежащих перед ним бумаг. Это были показания Кадырова, данные им 28 апреля 1945 года на допросе в отделе контрразведки «Смерш» проверочно-фильтрационного лагеря № 240 под Софией.

«В конце июля 1941 года под Уманью я попал в окружение и был взят в плен, — читал Пышминцев. — Сначала содержался в лагерях военнопленных в Умани, Гайсине, а потом был переправлен в лагерь под Винницей, где находился до весны 1943 года. В мае этого года нас эшелоном вывезли на территорию Германии, в город Герлиц, а через 18 суток перевели в рабочий

лагерь близ города Сагаль. Там я содержался до конца 1943 года, работал на строительстве аэродрома. В декабре нас перевезли в Грецию, в город Периц, там находился в лагере военнопленных. В июне 1944 года нас, 15 человек — выходцев из Средней Азии, мобилизовали в «Туркестанский легион». Служили в нем с июня по сентябрь. 3 сентября 1944 года я ушел к греческим партизанам. Подтвердить это может Бабаев Талибжан, который бежал вместе со мной».

Как-то уж слишком гладко все получается: сидел в лагерях, работал, ненадолго попал в «Туркестанский легион», сдался партизанам... Неизвестно почему, но нет уверенности, что так оно все и было. А раз нет уверенности — проверяй.

Пышминцев придвинул бланк запроса и начал писать: «В МГБ Узбекской ССР...»

Из справки по делу:

«ВАЛИ КАЮМХАН

Лидер туркестанских буржуазных националистов Вали Каюмхан родился в 1904 году в Ташкенте. Социальное происхождение — из торговцев. Учился в педагогическом техникуме имени Нариманова, в 1922 году выехал на учебу в Германию, где окончил сельхозакадемию, но вернуться в СССР отказался.

Агент германской разведки, президент «Туркестанского национального комитета». С 1941 по 1945 год занимался подбором, вербовкой и заброской в СССР агентуры для проведения разведывательно-диверсионной и повстанческой работы, а также организацией воинских формирований для непосредственной борьбы с Советской Армией. Награжден командованием вермахта.

В апреле 1945 года сдался американскому командованию».

4

Кадыров возвращался с очередной вечеринки. На этот раз собрались у бывшего легионера Умарбекова на день рождения его сына, которому исполнился год. Сидели, тесно сгрудившись за

столом, поскольку все жилье Умарбекова — две маленькие комнаты в бараке. Тут не было ни дастархана, ни ковриков-курпачи. Но Кадыров и это обстоятельство сумел использовать. Заявил: «Сегодня на нашей встрече мы не можем соблюдать национальных обычаев. Так пусть хотя бы песня покажет, что каждый из нас — истинный патриот-мусульманин». И предложил спеть песню о Вали Каюмхане. Никто не посмел отказаться. Потом, когда еще выпили, Кадыров рассказал о своей встрече с Вали Каюмханом в Берлине в 1943 году, о его призывах и наставлениях...

В этом, конечно, был определенный риск, но делать нечего, время поджимает. Скоро наступит новый, 1952 год, и придет момент, когда почти все бывшие легионеры разъедутся. Надо, чтобы этот памятный день стал днем фатиха, думал Кадыров. По традиции день фатиха (посвящения) наступает, когда учитель заканчивает обучение ученика и торжественно посвящает его в члены профессиональной общины. День фатиха бывает и у наставника в медресе, и у торговца в лавке, и у ремесленника в мастерской, и у лекаря-табиба в приемной. Учитель при этом объявляет, что ученик освоил ремесло, может работать самостоятельно, и по принятому обычаю дарит ему свой халат.

Здесь, в Нагорном, обойдемся без халата, думал Кадыров. Но день фатиха устроим обязательно. Под видом прощальной встречи можно будет собраться, и тут, улучив момент, надо заставить каждого подписать обязательство. Текст он подготовит заранее, в нем будет все то, о чем уже не раз говорилось на вечеринках: призыв Вали Каюмхана всегда и всюду оставаться воинами ислама, вести беспощадную борьбу с неверными во имя аллаха, за свободный Туркестан.

Кадыров, наконец, одолел скользкую, размокшую под осенними дождями дорогу и вышел к своему бараку. Остановился возле крыльца, закурил, поднял голову. Стояла глухая октябрьская ночь, над поселком переливалось звездами бездонное черное небо. Кадыров привычно сориентировался, повернулся лицом к северу. Там, в центре мироздания, сияла звезда Темир-козук. Кадыров долго смотрел на нее. Это была его звезда. И пусть русские называют ее Полярной — все равно она принадлежит ему, потому что лишь он один видит в ней свой, особый смысл...

Давно, еще до войны, в 35-м году, лучшие ученики Алхатской средней школы, в числе которых был и Кадыров, ездили в Самарканд, знакомились с памятниками старины. Сначала побывали в центре города, на площади Регистан, с ее тремя медресе, потом осмотрели мавзолей Гур-Эмир — древнюю

усыпальницу Тимуридов, а напоследок посетили развалины астрономической обсерватории Улугбека, построенной в XV веке. Вечером, когда стемнело, учитель вывел их во двор и показал звезды, которые изучал Улугбек. Шестнадцатилетний Кадыров не мог потом заснуть всю ночь, его мучила мысль, которая внезапно пришла ему в голову, когда он смотрел на небо. Оказывается, путеводная звезда Темир-козук вовсе не является самой яркой! Есть звезды гораздо крупнее и ярче ее. Но люди чаще всего смотрят не на них, они отыскивают Полярную звезду, определяют по ней стороны света, сверяют с ней свой путь. Она играет столь важную роль в людских делах только потому, что занимает особое место на небосводе. И тот, кто хочет многого достичь в жизни — славы, почестей, власти, — не должен ли он брать пример с этой звезды? Не следует ли ему искать свое, особое место среди людей?

Вот о чем думал тогда Кадыров. Но началась война, и наступил тот роковой день в августе 1941 года...

Накануне Кадыров и еще шесть красноармейцев (все среднеазиатских национальностей) полдня пролежали в поле, скрываясь в зарослях проса. Два дня назад под Уманью полк их был разбит, многие погибли, оставшиеся в живых рассеялись мелкими группами. Куда теперь идти, никто не знал. Кадыров прижимался горячим лбом к холодному стволу винтовки. Было страшно. Отчаянно хотелось жить, но он понимал, что еще день-другой — и немцы их обнаружат. Придется отстреливаться, то есть вступать в бой. А это — верная смерть. Неужели ему в двадцать два года доведется так глупо и бесславно закончить жизнь? Ведь он ее так хорошо начинал! В девятнадцать лет — заведующий массовым отделом комсомольской газеты «Большевистская смена». В двадцать, после шестимесячных курсов в Ташкенте, — заведующий отделом пропаганды Карагольского райкома ВЛКСМ. Потом — армия, служба в полку тяжелой артиллерии, вступление в члены ВКП (б)... Кадыров скрипел зубами, вспоминая об этом. Все, чего он достиг в мирной жизни, все, чем он гордился, теперь оборачивалось против него. С таким прошлым попробуй выжить! А выжить надо обязательно. Ради этого стоит зачеркнуть всю прежнюю биографию. Потом, если повезет, он продолжит ее как-нибудь по-иному, попытается вновь отыскать свое особое место в жизни. Пока же надо стать простым, малограмотным солдатом-мусульманином — это для немцев больше подходит.

Кадыров увлек красноармейцев на дно балки и объявил, что выхода у них нет, надо сдаваться. Воевали сколько могли, говорил он, дальше лезть на рожон просто бессмысленно. Его

спутники — молодые солдаты первого года службы (иные из них, кроме уставных команд, не знали ни слова по-русски) — безвольно поверили ему. Ночью, отойдя в сторону, Кадыров сжег партбилет, солдатскую книжку и другие документы. А наутро, выйдя к дороге, они все семеро без сопротивления сдались двум немецким автоматчикам.

И еще был день, поворотный в судьбе Кадырова...

В апреле 1942 года, когда он уже почти восемь месяцев пробыл в Винницком лагере для военнопленных, у него состоялся разговор с комендантом барака Мирзаахмедовым. Бывший учитель математики, Мирзаахмедов в лагере объявил себя шиитом. Мусульмане-шииты, в отличие от мусульман-суннитов, верят, что истинными продолжателями дела пророка Мухаммеда были только 12 имамов, причем последний, двенадцатый имам по имени Мухаммед аль-Махди в конце IX века скрылся, но обязательно вернется, и тогда наступит эпоха мира и благоденствия. Этот никому не известный «скрытый имам» считается духовным руководителем шиитов. Сам ли Мирзаахмедов додумался, или ему подсказали немцы, но в лагере он активно призывал пленных мусульман считать «скрытым имамом» живущего в Берлине Вали Каюмхана — председателя «Туркестанского национального комитета». За это немцы сделали Мирзаахмедова комендантом барака, что дало ему значительные привилегии и большую власть.

Мирзаахмедов назначил Кадырова помощником дневального, то есть, попросту говоря, уборщиком. Весь барак выводили на работу, а Кадыров оставался и наводил порядок — скоблил пол, выносил парашу. Это было гораздо лучше, чем весь день долбить мерзлую землю на пронизывающем ветру. Постепенно Кадыров стал при Мирзаахмедове кем-то вроде денщика. Но он чувствовал, что придет день — и ему удастся подняться в лагерной иерархии.

...В то утро Мирзаахмедов был особенно раздражен, орал на пленных, несколько раз принимался бить их плетью, а потом заставил полицейских поставить в строй тех, кто уже не мог двигаться и лежал на нарах. За всем этим наблюдали эсэсовцы, и Кадыров смекнул: комендант выслуживается, чего-то боится. Когда наконец пленных увели на работу и барак опустел, Мирзаахмедов успокоился, закурил и подозвал к себе Кадырова. Прищурившись, оглядел его крепкую, почти не отощавшую фигуру, сплюнул и сказал:

— Ты, конечно, «кофьягуй» — мастер хорошо говорить. Но коль хочешь жить — надо больше работать. Скоро начнется

отправка пленных в Германию. Немцы любят точные цифры, и если нужного количества не наберут — а это может случиться, смертность в лагере высокая — то примутся за нас, не посмотрят, что мы им служим. Оставят здесь лучших, а остальных в общей колонне погонят на станцию... Мой тебе совет: пока не поздно — иди в полицейские. Могу помочь, скажу о тебе в комендатуре. Согласен?

— Да, — не задумываясь ответил Кадыров.

— Ладно. Отдашь мне за это часы, которые прячешь под матрасом.

Кадыров опешил: он и не ведал, что Мирзаахмедову известно о часах — самом ценном, что ему удалось сохранить в лагере.

Из справки по делу:

«ФОРЛАГЕРЬ В ЛЕГИОНОВО

Особый предварительный лагерь (форлагерь) в местечке Легионово близ Варшавы был создан германским командованием в марте-апреле 1942 года. Официально он именовался: «СС Зондерлагерь Легионово», для зашифровки — «Туркестанский СС».

Назначение лагеря — дальнейшая фильтрация и профашистская обработка военнопленных среднеазиатских национальностей, предназначенных для использования в качестве агентов и диверсантов на территории СССР. Здесь же из военнопленных — изменников Родины формировалось особое воинское подразделение — «Туркестанский легион». Активную антисоветскую деятельность в лагере проводили представители «Туркестанского национального комитета» и лично Вали Каюмхан.

Начальником лагеря до августа 1942 года являлся гауптштурмфюрер СС Картенс, после него — гауптштурмфюрер СС Цинке. Одновременно здесь находилось около 200 человек».

5

Пышминцев читал ответы, поступившие на его запросы из среднеазиатских республик. Сведения были интересные и в

какой-то степени неожиданные. Так, сообщалось, что по показаниям арестованного в 1947 году за изменническую деятельность Салиханова проходит Кадыров Маматкул из Карагольского или Алхатского района. Кроме того, он упоминается в показаниях предателя Родины Файзиева.

Допрошенные 30 августа 1951 года, Файзиев и Салиханов опознали по фотографии Кадырова и дали показания о его пособнической карательной деятельности как полицейского. Далее шли выписки из протоколов допроса Файзиева и Салиханова. Пышминцев их несколько раз перечитал.

Вопрос Файзиеву: «Назовите известных вам изменников Родины, служивших в немецкой администрации Винницкого лагеря военнопленных».

Ответ: «...Кадыров Мамат из Алхатского района — был полицейским во втором бараке с мая или июня 1942 года до апреля 1943 года. Проявлял жестокость, неоднократно избивал военнопленных резиновой дубинкой, отбирал у них вещи и ценности... В апреле 1943 года одновременно со мной Кадыров выехал из Винницкого лагеря в Германию, в город Герлиц. Там в июне 1943 года я с ним расстался».

Отвечая на тот же вопрос, Салиханов показал: «В Винницком лагере военнопленных служили полицейскими... Кадыров Маматкул, около 25 лет, родом из Карагольского или Алхатского района. Я считался младшим полицейским, работал в бараке № 3, а Кадыров, так же, как и Файзиев, был старшим полицейским. Жили и питались они отдельно от остальных, пользовались у администрации лагеря различными привилегиями, например, правом выхода в город, немцы приглашали их на праздничные мероприятия... Кадыров жестоко издевался над советскими военнопленными, избивал их плетью, отбирал продукты, вещи и ценности, а сам вел разгульный образ жизни. На правой руке Кадырова имеется татуировка «Галя» — это имя девушки, которую он завел себе в городе».

Итак, преступная деятельность Кадырова как предателя Родины и активного пособника фашистов была установлена. Но у Пышминцева не укладывалось в голове, каким образом за такое короткое время Кадыров мог столь сильно измениться. В 1938 году — заведующий отделом комсомольской газеты, в 1939 году — заведующий отделом райкома ВЛКСМ, в 1940 году в армии принят в партию, а через семь месяцев он уже сдается немцам в плен и еще через восемь месяцев становится лагерным полицейским! Из показаний предателей Родины Файзиева и Салиханова, осужденных военным трибуналом, и из документально подтвержденной автобиографии Кадырова,

которую Пышминцев имел перед собой, вставал облик совершенно разных людей. И вместе с тем сомнений не оставалось: это был один и тот же человек!

Пышминцев долго сидел задумавшись. Было ясно: противник перед ним необычный. Кадыров — личность явно непростая, неординарная. Судя по всему, наделен умом, хитростью, способностью легко менять тактику и умело маскироваться. Чтобы одолеть такого врага, надо ни в чем не уступать. И еще, думал Пышминцев, в поединке с подобным противником нельзя действовать по шаблону, надо искать нестандартные решения. По существу, уже сейчас Кадырова можно было изобличить как военного преступника и, оформив все надлежащим образом, передать его в руки правосудия. Но Пышминцев понимал: Кадыров слишком умен, чтобы раскрываться полностью. На допросе он, припертый к стенке, скорее признается в самых мелких, незначительных преступлениях, подкинет следствию меньшее из своих дел, чтобы не отвечать за большее. А кто знает, какие еще тайны могут скрываться в этой по-своему глубокой, но темной и злой душе?! Взять хотя бы эти регулярные вечеринки: почему столь активно группируются вокруг Кадырова бывшие каратели из «Туркестанского легиона»?

Думай, чекист, думай! И пусть не дремлет в тебе гражданская совесть, пусть не соблазняет тебя легкая возможность покарать врага, если в его деле еще могут открыться новые страницы. Ведь трудишься ты не ради простой мести, и даже не ради высокого и справедливого возмездия. Смысл твоего труда — в охране правого дела миллионов, в защите правды. Не кара, а истина — вот что главное!

Пышминцев составил новые запросы. Он решил сосредоточить поиск на тех, кто знал Кадырова по службе в «Туркестанском легионе». Из показаний, данных Кадыровым в 1945 году на допросе в отделе контрразведки «Смерш», следовало, будто он после убытия из Винницкого лагеря весной 1943 года вплоть до июня 1944 года содержался в различных лагерях на территории Германии и Греции, где был простым рабочим. Из полицейских — и вдруг в рабочие? Маловероятно, думал Пышминцев. Направил он запросы и на тех, кто сейчас работал с Кадыровым в шахте и составлял его ближайшее окружение — на Саидова, Мирзоева, Хасанова, Бабаева, Умарбекова... Теперь оставалось ждать. Пышминцев беспрестанно проигрывал в уме варианты допроса Кадырова. Много бы он дал за то, чтобы встретиться сейчас с ним глаза в глаза — как тогда, летом 42-го, с сержантом Василенко...

Генерал критически оглядел с ног до головы Пышминцева и двух его спутников. Вид у них весьма неприглядный: стоптанные сапоги, мятые брюки, рваные телогрейки... Генерал покачал головой:

— Где это вас так одели?

Тот солдат, что стоял справа от Пышминцева, ответил:

— Отчислены из 1-го Читинского добровольческого лыжного батальона, товарищ генерал.

Пышминцев уловил, как генерал едва заметно поморщился. Потом он вышел из-за стола, приблизился к ним.

— Значит, так. Сейчас немедленно — в баню. Все это, — он брезгливо обвел пальцем их обмундирование, — вплоть до носовых платков, снять и бросить. Получите новую форму. И запомните: вы не «отчислены», а отозваны для обучения на курсах подготовки оперативного состава при Особом отделе НКВД Уральского военного округа. Для этого и прибыли в город Свердловск. Ясно?

— Так точно, товарищ генерал! — бодро ответил за всех Пышминцев.

Курсы при Особом отделе УралВО, как и все подобные курсы в тот критический период войны, были недолгими. Пышминцев окончил их уже в апреле 1942 года. Молодой чекист Иван Пышминцев набирал опыт новой работы, проходя службу в качестве оперуполномоченного Особого отдела 44-й запасной стрелковой бригады УралВО. Здесь ему приходилось главным образом сопровождать на фронт маршевые роты. Состав их был разношерстным. Формировались они за счет молодых солдат, призванных из резерва и еще не нюхавших пороху. Вливались в них и те, кто уже успел повоевать и вновь вставал в строй после госпиталя. Были и такие, кто еще до войны вступил в конфликт с законом и прибыл в запасную бригаду из мест заключения. Всех этих людей предстояло сплотить, сделать единым боевым коллективом. А для этого необходимо было знать личный состав, хорошо изучить характеры и биографии солдат и офицеров. Пышминцев лично беседовал с каждым, кто прибывал в бригаду. Вот где пригодились и верный глаз, и цепкая память, и профессиональное чутье рудничного маркшейдера!

Сержант Василенко, направленный в бригаду после излечения в госпитале, сразу чем-то не понравился Пышминцеву. Во время беседы ерзал на стуле, не выдерживал пристального взгляда — отводил глаза. Казалось бы, ну и что? В послужном списке Василенко значилось, что воевал он на Волховском фронте, командовал отделением, был ранен в плечо, после излечения признан годным к строевой. По всему выходило —

нормальный солдат. Но Пышминцева не оставляло ощущение неуверенности, беспокойства. Своими сомнениями он поделился со старшим оперуполномоченным отдела Долголеевым. Понаблюдав за Василенко, тот заявил, что сержант действительно заслуживает внимания. «Глаз у тебя верный, — сказал Долголеев молодому чекисту. — Тут что-то есть. Действуй!».

Пришлось осторожно поинтересоваться, как ведет себя Василенко среди красноармейцев. И скоро выяснилось: в узком кругу солдат он нередко высказывает пораженческие настроения, восхваляет мощь гитлеровской армии, намекает бойцам, что ради сохранения жизни лучше всего по прибытии на передовую сдаться в плен. Когда Василенко арестовали, за подкладкой его бушлата нашли немецкие листовки, которые могли одновременно служить пропуском для перехода на сторону врага.

На допросе Василенко признался, что действительно был ранен и пленен немцами. Под угрозой расправы над близкими родственниками, оставшимися на оккупированной территории Украины, он смалодушничал и согласился на сотрудничество с гитлеровской разведкой. При вербовке получил задание вести пораженческую агитацию, склонять советских солдат к измене. Гитлеровцы перебросили Василенко в расположение наших войск, оттуда он как раненый был направлен в госпиталь, а затем — в запасную бригаду. Но здесь встреча с Пышминцевым оборвала деятельность вражеского агента...

Вспоминая об этом сейчас, через десять лет, Пышминцев очень жалел, что в нынешней чекистской работе встреча с противником лицом к лицу отодвигается, как правило, на самый конец. Вместо того, чтобы сразу глянуть на человека, почувствовать его характер, настрой, может быть, даже образ мыслей, приходится по крохам собирать улики, ворошить архивы, читать бесчисленные документы... Но и на этом пути бывают неожиданные удачи.

На запрос, отправленный из Перми, УМГБ Бухарской области сообщило, что в 1946 году этим управлением были арестованы Максудов Салим и Шарипов Рамазан — бывшие каратели «Туркестанского легиона», воевавшие в составе дивизии СС «Бранденбург» на советско-германском фронте, а позднее принимавшие участие в карательных акциях против белорусских партизан. Опознав на предъявленных фотографиях Кадырова, Хасанова и Саидова, осужденные Максудов и Шарипов заявили, что знают этих людей по совместной службе в «Туркестанском легионе» с сентября 1943 года, когда названные лица прибыли в форлагерь близ местечка Легионово. Прибыли они из какой-то особой воинской части и службу в легионе проходили под

другими фамилиями: Кадыров — под фамилией «Умаров», Хасанов стал «Исмаиловым», Саидов — «Кумашом».

Итак, становилось ясно, что Кадыров поступил на службу в «Туркестанский легион» не в июне 1944 года, как он утверждал на всех допросах, а гораздо раньше — в сентябре 43-го. Где же он был до этого? Куда прибыл после Винницкого лагеря для военнопленных? И где, с какой целью ему и его приятелям были присвоены вымышленные фамилии?

Ждать ответа пришлось недолго. Через некоторое время пришел ответ из МГБ Таджикской ССР. В нем сообщалось, что по показаниям арестованных органами госбезопасности республики агентов германской разведки Ерова Мумина, Алиева Шарифа и Курбанова Юсупа проходит Саидов Баймат, 1921 года рождения, из Хаштского района Ленинабадской области. Все три агента опознали Саидова по фотографии и подтвердили, что он вместе с ними обучался в разведывательно-диверсионной школе «Зондеркоманда Баядера», которая размещалась в местечке Регенвурм близ города Мезеретц в Германии. Так, Алиев, в частности, показал: «На фотографии № 2 я опознаю агента германской разведки Саидова Баймата, находившегося вместе со мной в разведшколе «Зондеркоманда Баядера». Саидов во время моего пребывания в разведшколе с сентября 1942 года по март 1943 года носил фамилию-кличку «Кумаш» и числился в таджикском взводе. В марте 1943 года я в составе дивизии СС «Бранденбург» выбыл из школы, а Саидов-Кумаш остался там».

Теперь, чтобы полностью раскрыть картину, Пышминцеву недоставало только одного звена. Следовало направить запрос в Москву по поводу разведшколы «Зондеркоманда Баядера»...

Из справки по делу:

«ЗОНДЕРКОМАНДА БАЯДЕРА

С сентября 1942 года в местечке Регенвурм (12 км от города Мезеретц) размещалась подчиненная 2-му отделу управления «Абвер» так называемая «Зондеркоманда Баядера», где готовилась агентура для шпионско-диверсионной деятельности на территории среднеазиатских республик СССР.

Главным политическим руководителем разведшколы «Зондеркоманда Баядера» был доктор Ленц, его заместителем и преподавателем немецкого языка —

кадровый разведчик, выходец из России, уроженец Петербурга Брандт Фред Вильгельмович.

Курсанты, зачисленные в школу, готовились к засылке в советский тыл, в том числе в республики Средней Азии, где должны были создавать вооруженные банды, совершать диверсии на железнодорожных и промышленных объектах, проводить среди населения антисоветскую агитацию, совершать террористические акты, собирать секретные сведения. После обучения агенты из «Зондеркоманды Баядера» передавались для конкретного использования в дивизию СС «Бранденбург», а также включались в так называемые «абвергруппы», действовавшие на советско-германском фронте. Одновременно в школе обучалось до 200 человек среднеазиатских национальностей, завербованных в лагерях для военнопленных».

6

Бежали дни, месяцы... Кадыров готовился к дню фатиха. Он уже написал текст обязательства, которое должны будут подписать бывшие легионеры, сплотившиеся вокруг него. Теперь он ждал удобного повода, чтобы, не вызывая подозрений, в очередной раз собрать всех. Таким поводом в ближайшее время могла стать встреча нового, 1952 года. В этом году, весной, для многих бывших легионеров, в том числе и для Кадырова, срок спецпоселения кончался. Если повезет, думал Кадыров, он вернется на родину как раз в дни весеннего народного праздника — лолазора. Последний раз участвовать в лолазоре Кадырову довелось перед призывом в армию, в 39-м году. Все последующие годы ему приходилось отмечать либо политические праздники, вроде дня рождения Гитлера, либо чисто религиозные, приуроченные к датам мусульманского календаря. Не веря ни в аллаха, ни в Мухаммеда, пророка его, Кадыров справлял религиозные обряды только для проформы. Зато политическим мероприятиям он, считая себя прирожденным пропагандистом, придавал большое значение.

Летом 1943 года, когда в Берлине проходил организованный ведомством Геббельса Туркестанский национальный конгресс, Кадыров приложил все силы для того, чтобы попасть на него. От каждой воинской части «Туркестанского легиона» на конгресс были приглашены офицеры, старшие муллы и по семь человек из рядового состава. Курсант Кадыров, носивший тогда фамилию

Умаров, представлял на нем «Регенвурмлагерь» — так для зашифровки именовался военный городок близ местечка Регенвурм, где размещалась «Зондеркоманда Баядера». Участие в конгрессе, на котором с речью выступил сам Вали Каюмхан, сразу выделило Кадырова среди остальных курсантов разведшколы. Даже известный своей грубостью унтер-офицер Радке, преподаватель огневой подготовки, стал обращаться к Кадырову на «вы».

Но окончательно выделиться и занять желанное особое место среди туркестанцев Кадырову удалось после второй поездки в Берлин. Шел месяц рамазан по мусульманскому лунному календарю. В течение рамазана всеми мусульманами соблюдается 30-дневный пост — ураза. В первый день нового месяца пост кончается, и начинается один из главных мусульманских праздников — ураза-байрам. По христианскому календарю было 1 октября 1943 года, когда Кадыров в составе делегации туркестанских националистов прибыл в Берлин на торжества, посвященные празднику ураза-байрам. И здесь Кадырову вновь крупно повезло. В мечети во время утреннего намаза он встретил Сафарова — того самого Сафарова Шарки, который до войны работал прокурором Карагольского района, а теперь был редактором выходящей в Берлине националистической газеты «Милли Туркестан». Сафаров тоже обрадовался встрече с земляком, пригласил Кадырова в редакцию, долго с ним беседовал, ввел его в круг туркестанских журналистов, активно пишущих на антисоветские темы, — таких, как Хушнуд, Равшан, Курбаналиев и другие. Расстались они довольные друг другом.

Кадыров начал регулярно получать от Сафарова по нескольку экземпляров газеты «Милли Туркестан». Он распространял их среди курсантов, читал некоторые материалы вслух, сам писал статьи в газету — словом, был активным пропагандистом националистических идей Вали Каюмхана. Делал он это не потому, что так уж свято верил лидеру туркестанских националистов, а с одной, чисто практической целью — ему очень не хотелось попасть на советско-германский фронт. Приближался срок окончания разведшколы, и Кадыров всячески старался внушить немцам мысль о том, что стрельба, прыжки с парашютом, возня со взрывчаткой, короче, вся грубая шпионско-диверсионная работа — не для такого умного человека, как он. Что гораздо больше пользы от него будет в Берлине или, на худой конец, здесь, в преподавательском составе «Зондеркоманды Баядера»...

Вышло же все не так, как хотел Кадыров. По окончании разведшколы он, Хасанов и Саидов попали в 11-й батальон

«Туркестанского легиона», который спешно перебрасывался в Грецию для охраны побережья Эгейского моря от высадки английского десанта. По существу, эти трое были готовой обученной абвергруппой, которую можно было в случае необходимости использовать для борьбы с мелкими разведгруппами англичан. Впрочем, в течение всего 1944 года англичане были от Греции далеко, зато все сильнее беспокоили оккупантов партизаны. Туркестанских легионеров то и дело посылали для участия в карательных операциях против греческих патриотов.

Советские войска с каждым днем приближались к границам соседней Болгарии, греческие партизаны в районе Салоников, где стоял «Туркестанский легион», вели себя все более дерзко. Кадыров и другие легионеры часто задумывались о будущем. Ни английские, ни американские войска под Салониками так и не появились. Выход был один... В начале сентября 1944 года, за несколько дней до вступления советских войск на территорию Болгарии, Кадыров, Бабаев и еще несколько легионеров сдались греческим партизанам. Те вскоре передали их советскому командованию. Так бывшие легионеры оказались в проверочно-фильтрационном лагере под Софией. Здесь Кадыров придумал себе легенду и выложил ее на допросе в отделе контрразведки «Смерш». Подобным же образом поступили Саидов и Хасанов, прибывшие в лагерь позднее. А потом — дальняя дорога, Урал, спецпоселение...

Конечно, жить можно было и здесь, в поселке шахты «Нагорная». К Кадырову скоро приехала жена, в 1949 году у них родился сын... Но смириться, забыть об идеях Каюмхана и работать наравне со всеми в шахте — этого Кадыров не мог себе позволить. Он хорошо помнил некоторые советы Сафарова. Так, перед самым отъездом Кадырова в форлагерь Легионово тот напутствовал его: «Наш мудрый предводитель Вали Каюмхан призывает каждого мусульманина стать воином ислама и всюду, где бы ни пришлось находиться, вести священную войну за веру — джихад. Только, я думаю, священная война имеет много форм, в том числе и относительно мирные, когда главную роль играют не пушки, а слова, идеи. Пушки рано или поздно замолкают, а битва идей не прекращается никогда. Поэтому умный человек редко становится шахидом — мучеником, погибающим в священной войне. Он должен стать гази — воином, который остается жив и ни при каких обстоятельствах не складывает своего главного оружия — мысли. Запомни: как бы ни закончилась эта война, джихад будет продолжаться».

Сафаров оказался прав. В конце 40-х годов антигитлеровская

коалиция распалась. Газеты заговорили о «холодной войне». Кадыров увидел, что джихад продолжается. Возможно, прикидывал иногда Кадыров, после возвращения в Туркестан его однажды найдут там тайные эмиссары Сафарова или самого Каюмхана. А может случиться и так, что на него выйдет когда-нибудь резидентура американских или английских спецслужб.

Пользуясь навыками, приобретенными в «Зондеркоманде Баядера», Кадыров быстро сплотил вокруг себя группу бывших туркестанских легионеров. Они должны были составить ядро создаваемой им организации. И пусть потом многие разъедутся по всему Туркестану, думал Кадыров. Это даже лучше: его люди рассеются, растворятся в общей массе, уйдут из поля зрения чекистов, как вода уходит сквозь песок. А когда будет надо — он их найдет. Главное сделано: связи установлены, у него есть адреса, в случае необходимости он знает, как отыскать каждого. Последним этапом в формировании организации должно было стать подписание обязательства, которое Кадыров наметил на день фатиха...

Однажды утром он пришел домой после ночной смены. Сначала умылся, потом позавтракал и лег спать. Уснул крепко, без сновидений, и не услышал, как в комнату постучали, как жена отворила дверь, как вошли несколько человек... Очнулся, когда чья-то рука потрясла его за плечо. Кадыров открыл глаза и увидел перед собой человека в военной форме. Позади него стояли еще два солдата.

— Гражданин Кадыров? — сказал военный. — Собирайтесь. Вы арестованы.

До дня фатиха оставалось менее десяти дней.

7

И вот они, наконец, сидят друг перед другом — старший лейтенант Пышминцев из контрразведывательного отдела УМГБ по Пермской области, и бывший легионер, лагерный полицейский, каратель, агент германской разведки Кадыров, он же Умаров. Борьба вступила в новую фазу. Наряду с Пышминцевым ее ведут начальник отдела Крылатых, следователь Лыков, старший оперуполномоченный Губахинского горотдела УМГБ Красковский.

Чекистам предстоит большая работа. Легионеры на допросах будут запираться, валить вину один на другого, юлить, симулировать болезни... Понадобится организовать очные ставки, направить новые запросы, собрать множество документов, чтобы,

исключив всякую ошибку, раскрыть полную правду. Военный трибунал, рассмотрев в марте 1952 года уголовное дело бывших туркестанских легионеров (всего перед судом предстало 18 человек), приговорил предателей Родины, фашистских пособников, агентов гитлеровской разведки к длительным срокам лишения свободы. Так, благодаря профессиональному чутью, зоркости чекиста Пышминцева и его коллег была ликвидирована еще до момента своего полного оформления подпольная организация туркестанских националистов. «День фатиха» так и не состоялся...

И. ЛЕПИН
Экзамен на зрелость

1

Он уже сбился со счета, которые сутки ехали.

— Десятые пошли, — убежденно сказала Евгения Григорьевна. — Я каждое утро палочки в записной книжке ставлю. Вот полюбуйся. — И она протянула открытый на нужной странице видавший виды простенький блокнот.

Георгий Маркович не то чтобы не поверил жене, но из-за опасения, что она могла ошибиться в своих галочках, направился к проводнице — уточнить, окончательно убедиться, что сегодня наконец закончится их путешествие. Проводница подтвердила: да, через три часа будет станция Большой Невер, можно потихонечку готовиться к высадке. Сообщи проводница — а это была не очень разговорчивая, хмурая женщина, должно, тоже порядком уставшая за многодневную дорогу, — что ему, Георгию Марковичу Латкину, до своей станции ехать еще, скажем, часов пятнадцать-двадцать, он бы наверняка впал в отчаянье. Устал, невероятно измучился в длинном своем путешествии. Надоело читать — глаза быстро уставали от чтения при вагонной качке; надоело лежать — болели бока от жесткой полки; отяжелели без движения ноги; угольная пыль, попадавшая в окно из трубы паровоза, въедалась в тело, раздражала глаза.

Ехала с Латкиными и их восьмилетняя дочь Таня. Первые дни она не сидела на месте, то и дело лазала с верхней полки на нижнюю, бегала по вагону, заглядывала в другие купе, а сейчас и она притихла. И ее, видать, притомила дорога.

Вернувшись от проводницы, Георгий Маркович сказал жене:

— Пора складывать вещи.

Евгения Григорьевна иронически посмотрела на него:

— Вещей-то у нас — два чемодана, мы их и не открывали.

— А зубные щетки, расчески, мыло...

— Так это ж минутное дело.

— Все равно собирайся.

Евгения Григорьевна махнула рукой: раз муж задумал свое, не переубедишь его, не остановишь. И начала сворачивать постель.

Стояла середина сентября. Лес по краям вымощенной дороги

был в багряном убранстве. Осины, березы тихо сбрасывали листву, осыпали ярко-желтую хвою лиственницы.

В кабине легковой машины-«козлика», прибывшей на станцию за Латкиными, было тепло. Георгий Маркович, сидевший рядом с шофером, иногда приоткрывал стекло, чтобы выпустить папиросный дым. Время от времени высовывал руку.

— Свежо.

— Это сегодня стало прохладней, — отозвался шофер, мужчина лет сорока, выглядевший, однако, намного моложе. — Вчера градусов двадцать было. Я за грибами налегке ходил.

— Ну и как, набрал?

— Еще бы! Корзину рыжиков за какой-то час... Да. Вот в следующий выходной за брусникой думаю отправиться. Или за клюквой — на что нападу. Вы, Георгий Маркович, не хотите составить компанию?

Латкин усмехнулся.

— Вообще-то не против. Я лес люблю — грибы, ягоды. Там к тому же душа отдыхает... Так что при случае воспользуюсь приглашением.

Широкая дорога свернула в тайгу, и сразу потемнело. Латкин смолк. Молчал и шофер. Он напряг зрение, дабы не угодить в колдобину.

От Большого Невера до Алдана — места своего назначения — Латкину предстояло добираться по здешним меркам всего ничего — сутки. Если, конечно, «козлик» не подведет.

2

Какие там грибы, какая клюква! На него, выпускника Высшей школы МГБ СССР, навалилась уйма проблем, нерешенных вопросов, забот и хлопот. Алданский горотдел МГБ был крупнейшим в Якутии, место же начальника пустовало несколько месяцев, и вот теперь майору Латкину предстояло в короткий срок разобраться с обстановкой в городе и районе. А она была непростой.

И вот почему.

Всего семь лет прошло, как окончилась Великая Отечественная война. Но и после нее враги Советской власти, всевозможные гитлеровские прихвостни, националистический сброд, власовцы, головорезы из бандеровских банд и прочая нечисть продолжали свои злодейства. От их рук все еще гибли колхозные активисты, учителя, врачи, партийные и советские работники, сотрудники милиции, просто честные люди. Пули

предателей сразили многих солдат, дошедших до Берлина и возвратившихся домой. И разве мог кто-то из них подумать, что на родной земле его ждет смерть от выстрела из-за угла?!

Но так было. И не месяц, не два после отгремевшей войны.

С бандитами органы милиции, государственной безопасности вели суровую, непримиримую борьбу. Постепенно ряды карателей редели, их предавали суду — справедливому, народному. Некоторых — во избежание дальнейших связей с бандами — пришлось выселить в отдаленные районы, в том числе в Якутию.

Были среди поселенцев те, кто совершал преступления по заблуждению, поддавшись антисоветской пропаганде.

Теперь они, поняв и осознав всю тягость своих действий, добросовестно работали, искупали немалую вину.

С такими особых проблем не было.

Труднее приходилось влиять на тех, кто продолжал творить зло, кто по-прежнему питал к нашему строю вражью ненависть.

3

Поздним февральским вечером 1953 года — а работали тогда часто и ночами — в кабинет Латкина заглянул комендант одной из спецкомендатур района Захаров. Весь в снегу — на дворе мела пурга, в шубе с поднятым воротником, в завязанной под подбородком шапке, он был похож на Деда Мороза. Только без мешка с подарками и палки.

— Разрешите войти?

— Что за вопрос? Раздевайся и грейся, — кивнул Латкин в сторону печи, в которой потрескивали дрова.

Не вошел Захаров, а ввалился. Снял рукавицы, протер глаза.

Разделся, в коридоре стряхнул с шубы, шапки и валенок снег.

— Ну и метет! Да мороз — не меньше тридцати.

Латкин протянул ему пачку «Беломора».

Закурили. Перебросились несколькими дежурными фразами, а затем Захаров сделал паузу, оперся локтями в стол. Сказал тревожно и озабоченно:

— Я, Георгий Маркович, в такой поздний час явился неспроста...

Латкин насторожился.

— Давай выкладывай.

И Захаров поведал следующее.

В тот день, после работы, к нему в комендатуру явился для очередной отметки поселенец из Западной Украины Микитюк — лесодоставщик местной шахты. Был он возбужден, то и дело

оглядывался по сторонам. И когда Захаров, сделав отметку, сказал, что Микитюк может идти, тот вдруг наклонился к коменданту:

— Справа у мэнэ е.

— Что за справа? — не понял Захаров.

— Ну, дело по-российски.

— Слушаю.

Микитюк боязливо огляделся.

— Да никого тут нету. Рассказывайте.

— Сведите меня с вашим головой, начальником то бишь.

— А я что — не начальник? — малость обиделся Захаров. — Или мне не доверяете?

— Доверять доверяю, но тут треба разбираться самому главному, иначе можно напортачить... Или при пересказе перепутаете что-либо...

Захаров смекал, как быть.

— Хорошо, — привстал он со стула. — В таком случае я сегодня же вас отвезу в райцентр, к начальнику.

Микитюк с минуту размышлял.

— Не, не можу я с вами ехать. Мое отсутствие в бараке сразу заметят. В первую очередь жена спросит, а потом и соседи: «Где был?»

Захаров тихо сказал в ответ:

— Резонно... — И — громче: — Так что — привезти начальника сюда?

— Не. Краще в соседний поселок — тут тоже опасно...

— Хорошо. — Комендант сел на свое место за старый двухтумбовый стол, накрытый выгоревшим зеленым сукном. — Соседний так соседний. Договорились. Завтра к двенадцати часам будьте в тамошней комендатуре.

— А как с работой?

— Это забота не ваша.

Микитюк вышел, а Захаров тут же связался по телефону с начальником шахты.

— У вас в соседнем поселке нет дел?

— А что?.. Вообще-то есть — надо буровые трубы получить.

— Прошу командировать лесодоставщика Микитюка. Очень прошу. И обязательно завтра.

— Вас понял, сделаем.

— Вот такую самодеятельность я проявил, Георгий Маркович. Хотел было вам позвонить, выяснить, сможете ли выехать на встречу с Микитюком, но телефонная связь у нас сами знаете какая, — закончил рассказ Захаров и отрешенно вздохнул: теперь-

де, товарищ Латкин, казни или помилуй, твоя воля; я же поступил так, как подсказал мне мой десятилетний чекистский опыт.

С минуту стояла напряженная тишина.

Латкин снова достал папиросы. Протянул пачку Захарову.

— Бери... Конечно, у меня на завтра совсем планы другие, но ладно, кое-что перенесу на другое время. — Он усмехнулся, подал Захарову руку. — А у Микитюка, может, и вправду важная «справа»... Поедешь со мной?

— Вам лучше одному.

4

Утром Латкин выехал на встречу — на том же «козлике», что привез его четыре месяца назад со станции в Алдан. Погода смилостивилась, пурга утихла, но мороз еще более усилился. Дорогу занесло, и порою приходилось вылезать из кабины, чтобы помочь машине преодолеть тот или иной злополучный сугроб.

«Добро, если не зря потеряю время, — размышлял Георгий Маркович. — А если пустяк? Вдруг Микитюку вздумалось изложить не бог весть какую личную просьбу. Или жалобу. Так со всем этим мог и Захаров разобраться».

В назначенное время он был в комендатуре. Явился туда и Микитюк. Это оказался пожилой, мало чем примечательный человек.

Георгий Маркович пригласил его сесть.

Микитюк нервничал, мял в руках шапку.

— Ну, что у вас? — приготовился слушать Латкин.

Микитюк говорил сбивчиво, путая русские и украинские слова. А суть его рассказа заключалась в том, что он весьма обеспокоен за судьбу своей дочери, Татьяны, Теци, как называл ее Микитюк. Дело в том, что Татьяна, работавшая ламповщицей, с недавних пор, по наблюдениям отца, вовлечена в какую-то тайную, настроенную против Советской власти организацию.

— Что вам известно об этой организации и почему она антисоветская?

— Гадаю так, — уклончиво ответил Микитюк, — возглавляет-то ее Миклашевский.

— Кто такой?

— Не знаете его? Странно...

(Заметим в скобках, что назавтра Латкину многое станет ясно об этой личности. Богдан Миклашевский, сорока лет, в прошлом работал во Львовской области лесничим. Выслан за соучастие в

преступлениях своего брата, активного оуновца, сбежавшего за границу с немцами. Позже выяснилось, что оуновцем был и сын Богдана, живший здесь же, с отцом. Миклашевские снимали дом у одинокой старушки, матери погибшего солдата.

Богдан свободно владел русским, украинским, польским, немецким языками.)

Далее Микитюк поведал следующее. Началось все с того, что Татьяна неожиданно для семьи затеяла переписку с какой-то новой подругой. Письма в ее адрес шли со Львовщины. Очень странные по содержанию. Во многом непонятные. Будучи малограмотным, Микитюк заставлял их читать сына-школьника. Но и тот понимал с пятого на десятое. «Якись шифр», — заподозрил Микитюк.

И он решил допросить свою Тецю. Строго, один на один.

Дочь поначалу хотела отделаться шуточками. Но когда отец крикнул, когда стукнул кулаком по столу так, что треснула доска, испугалась. И, заикаясь от страха, во всем призналась.

Да, она ведет переписку с Аней, племянницей Богдана Миклашевского. Он познакомил их заочно. Они оказались ровесницами — по двадцать два года. Обменялись фотографиями. Пишут друг другу о своем житье-бытье. С особым интересом читала Татьяна о любовных увлечениях Ани, которая, однако, обязательно несколько строк в письмах отводила своему дяде. Татьяна регулярно показывала ему письма. Прочитав, Миклашевский в свою очередь просил Татьяну пересылать племяннице записки из мало что значащих фраз с перечислением родственников.

— Связалась с Миклашевским?! — побелел от негодования Микитюк. — Ты ведаешь, хто он?

— Стволовой.

— Я не о том. Что он за человек?

— Добрый, вежливый. Всегда здоровается.

— Фу, дура! Да он... он контра...

...Микитюк на этом месте стушевался. Смолк. Рассудил: явно говорит лишнее. И еще неизвестно, останется ли вот эта беседа с Латкиным в тайне или начальник отдела госбезопасности предаст ее огласке. Тому же Миклашевскому объявит, что по заявлению Микитюка имеет основание детальнее разобраться с его прошлым и настоящим. И тогда... Тогда от Богдана добра не жди. Сам он или его дружки, которых у него немало, могут так отомстить...

— Продолжайте, — нетерпеливо сказал Латкин, пытаясь заглянуть Микитюку в глаза. А тот отвернул лицо. — Я слушаю...

Микитюк молчал. Принялся сморкаться в скомканный платочек. Потом коротко бросил:

— Боюсь.

— Кого?

— Богдана. И дружка его.

Под дружком Микитюк имел в виду Степана Кучеру. Его дружба с Миклашевским казалась Микитюку подозрительной. Не земляки — Степан был из Дрогобычской области. Характеры у них разные: Миклашевский — общительный, разговорчивый, Кучера же — молчаливый и нелюдимый.

Правда, наблюдательный Микитюк уловил и некоторые сходства: Кучера был добросовестным работником (он работал проходчиком). И его брат находился в бегах (в свое время был одним из приближенных самого Бандеры), сам Степан тоже не безгрешен: в прошлом являлся связным бандеровских банд, обеспечивал их продовольствием, которое реквизировал у местного населения.

Не случайно, далеко не случайно сошлись эти два человека. Сразу же, как прибыли сюда в 47-м году, подружились. И не родство душ их сблизило, а ненависть к Советской власти. Да, да, ненависть. Малограмотен Микитюк, но прозорлив: они и в работе-то стараются, чтобы не вызвать подозрений. А копни поглубже — страшные это люди. И опасные. И лучше их не трогать, лучше подальше держаться от них. А Теце надо приказать немедленно прекратить переписку с Аней и посещение дома Миклашевского. А тебе, начальник, больше и слова не сболтну. Зря я затеял эту встречу, мог бы дочь и сам отвадить...

Георгий Маркович терпеливо ждал, проницательно, не мигая, всматривался в заросшее рыжей щетиной лицо Микитюка. Испугался он мести. Но раз такое дело, надо предпринять все, чтобы об этом их свидании никто не знал.

— Даю честное слово, вы останетесь вне подозрений...

— Даете? — словно зверь огрызнулся Микитюк. — В прошлом году ваш Захаров одному тоже вот так обещал. Самойленко его была фамилия. Слышали? И что? С распоротым брюхом за поселком знайшлы.

Латкин чувствовал, если сейчас он не получит нужные сведения, потом Микитюк не заговорит.

— Еще раз повторяю: тайну гарантирую. — И тут же в упор спросил: — Давно познакомились Татьяна с Миклашевским?

— Года полтора как...

Сказал это Микитюк и осекся: снова его дернул черт за язык.

— Та-а-ак. — Голос Латкина стал веселее: кажется, лед тронулся. — Не бойтесь, рассказывайте. Кто-то же должен нам помочь... Закуривайте, — предложил он папиросы Микитюку.

— Не, я свой закурю, если можно. — И полез в карман ватных

штанов за кисетом с махоркой.

Задымили, Микитюк кашлянул в кулак. Сейчас он был на распутье: говорить дальше или нет? Рассудил: за то, что он уже выболтал, в случае чего ему несдобровать. Выходит, если и отвечать, то уж за все, а не за толику того, что рассказал... К тому же не верить, хоть и слишком молодому, начальнику у него не было оснований. А, будь что будет!

Значит, так. Познакомилась Теця с Миклашевским через своего жениха, тоже спецпоселенца, Григория Воцуняка, работающего электрослесарем. Парень он молодой, симпатичный, кудрявый, сапоги со скрипом. Он Микитюка уже батей называет, намекая на скорую свадьбу.

Этот Воцуняк однажды вечером и привел Татьяну в дом Миклашевского. Дело было поздней промозглой осенью, а у Миклашевского тепло, уютно. Народу собралось человек двадцать. И в основном молодежь, своя, украинская. Пели песни, играли в карты, лото. Хозяин дома, стройный, красивый мужчина, ненароком затеял разговор об отношениях украинцев с поляками. Татьяна напрягла слух: добре рассказывает! Живо, на чистейшем украинском языке. По Миклашевскому выходило, что отношениям этим всегда мешали русские. Она поразилась: раньше считала Россию верной опорой Украины. Но перечить не стала — Миклашевскому виднее.

В общем, здорово прошел вечер.

На следующую сходку Татьяна потянула уже Григория сама. Тут было интересно, занятнее, чем в поселковом клубе. А главное — ридна мова! Рассказы же дядьки Богдана о прошлом Украины можно слушать без конца. Она ему однажды восхищенно сказала: «Вы лучше всякого учителя, столько знаете!» На что он ей ответил: «Ты, я вижу, настоящая патриотка. Кстати, хочешь, я тебя познакомлю со своей племянницей? Она сейчас живет там», — сделал ударение Миклашевский на последнем слове.

Про вечера у Богдана Миклашевского знали в поселке многие. Были о них осведомлены и официальные лица. И все относились к этим сходкам благожелательно. И резон в том был: молодежь на них не хулиганила, не пила, благопристойно развлекалась — причем под присмотром старших.

Однако на том строгом допросе, устроенном Микитюком дочери, она призналась, что вечеринки у дядьки Богдана и по ее мнению не совсем безобидны. И если отец беспокоится о судьбе своей дочери, то она в свою очередь тревожится за Григория. Дело в том, заметила Татьяна, что Миклашевский по окончании вечеринок все чаще задерживал у себя несколько человек. Оставались тут всегда Степан Кучера, а также Василь Горак и

Иосиф Ханковка — наиболее приближенные к Миклашевскому.

Поначалу Татьяна не придавала этому никакого значения: может, мужчины, уединившись, потягивают горилку...

Как-то Миклашевский попросил остаться и Григория. Раз, другой...

Компания уходила в отдельную комнату, а она ожидала своего жениха в кухне.

И вот что Татьяна заметила. После таких мужских посиделок Григорий, против обыкновения, становился угрюмым, подавленным, на ее недоуменные вопросы, отчего это происходит, отвечал нервно, сбивчиво, противоречиво.

Татьяна заподозрила неладное. И забеспокоилась. Надо спасать Григория. Но как? Не ходить к Миклашевскому и не пускать туда жениха? Но простит ли ему это дядька Богдан? Вон какие слухи идут о расправах «лесных братьев» с неугодными им людьми! И только ли слухи?

Да и смешно: не ходить, не пускать... А сама пообещала Миклашевскому принести последнее письмо Ани. Там ему — приветы от родственников.

Боязно. Озноб по телу.

Не жизнь пошла, а прыганье по кочкам среди трясины. Ох, как бы не оступиться!..

5

Вот и все, что узнал Латкин от Микитюка.

Тот, закончив рассказ, сразу же уехал, а Георгий Маркович еще с десяток минут сидел в кабинете. В одиночестве. Осмысливал услышанное, анализировал.

Да, заковыристое сообщение подбросил Микитюк. С кондачка его не распутаешь. Этот самый Богдан Миклашевский, видать, хитер. Да и окружение его — Кучера, Горак, Ханковка — тоже не простачки.

Но выявить их истинные цели нужно и должно. Причем срочно. Ведь Миклашевский с компанией не дремлет, кто знает, что они задумали.

Дело чести его, молодого начальника отдела, провести тщательную проверку фактов. Это — вроде контрольной работы для него, экзамена. Справится — хорошо. Провалит — значит, зря тебя учили в Москве, ошибся в тебе обком партии, рекомендовавший в Высшую школу МГБ.

В тот же день Георгий Маркович вернулся в горотдел. Домой зашел лишь перекусить.

В кабинет-то свой, что находится на втором этаже деревянного здания, он почти вбежал, приказав по пути пригласить к нему старшего оперуполномоченного капитана Попова.

Латкин невысок ростом, а Попов еще ниже его... И худощавей. Но одно у него было примечательное — глаза. Большие-большие, голубые-голубые. И непосредственные. И уж если он чем нравился женщинам, то именно этими глазами.

Но сослуживцы ценили в Попове другое — смекалку и проницательность, цепкость и осторожность. Он был почти ровесником Латкина, ему только-только исполнилось тридцать, но в Алдане работал уже десять лет. Сумел проявить себя.

Георгий Маркович именно ему и передал все, что услышал от Микитюка. Сказал:

— Тут нужны твой опыт и сноровка. Вот я тебе и поручаю проверить информацию. А теперь — давай прикинем план действий. Я, когда возвращался, название группе придумал. Знаешь какое? «Камарилья». Неплохо ведь? Миклашевский в ней вроде короля, а все остальные — придворная клика. Камарилья, одним словом.

Медленно, вопреки ожиданию, распутывался клубок. В первую очередь требовалось выяснить цели устраиваемых Миклашевским сборищ. Установили: большинство их участников действительно приходят весело провести время, пообщаться с земляками. Большинство. Но все ли? Не прикрываются ли этими хлопцами и девчатами, словно ширмой, организаторы вечеринок, те, кто остается в избе, когда остальные идут по домам? И так ли уж безвинны эти рассказы об истории, где, как правило, в неприглядном свете выглядела Россия, русский народ.

Следующая задача — выявить приближенных Миклашевского. Кто бы мог помочь?

Выбор пал на Тецю-Татьяну и Григория Воцуняка. Расчет был на то, что Татьяна, опасаясь за судьбу любимого человека, ничего не будет скрывать, склонит к откровенности и своего жениха.

Но расчет — одно, а реальная жизнь — другое. С Татьяной и Григорием беседовали и врозь и вместе, а они в один голос твердили: «Ходим к дядьке Богдану только петь да играть, ничего предосудительного за ним и его людьми не замечали».

Запуганные были Татьяна с Григорием, очень запуганные. Вот и не признавались.

Но Татьяна все же заговорила. Не скоро, правда. Видно, долго боролись в ее душе два чувства: страх и любовь. И победила любовь. Заговорила Татьяна в беседе с Георгием Марковичем. В присутствии Григория. Тот молчал, лишь изредка поправлял или

уточнял короткими репликами рассказ своей невесты.

Полученная от молодых людей информация была вскоре перепроверена. Как и предполагали Латкин с Поповым, руководителем националистской группы был Миклашевский, сумевший установить непосредственную связь с остатками ОУН, действовавшими в подполье на территории Западной Украины. Оттуда он получал различные тактические и методические указания: главным образом, как в условиях отдаленных районов вести подрывную работу.

Первым помощником, правой рукой Миклашевского, не ошибся Микитюк, был Степан Кучера — фанатичный, грубый и жестокий человек. Он выполнял в группе функции референта «службы безпеки» («службы безопасности»). Именно он, Кучера, а не Миклашевский, если надо было, карал отступников.

Третьей фигурой являлся незаметный, скрытный, но в то же время влиятельный в группе человек — Василь Горак, уже пожилой, бывший учитель сельской школы. Он выступал в роли местного идеолога украинского национализма. Поговаривали, что Горак был лично знаком с Евгением Коновальцем и Андреем Мельником — вожаками ОУН.

Заслуживал внимания и Иосиф Ханковка — кулацкий сынок, абсолютно безграмотный, весьма ограниченный тип, дико озлобленный на Советскую власть. Выслан вместе с родителями — отцом и матерью — за пособничество бандеровцам. Работал в кузнице молотобойцем. С Миклашевским свел его Горак, часто бывавший в кузнице и хорошо изучивший Ханковку.

Это главари. Остальные — сошки помельче. Но — сколько их?

6

И во сне не могло присниться горному инженеру Латкину, что ему когда-нибудь придется иметь дело вот с такими злобно настроенными, опасными людьми.

Вообще-то Георгий мечтал корабли строить. После школы (тогда он жил в городе Бирске, что в Башкирии) хотел подать заявление в кораблестроительный институт. Одобрял его выбор и отчим — именно он привил Георгию любовь к моделированию. А мать видела в своем единственном сыне врача. Лучше профессии для мужчины, считала она, нет. И слезно умоляла Георгия пойти в медицинский: «Ты ведь умеешь сострадать, а для доктора это самое важное качество».

Он пожалел мать, поступил в Томский медицинский.

А через три месяца ушел. Почувствовал: не то, медицина не его призвание.

Принес документы в местный индустриальный институт.

Ему сказали:

— Сдашь математику и начертательную геометрию — зачислим.

Сдал. А матери — ни слова про перемену. Только на втором курсе признался.

Она, конечно, расстроилась. Но спасибо отчиму, Сергею Абрамовичу, успокоил мать: «Инженер-шахтостроитель — тоже неплохо».

Латкин окончил институт в 43-м году и сразу попросился на фронт — вместе с другом Иваном Медведевым. В военкомате, однако, их обозвали чуть ли не дезертирами. Стране нужен уголь. А они — бежать с трудового фронта!..

Короче, оказался он с Иваном в Кузбассе, а точнее — в Киселевске, в управлении нового шахтостроения.

Латкин стал неплохим специалистом. Горный мастер, начальник участка, помощник главного инженера управления. В 46-м Георгия Марковича избрали заместителем секретаря партбюро шахты.

На строительстве шахты «Тайбинская» Латкин был начальником проходки, главным инженером строительства, заместителем секретаря парторганизации треста «Кузбассшахтстрой», затем — парторгом ЦК на шахте № 4, заведующим отделом промышленности и транспорта горкома партии.

В марте 50-го его пригласили в обком:

— Есть мнение направить вас в Высшую школу МГБ...

Попытался объясниться:

— Я ведь производственник в душе. Ну, партработник еще. Потому — спасибо за доверие, но...

— Довод веский, однако подумайте... Кроме того, знание производства на новом месте вам наверное пригодится.

Латкин все же согласился. Через месяц уже был на курсах.

Теперь вот Алдан. От Москвы десять суток поездом и сутки на машине. До Якутска шестьсот километров. Вечная мерзлота. Непривычные края. Непривычная работа.

7

Скрупулезно в горотделе собирали информацию о деяниях Миклашевского и компании. Постепенно вырисовывались

границы подрывной деятельности группы. При этом не исключалось, что факты вредительства, случавшиеся на шахте, — дело ее рук. Не однажды кто-то портил оборудование, резал транспортерную ленту, отрубал и уносил куски кабеля, находящегося в бухтах. Кто-то поджег кладовку со спецодеждой, из строящейся электроподстанции похитил алюминиевые шины, из-за чего надолго задержался монтаж и пуск трансформатора.

После каждого ЧП шахтное начальство начинало вести служебное расследование, выискивая злоумышленников. Было при этом немало ложных обвинений, сомнительных догадок. Одни утверждали, что «кто-то», режущий транспортерную ленту, это местные сапожники. Им лента нужна для подошв. Другие доказывали, что кабель портят охотники-любители: из него они добывают свинец для дроби. Третьи уверяли, что алюминий идет на самодельные вилки и ложки, которыми приторговывают два подозрительных типа из общежития.

Все это оказалось, однако, досужим вымыслом.

Анализируя все происшествия, Латкин с товарищами (к делу был привлечен еще один оперативный работник — старший лейтенант Долгих, двадцатипятилетний рослый сибиряк) пришел к одной закономерности: диверсионные акты, если их можно так назвать, совершались только на поверхности шахты. А значит, и виновников нужно искать среди тех, кто причастен к поверхностному технологическому комплексу. И коль так, не проверить ли прежде всего группу Миклашевского? Каким образом? Рискнуть на эксперимент, чтобы окончательно снять или утвердить свои подозрения, на импровизированную встречу с главарями организации.

Решили начать с идеолога, бывшего учителя.

В поселок выехал Долгих.

Как и условлено было на инструктаже, в первой беседе в комендатуре с Василием Гораком Долгих интересовался здоровьем Горака, условиями работы, зарплатой. Поговорили о погоде, о приближающейся весне. Горак вел себя осторожно. Не спросил, зачем вызвал его Долгих. Всем видом показывал равнодушие, хотя нетерпение раздирало его: когда же оперативник приступит к главному? И что он вообще хочет от него?

А Долгих, кроме как о второстепенном, так ни о чем и не расспрашивал. Только сказал под конец беседы, чтобы зашел в комендатуру и завтра.

На следующий день снова пошла речь о том о сем. Горак — олицетворение спокойствия. Ни жилка не дрогнула на лице его, когда Долгих в один момент встретился с ним взглядом. Долгих

полагал: если Горак виноват — ответдет глаза. А тот не отвел. Наоборот, выпучил их, как бы дразня оперативника: «Испытываешь? Совесть хочешь во мне пробудить? Дудки! Молод еще!»

И тогда Долгих не выдержал и прямо спросил:

— Хватит, Горак, в кошки-мышки играть! Мне нужно знать, кто поджег кладовую.

Тот удивленно приподнял плечи:

— А откуда я знаю? Я и не слышал про пожежу.

— Не мог не слышать.

— А если б и слышал, откуда мне знать, кто...

— Не притворяйтесь. Вы в своем кругу человек сведущий.

Горак удивился еще больше:

— Це поклеп. Ей-богу, не знаю. — И перекрестился. — И не сведущий я, а маленько уважаемый. Это вещи разные. — Горак при этом ехидненько ухмыльнулся.

— Ладно, идите.

Горак встал и покорно вышел из кабинета.

Долгих досадно сжал кулаки, стукнул их друг о друга. «Сорвался, кажется. Хотел взглядом Горака пригвоздить, а получилось... Получилось — у него нервы крепче. Ну и вляпался! Обидно. Что теперь Латкин скажет?»

8

Случилась в тот же день и еще одна досадная накладка, про которую и Латкин, и Долгих, и Попов узнали позже — от Воцуняка. Идя на вторую беседу, Горак чуть ли не носом к носу встретился у подъезда комендатуры с плотником стройучастка Чихом. Этот молодой добродушный парень, тоже из поселенцев, посещал дом Миклашевского. Долгих с ним беседовал по совету здешнего коменданта Захарова. Разговор их затянулся. Долгих спохватился, глянув на часы, — вот-вот должен подойти Горак. Он тут же отпустил Чиха.

Старший лейтенант полагал, что эти два человека разошлись. А они встретились.

И вот теперь, возвращаясь из комендатуры, Горак имел основание заподозрить Чиха в доносе. Иначе, что ему делать в комендатуре?

О своем визите в комендатуру, о подозрении Горак в тот же вечер проинформировал Миклашевского, Кучеру и Ханковку.

Тут же Кучера предположил, что Чих мог выдать первым делом Ханковку.

— А я що? — удивился тот, ожидая с открытым ртом ответа.

— А то, — тихо сказал Кучера. — Сам ведь казав, что, когда ты после поджога склада возвращался ко мне в условленное место, тебя бачив этот Чих.

— Так он с девицей своей шел. В стороне. И целовались они, похоже...

— Ге, целовались... Для отвода глаз... Нужно проучить этого пащенка.

— Есть за что, — поддержал Горак.

Миклашевский одобрительно кивнул.

Чих жил в общежитии.

На другой день, поздним вечером, Иосиф Ханковка попросил Чиха выйти на улицу. Поговорить. И когда вышли, Ханковка уже другим голосом, жестким, нервным, сказал:

— Айда, пройдемся.

Они направились к лесу, на окраину поселка. Апрельский снег походил на месиво, Чих постоянно спотыкался.

— Что — коленки дрожат? — зло спросил Ханковка и взял Чиха под руку — чтобы случаем не сбежал. — Сейчас их полечим.

Неожиданно из кустов перед ними возникла фигура. «Кучера, — узнал Чих. — Человек-зверь...»

Сначала они Чиха просто расспрашивали. Потом допрашивали и били. Кулаками, ногами... В лицо, в живот, под ребра. Чих не кричал, а только стонал и корчился.

После одного сильного удара он громко ойкнул и потерял сознание.

Те двое постояли минуту-две возле него, и Кучера сказал:

— Пишлы. Оклемается, як кажуть местные жители.

Чих, придя в себя, еще долго лежал в снегу. Попробовал встать — не смог. Не слушались ноги, а тело тут и там пронизывала острая боль. Попытался открыть глаза. Левый заплыл, а правый различал свет горящих звезд. «Жив!» — обрадовался Чих...

В поселке он объявился глубокой ночью. В общежитие не пошел, а сразу — в шахтный медпункт, где и рассказал, что встретили его якобы после кино двое неизвестных и ни за что ни про что избили.

9

Конечно, за свою оплошку Долгих выговор получил. Но не зря говорят в народе: не было бы счастья, да несчастье помогло. Напуганная подозрением группа Миклашевского затаилась,

прекратила порчу техники и другие преступные акции — дабы не попасться. Это лишний раз убедило чекистов, что они идут по верному следу.

Но вечера Миклашевский не отменил. По-прежнему к его дому тянулась молодежь, по-прежнему тут пели, играли, а хозяин дома временами вспоминал что-нибудь из прочитанного про «вильну Украину». Но был весьма осторожен. И каждому из своей группы велел присматриваться к гостям. Чих не признался, что виновен. Может, оно и так. Но кто же тогда из гостей докладывает о них органам госбезопасности? Выявить его и покарать!

Подозрение падало на одного, другого, третьего. Но не на Татьяну с Григорием. По просьбе Латкина Теця продолжала переписку с Аней, по-прежнему давала прочитывать ее письма Богдану Миклашевскому; тот, в свою очередь, не упускал возможности передать племяннице новую весточку.

Одновременно Татьяна (реже Григорий) информировала чекистов, как ведут себя миклашевцы, что замышляют. А они готовили, в частности, диверсию на соседней строящейся шахте, поджог там гаража, порчу техники.

Был вызван на откровенный разговор и Чих. Вот тогда и выяснились все обстоятельства его избиения.

В один из вечеров Миклашевский, Кучера, Горак и Ханковка были арестованы.

Вскоре, в ходе следствия, стали известны дополнительные детали их деятельности и планов.

Ядро группы составляла упомянутая четверка. Еще семь-восемь человек — вроде Григория Воцуняка — выполняли отдельные их поручения.

Остальные — завсегдатаи сходок — люди безобидные. Правда, именно они подвергались националистической обработке. Незаметно, ненавязчиво Миклашевский настраивал их против Советской власти. И, возможно, со временем преуспел бы, не упреди чекисты все его замыслы.

«Камарилья» поддерживала хорошо отлаженную, тщательно законспирированную многоступенчатую связь с осколками националистического подполья. Тактика Миклашевского состояла в накоплении сил, и там, где позволяли условия, где была благодатная ситуация, как учили его западные наставники, он должен был осуществлять диверсии, наносить материальный и моральный ущерб Советскому государству.

Планы у миклашевцев были с дальним прицелом. Они мечтали достать оружие, взрывчатку (несколько патронов аммонала Горак уже украл во время подготовки отпалки в

карьере и хранил их в оборудованном тайнике). Подумывали бандиты (а называть их так имелись все основания) о чистых бланках различных документов, начали собирать сведения о людях, высланных за преступления против государства.

Да рухнули эти планы, не сбылись.

Такое удачное начало работы, конечно же, придало Латкину сил и уверенности на долгие годы.

10

А если быть скрупулезным, то эти «долгие годы» можно без труда высчитать. Начинал службу в пятидесятом, закончил в восемьдесят первом. Итого — тридцать один год! Ушел в отставку полковник Латкин по болезни — пристали к нему инфаркты. Было бы здоровье, он и сейчас бы не покидал управление КГБ по Пермской области, где проработал двадцать семь лет.

О «Камарилье» он сегодня вспоминает с легкой иронией. Был-де такой случай. Справиться я со своей задачей тогда справился, но и ошибок допустил немало. По неопытности. Сейчас этого Миклашевского разоблачил бы в два счета...

Но вообще-то Латкин благодарен судьбе за то, что она устроила ему экзамен на зрелость, на самостоятельность в далеком Алдане. Это была хорошая школа.

В. СОКОЛОВСКИЙ
Крушение

Человек шел по лесу. Наступало утро. Недолгую летнюю ночь он скоротал в старом шалаше на сенокосных угодьях. Из своего ночного убежища выполз еще затемно. А когда кончился лес и тускло заблестела впереди полоска железнодорожного пути, воздух был серым, размытым, неверным.

Мокрые от росы брюки липли к ногам. Раздвигая высокую траву, он двинулся к полотну. На перекинутой через плечо костыльной лапе висела сумка с торцовым гаечным ключом и «пучинным»[9] костылем внутри, рукой вышедший из леса опирался на слегка изогнутый металлический прут. Человек вышел на пути, огляделся и пошагал к ближайшему рельсовому стыку. Вынул из сумки инструмент и принялся развинчивать стык.

Надо было торопиться. Вставляя в отверстия торцового ключа то большой костыль, то — если гайка шла туго — прут, он откручивал болты. Отлетела одна гайка, вторая, третья... Тогда он пустил в дело лапу. Вот рельс отошел от стыка, дальше, дальше... хватит! Теперь никуда не денутся.

Рельсы задрожали, послышался далекий гул. Человек поспешно забросал разведенный стык сорванной с обочины травой, подхватил сумку, костыльную лапу и кинулся в лес, откуда недавно вышел. За первыми деревьями остановился и стал наблюдать. Состав грохотал, грохотал в отдалении — и вдруг голова его выскочила из-за близкого поворота. Сразу шум колес сменился заглушившими все звуками: отвратительным скрежетом, визгом, свистом — так, что можно было почувствовать даже физически, как схваченные намертво тормозами колеса пытаются удержать чудовищную инерцию подпирающего сзади состава и сдирают, соструг ивают с рельсов верхние слои металла. Но разве остановишь сразу такую массу! Тем более что времени для торможения оставалось совсем мало — поезд только вышел из-за поворота. Сколько мог, он боролся с отделяющим его от аварии пространством — затем, сорвавшись с разведенного стыка, начал заваливаться вбок электровоз, за ним почтовый, багажный вагоны...

Дальнейшего скрывавшийся за деревьями уже не видел. Он кинулся в лес. Сердце билось жестко, зло, быстро. И если сначала он чуть не вскрикнул от радости, увидав выплывающий из-за поворота состав, то теперь задыхался от невыносимого страха и

не видел перед собою дороги. Впрочем, он хорошо знал здешние места и никогда не заблудился бы. Лапу потерял, бросил где-то по дороге. Вскоре он вышел к пристанционному поселку. Далеко обогнул его. Теперь недолго — и путь его пересечется с большой автодорогой. А там уже уехать — пара пустяков. Стоит только проголосовать. Если же с транспортом будет туго — можно дойти до другого поселка, это недалеко. Там он все равно найдет попутную машину и уедет, куда надо.

1

Скорый пассажирский поезд № 90 Москва — Нижний Тагил миновал станцию Всесвятская. Скоро Багул. Привычный, обычный рейс. В нем нет ничего нового, и ничего не меняется для машинистов и их помощников. Только времена года. Но ведь перегоны одни и те же, и тот же путь впереди. Он не зависит ни от зимы, ни от лета. Конечно, что говорить, летом водителям составов легче: столько светлого времени! Когда светло — и дальше видно, и не так сказывается усталость.

А тот рейс пришелся как раз на начало июля — макушки лета. И без двадцати минут четыре по местному времени солнце хоть еще и не встало, но чувствовалась уже близость его где-то за горизонтом, и серебром отливали уносящиеся вдаль рельсы-ниточки. Лишь только электровоз вышел из поворота на прямую перед отметкой «167-й километр», машинист Николай Григорьевич Игошин увидел, что метрах в семидесяти впереди блестящий луч рельса затемнен — там что- то лежало. Острый глаз машиниста различил набросанную сверху на путь траву. Он встал с сиденья. Что такое?! И сразу стало видно: стыки не совпадают! Один рельс отведен в сторону. «Ви-ди-ишь?!..» — закричал слева помощник Замотаев. Рука сама включила экстренное торможение, их бросило вперед, на панели. «Все... конец!» — подумал Игошин. Ясно было, что тормозного пути недостаточно, чтобы остановился такой большой состав, и крушение неизбежно. Так и случилось: вой и скрежет под электровозом внезапно оборвались, он сошел с рельсов и, увлекая за собой вагоны, потащился по земле, рядом с путями. Сбил опору контактной сети, столб линии связи, но колеса врезались в торфяную почву на обочине, поэтому вагоны не свалились набок, увязнув, — как шли, так и остановились.

И настала тишина. Замотаев с разбитым лбом сидел в кабине, закрыв лицо ладонями. Игошин открыл дверь, взялся за поручень, но сойти не мог — сел на пол, свесив наружу ноги. Как тихо! С

обеих сторон — лес. Как стоял, так и стоит. Словно ничего не случилось. Впереди — поворот. И за ним тоже лес. Чистое летнее небо над головой. И рядом с железнодорожными путями — электровоз, вагоны. Что случилось? И почему так тихо? Чувство боли, вины, бессилия... Игошину пришло вдруг в голову, что тишины совсем нет, просто он оглох от ужасающего визга тормозных колодок, колес...

2

«Осмотр места происшествия позволяет сделать вывод о том, что повреждение железнодорожного пути произошло умышленно: расшит и разболчен стык левой нитки пути при входе в кривую, где на него оказывает наибольшее воздействие сила динамического удара, на участке с ограниченной видимостью, вследствие чего крушение было неизбежно...

...Производство предварительного расследования по данному уголовному делу поручить следователям управления Комитета государственной безопасности по Пермской области.

Начальник следственного отделения УКГБ

при СМ СССР по Пермской области».

Старший следователь майор Павел Иванович Розанов[10] прибыл на место крушения утром, вместе с оперативными работниками управления. Приехала домой машина, пять минут на одевание и прочие сборы, и — на вокзал. Там уже ждала специальная дрезина.

Лишь только их «лимузин» вывернул из-за поворота, как видны сразу стали и сошедшие с рельсов электровоз с вагонами, и расползшиеся по кустам или бродящие вдоль полотна пассажиры. Одеты они были легко, по-летнему, и одежда их, особенно цветные платья женщин, яркими пятнами выделялась на зеленом фоне.

Вновь прибывших встретили сотрудники Чусовского подразделения УКГБ, раньше всех появившиеся здесь.

— Жертвы есть? — спросил Розанов.

— Да нет, все обошлось, на счастье, сравнительно благополучно. Со слов наших врачей и медработников-пассажиров, первичные данные таковы: у одной пятнадцатилетней девочки рваная рана в верхней части бедра;

есть ссадины, ушибленные раны уха, лба, гематомы в области глаз, ушибы, у двоих — нервное потрясение. Но ведь это просто везение, что поезд в торф впахался, да откосов здесь нет, а то таких бед могло натворить-наворотить, что и представить невозможно...

— А собаку пускали?

— Да, привозили. Но след она не взяла: народ сразу высыпал из вагонов, стали ходить, истоптали все кругом. Обещали доставить из Перми чуткого, хорошего пса — вот, ждем...

— Я думаю, теперь уж напрасно его ждать...

И оказался прав: приехал с собакой старшина-проводник, пес порыскал по траве и кустам, скуля и дрожа от возбуждения, порычал на пассажиров, к которым приводили его запахи, — тем дело и кончилось. Проводник объяснил, смущенно покашливая:

— Что здесь можно сделать, товарищ майор! Столько запахов — разве он различит один старый, когда много новых. Тем более что трава, по которой ходил преступник, давно высохла уже...

Внимательнейшим образом, сантиметр за сантиметром, оперативно-следственная группа принялась осматривать местность возле железнодорожного полотна и в окрестности. Так «прочесали» ее несколько раз.

Результаты не замедлили сказаться: найдены были торцовый гаечный ключ, «пучинный» костыль, довольно тонкий, согнутый на концах металлический прут, длиной около девяноста сантиметров, и обрывок какой-то газеты. Имели ли они отношение к преступлению? Гаечный ключ и костыль можно было использовать для откручивания гаек на стыках. А вот прут — его происхождение предстояло выяснить. Павел Иванович взял его и отправился к восстанавливающей пути бригаде.

— Вы, товарищи, не скажете, откуда может быть такая штука? Железнодорожники не пользуются ими? Как путевым инструментом, я имею в виду?

Бригадир внимательно осмотрел прут и сказал:

— Нет, у нас, в путевом хозяйстве, таких не встречается. А вы откуда ее взяли?

Розанов замялся. Путеец пришел ему на помощь:

— Видите, в чем дело: на этой ветке разных железок можно найти много. По ней идут в Нижний Тагил поезда с металлоломом — бывает, что и оттуда падают.

До позднего вечера, пока не стало темнеть, пока не подошел из Тагила другой электровоз и не утащил поезд с людьми по отремонтированному пути, следователи и оперативные работники осматривали местность, беседовали с машинистами и пассажирами, осуществляли другие неотложные мероприятия. А

уже затемно, в поселке Всесвятская, где им предстояло жить во время следствия, усталые, собрались на первое оперативное совещание. Версий, как всегда в нераскрытом преступлении, выдвинуто было предостаточно, все они фиксировались, и сразу намечалось, что нужно сделать по их отработке, назначались ответственные лица.

А мнений было столько, сколько людей.

— Это мог сделать местный житель.

— Человек, здесь не проживающий.

— Работник железной дороги.

— Не имеющий к ней никакого отношения.

— Одиночка.

— Нет, он был не один.

— Он должен выписывать газеты (сработал клочок, найденный на поляне близ полотна). Надо установить, что это за газета, и проверить выписывающих ее.

— А может, он купил ее в киоске «Союзпечати»?

— Выяснить бы принадлежность железного прута. Может быть, он имеет отношение к профессии преступника?

— Очертить круг экстремистски настроенных лиц и работать с ними.

— Одних настроений здесь мало, для такого преступления нужна еще и дерзость...

Словом, в предположениях и предложениях недостатка не было. Но как бы неожиданны, порою даже абсурдны, на первый взгляд, не были эти версии, ясно одно: все, все их придется отрабатывать. Ибо, пока не установлена истина по делу, нельзя сказать: нет, так быть не могло. Потому что каждый процесс поиска преступника включает в себя и известное противоречие: те, кто ищут, исходят из логики действий лица, попавшего в ту или иную ситуацию, совершившего то или иное деяние. Больше им не на что опираться, ведь главного — конкретного человека — перед ними нет, следовательно, нельзя и примерить логические ходы и выводы к психологии данной личности. А человеческая натура — она неисчерпаема, и самая точная логическая схема разбивается порою об непредсказуемое действие. Сошлитесь хорошему, бывалому детективу на опыт Шерлока Холмса, и он только посмеется над вами. «У него, — скажет он, — все было четко выверено: такой-то должен непременно поступить так-то, и никак иначе. Ну, а если бы он вдруг поступил не так? И посрамлен был бы великий ум. Потому что в жизни сплошь и рядом так и бывает».

Когда совещание наконец закончилось, Розанов долго еще не мог избавиться от возбуждения и уснуть. Конечно, все было

верно, и главный вопрос, который стоит перед группой, это — кто? Но за ним маячит и другой, которого в суматохе первого дня следствие почти не коснулось: зачем?

Зачем?

Человек или группа людей, подготовившая крушение, не могли не предвидеть последствия своих действий. Преступление очень тяжкое. Это кем же надо быть, чтобы на него решиться?

Нет, не торопись. Ведь было же раньше у тебя дело по станции Шамары. Там тоже оказались разобранными пути перед проходом пассажирского поезда. Разъем стыков заметил бригадир обходчиков и поднял тревогу. Авария была предотвращена. Вот что было на поверхности. А что оказалось на самом деле, что установило следствие? Оказалось, бригадир этот давно пил мертвецки, его наказывали, наказывали и однажды сказали: надоело твое поведение, учти, работаешь до последнего замечания. Он и обиделся, и испугался. Вечером, на обходе, разобрал путь и поднял тревогу, чтобы показать начальству: глядите, дескать, какого нужного, бдительного человека можете потерять, если станете относиться к нему неуважительно! Павел Иванович, установив суть случившегося, закончил дело и передал в суд, избрав в качестве меры пресечения подписку о невыезде. А через малое время узнал о смерти бригадира: тот, возвращаясь ночью пьяный домой по путям, не услыхал гудка идущего сзади поезда и погиб под его колесами. Говорили тогда в поселке и на работе, что это он сам покончил с собой таким образом — да поди проверь теперь... Сколь сложен бывает в поступках самый, казалось бы, заурядный человек — Павел Иванович знал... Но там и здесь — разве можно сравнить? Ведь бригадир точно знал, разбирая путь, что крушения не будет, он остановит поезд. А этот или эти — предвидели, что будет катастрофа с человеческими жертвами, и были каким-то образом заинтересованы в ней.

3

Люди прибывали и прибывали, оперативно-следственная группа пополнялась новыми, лучшими сотрудниками управления. В нее вошли и несколько товарищей из Москвы. Жили в пассажирском купейном вагоне, специально поставленном на станции. Работы хватало всем, и люди не считались со временем. Шли сигналы от местных жителей, работников станции о подозрительных чем-либо людях, которых приходилось им видеть на Всесвятской и в ее окрестности. Много поступало информации, ее надо было проверять. Одна девочка, например, у которой отец

пил, избивал ее с матерью, так и говорила всем, детям и взрослым: «Это мой папка сделал». Проверили и убедились: никоим образом этот человек к крушению не причастен...

Устанавливали свалки металлолома, с которых мог попасть на место происшествия железный прут. Ближайшая находилась в Чусовом, на металлургическом заводе. Павел Иванович поехал туда сам. Ходил, лазил по ее горам, беседовал с рабочими — и вернулся, усталый, на станцию, в свой вагон. Хмуро сказал товарищам, что не нашел ничего похожего.

— Вы продолжайте заниматься этой работой, — предложил сотрудник центральной аппарата КГБ Василий Петрович, — а я съезжу с прутом в Москву. Надо предъявить его в проектно-технических учреждениях, может быть, и удастся узнать, что это такое.

Он уехал, а Розанов продолжал свою работу. Ездил на металлургические заводы в Лысьву, Пермь, Старую Пашию. Самой последней была запланирована поездка в Нижний Тагил. Вот там-то на свалке и нашел следователь еще несколько таких же прутьев. Обрадовался, кинулся к работникам Вторчермета: «Вы не скажете, откуда они могли сюда попасть?»

Ответ был неутешительным:

— Да кто же это вам скажет! Здесь намешано лома со всей страны — а нам, сами понимаете, разбираться и сортировать его нет резона: все равно в печь уйдет! Сами уж разбирайтесь, что откуда...

А на Всесвятской ждала телеграмма от Василия Петровича: «Установлено, что прут представляет собой веретено ткацкого фабричного производства».

4

Майор Павел Иванович Розанов слыл в управлении вдумчивым, осторожным работником. «Спешить не стоит, — говорил он. — Прежде чем сделать — подумай: верно ли? Кто больше думает — дольше живет». Такая убежденность была у него еще с войны, с тех времен, когда он, юный лейтенант-сапер, двигался со своей отдельной минно-инженерной бригадой следом за передовыми частями и обезвреживал оставленные фашистами мины, бомбовые и снарядные склады. Там смерть ходила по пятам и караулила ежеминутно. Зазевался или сделал неверное движение — пропал, все. Нужна четкая, взвешенная, холодная осторожность. Как-то допустил оплошность, подорвался неподалеку солдат — Павел Иванович до сих пор этот случай

помнит. Будь осторожен, внимателен, этому же учи и подчиненных! В военных условиях счет ведь очень жесткий.

А еще пуще учила осторожности послевоенная Белоруссия, где он уже сотрудником госбезопасности боролся с бандитизмом, с терроризировавшими целые селения бывшими карателями, полицаями и другими пособниками гитлеровцев. Это была война, по накалу мало отличавшаяся от той, что недавно кончилась! И остались там могилки друзей и сослуживцев Розанова — та война тоже брала свое, как и всякая другая, косила свою жатву... Времена действительно были крайне тяжелыми, не только из-за постоянной угрозы нападения или пули из-за угла, но и нежелания части жителей помогать органам Советской власти. Что ж, надо было делать поправку на исторические условия: ведь раньше районы Западной Белоруссии находились под пятой панской Польши. Конечно, были среди местных жителей и сочувствующие. Иной — видишь — искренне сочувствует, а оказать конкретную помощь в ликвидации банды или поимке бывшего карателя наотрез отказывается. И что делать, приходится относиться с пониманием, ты уйдешь — а ему здесь жить. Ты уедешь — а к нему могут тут же нагрянуть: «Ну-ка рассказывай, о чем гутарил с чекистами?» И чуть только заподозрят неискренность — в слове, взгляде ли — конец человеку. Убьют тут же. Вот такая была обстановка. Сколько работы без сна и отдыха, прежде чем наступит перелом в сознании населения.

...Итак, прут опознан, установлено, откуда эта деталь. Можно предположить также, что он сброшен с вагона с металлоломом, идущего в Нижний Тагил. Но что это дает? Человек мог подобрать его в любом месте. Есть список фабрик, где он мог использоваться, откуда мог попасть в эти края. Ну узнаем, допустим, фабрику. Что толку от этих сведений, если они не могут вывести на преступника?

5

На одном из совещаний начальник оперативно-следственной группы Борис Александрович Васильев сказал:

— Давайте обсудим создавшееся положение. У кого есть какие мысли?

— Мысли... — послышался голос. — Есть же план, вот по нему и надо дальше трудиться. А вообще — пока глухо, как в танке...

— С пессимизмом будем кончать! — сурово сказал Васильев.

— Он — плохое нам подспорье. Нужна работа, нужен результат. Да и как иначе? Ведь преступник на свободе. Мы не знаем его замыслов, не знаем, на что он способен. А если так — каждую минуту можно ждать нового преступления. Продолжаем совещание. Прошу проникнуться сознанием лежащей на нас ответственности. И — без общих фраз. Давайте конкретные предложения.

— Чтобы их вырабатывать, нужна конкретная информация. А где она? Есть, конечно... Вроде показаний тех доярок с фермы: да, видели в пятом часу утра, как вдалеке по пригорку проходил человек. Ну и что? Кто это был — преступник, случайный мужичок? Насчет опознания, в случае чего, — речи быть не может, слишком далеко находился. Тоже холостой выстрел...

Тут встал заместитель Васильева, Зосима Иванович Будилов:

— Если говорить о конкретном — надо, я думаю, продолжать работу с прутом. Ведь это вещь, улика. Вдруг кто-нибудь видел человека с таким предметом? Ведь его размер и форма позволяют предполагать, что им пользовались в качестве обыкновенной трости. А такое бросается в глаза. Давайте пойдем в люди, в коллективы, будем его показывать. Второе: костыльная лапа. На месте происшествия мы ее не обнаружили — а между тем без нее костыль из шпалы не выдернешь. Значит, она была у преступника или у преступной группы и унесена с собой. Все лапы на железной дороге считаются инструментом строгого учета. Надо провести по околотку их проверку и инвентаризацию.

И работники УКГБ пошли с прутом по конторам, бригадам, участкам Всесвятской, Половинки, Скального, других окрестных селений. Зашли и во Всесвятскую начальную школу, в надежде: ребятишки народ любопытный, вездесущий, вдруг кто-нибудь что-нибудь видел? И вот в третьем классе девчушка Таня Токарева крикнула из-за парты:

— Да у нас дома таких железяк навалом лежит!

— Прямо навалом?

— Ага, полно!

— Ну-ну... Где, говоришь, ты живешь-то?

По указанному адресу жили братья Токаревы, известные в поселке пьяницы и дебоширы. Они уже фигурировали в материалах дела как личности дерзкие, недовольные порядками. Оба Токаревы, Петр и Николай, работали в леспромхозе, были судимы за хулиганство. Но конкретных материалов, свидетельствующих о том, что они причастны к крушению, не было. А теперь? Из школы оперативные работники, разговаривавшие с Таней, отправились к следователю. Павел Иванович выслушал их, подумал и сказал:

— Надо идти к этим Токаревым, разбираться. Вопрос серьезный. Я думаю, у нас даже есть основания на производство обыска. Ведь по данным дела, Токаревы в ту ночь не ночевали дома. Сами они говорят, что были на рыбалке, — а подтвердить, что они были именно там, никто больше не может. Надо идти...

Дверь токаревского дома открыла угрюмоватая старуха — судя по всему, их мать,

— Здравствуйте. Вы ведь Анна Михайловна, верно? А я майор Розанов, следователь госбезопасности. Сыновья ваши дома?

— Нету, на работе оба... Вы по какому делу-то?

— Вот посмотрите на этот прут. Ваша внучка Таня сказала, что видела такие в доме. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Ну-ко дайте, огляжу. Нет... вроде не встречалось таких... Не знаю, не знаю.

— А сама Таня где?

— Шут знает, прибежала из школы да опять усвистала куда-то.

— Значит, не видели... Ну что ж, в таком случае, Анна Михайловна, мы обязаны будем осмотреть ваш дом. Вот постановление на обыск, ознакомьтесь.

— Ищите, мне-то что... Я ведь все не знаю. Может, где-нибудь и валяются.

Но, сколько ни искали следователь с оперативными работниками, — так и не нашли чего-нибудь похожего на то, что в документах значилось теперь как «веретено от початочной машины». Зато обнаружили стальной, обоюдоострый, кинжального типа нож, самодельного изготовления.

— Разве ваши сыновья не знают, — спросил Павел Иванович, заполняя протокол, — что за изготовление и хранение холодного оружия предусмотрена уголовная ответственность? Плохо вы за ними смотрите, Анна Михайловна.

— Усмотришь за имя, за варнаками! Четвертый десяток обоим, а хоть кол на башках теши, что одному, что другому, одно озорство на уме! Ох, эко дело, вот беда-то где! Ну, вот и Танька явилась. Иди давай сюда, сказывай, где ты экую штуку у нас видела?

— А в ограде, — девочка выбежала и через мгновение явилась с пучком велосипедных спиц. — Я про них говорила.

— С ума сошла! — зашипела бабка. — Да ведь они нисколь даже не похожи. Ох, что же ты наделала, неслух поганой! Болтушка! Нашто дяденькам неправду сказала?

— А я их, бауш, обмануть хотела!

— У, воробьиный твой ум!..

— Ну что, — сказал Розанов товарищам. — Наша работа тут

кончена, пускай с этим ножом милиция разбирается.

6

После этого Павел Иванович занялся инвентаризацией костыльных лап в путевом хозяйстве. И тут не было пропаж — все лапы оказывались на местах, при деле.

А пока он метался по околотку, во Всесвятской происходили такие события.

Через несколько дней после обыска к вагону опергруппы пришла мать братьев Токаревых и попросила вызвать ей какого-нибудь начальника. Вышел оперативный работник — из тех, кто присутствовал при обыске.

— А, Анна Михайловна! Здравствуйте. Вы к нам? По какому делу?

— Здрастуешь, голубок. Дак вахламонов-то моих забрали! Уж третьи сутки нонче пойдут, как сидят. Ну-ко скажи мне, чего они натворили? Неуж за нож тот проклятой?

— Конечно. Мы же сказали вам, что это противозаконное действие.

— Ты мне-ка не ври! — старуха затрясла кулаком. — Оне, Колька-то с Петькой, хоть и варнаки, а сыны мне, я их люблю. Дак вот что: вы зачем тогда в наш дом приходили? Зачем все перешуродили? Не нож ведь искали, верно?

— Верно. Мы же сказали тогда: ищем железный прут.

— А зачем искали? От меня ничего не скроешь, у нас здесь всё знают! Вы тут пытаете, кто летось поезд с рельсов свел?

— Ну, допустим.

— И на моих ребят подумали. Оне у меня, правда, пьяницы, драчуны, матькуны — но чтобы уж такое-то душегубство затеять — это не подумайте. Я ведь их знаю. Иди-ко сюды! — Токарева махнула рукой, подзывая. Наклонилась к уху офицера:

— С экой-то железякой мой племянник, слышь, ходил. Он в те времена, как поезду-то нарушиться, на станции появлялся. И ко мне заходил, посидел немного. Днем, ребята на работе были. «Ты что, — спрашиваю, — Сано, с подпоркой ходишь?» — «Да, тета Аня, ногу подвернул». Он к Кате Волковой тогда заходил, к Токаревой Шуре. Я ее сейчас в магазине видела, Шуру-то. «Эко дело, — говорю, — обыск у нас делали, ребят забрали, бадог какой-то железный ищут». — «Я слышала. Дак не тот ли, Аня, бадог-от, с каким Сано ходил?» Тут я и вспомнила про него.

— Как, говорите, фамилия у него, у племянника-то?

— А Штейников. Сано Штейников.

7

Но — продолжим рассказ о нашем герое, Павле Ивановиче Розанове. Родился он в далекой деревушке на Вологодчине, в крестьянской семье, окончил в райцентре школу-десятилетку. Выпускной бал пришелся как раз на 22 июня 1941 года, после — война, служба в саперных частях, в органах госбезопасности. В 1949 году его направили из Белоруссии в Москву, в школу следственных работников, а после нее в центральный аппарат КГБ СССР. Но работа там не устраивала Розанова, хотелось большей самостоятельности, и он запросился на периферию. Добился перевода в Пермь. Здесь к нему приглядывались какое-то время, однако оценив его знания, подготовку, дотошность и добросовестность, утвердили в должности следователя управления.

В то время на территории области осело изрядное количество бежавших из мест, где они совершали преступления, и осевших по дальним городкам, глухим лесным поселкам, на шахтах и нефтепромыслах бывших полицаев, иных немецких пособников, карателей, власовцев. Следствие по делам этих лиц вели органы госбезопасности областей, где вершились некогда их злодеяния, и роль Розанова в этих делах была сравнительно невелика: предварительные допросы задержанных, иные первоначальные следственные действия. И самостоятельных дел поначалу было немного — больше помощь другим, более опытным работникам. Свои дела пошли потом, когда появились умение, квалификация, когда он уже крепко встал на ноги как знаток и практик следственного дела. Приходилось расследовать и аварии в шахтах, и железнодорожные происшествия — много, много разных случаев, входящих, что называется, «в орбиту» следователя госбезопасности.

8

Когда в опергруппе всплыла вдруг и начала «раскручиваться» личность Штейникова, сам Штейников Александр Иванович, 34 лет, образование 6 классов, без определенного места жительства и работы, отбывал уже срок наказания за кражу личного имущества. Это была у него третья судимость, и получил он по ней пять лет.

Из показаний Петра Токарева:

«Штейников — мой двоюродный брат, его теперь третий раз посадили за кражу. А еще когда он первый раз освободился из

заключения, то приехал к нам, мы его встретили по-родственному, купили вина. Когда он выпил, то стал говорить на блатном языке, называть себя «уркой», вроде как хвастался, что он теперь «в законе», и предлагал мне стать у него «шестеркой», то есть прислуживать ему и помогать в воровских делах. А я никогда в жизни не воровал, только задиристый по характеру, и, возмутившись таким предложением, стал его тут же бить, и после он подобных разговоров не заводил.

Второй раз он осужден был тоже за кражу, наказание отбывал неподалеку, но заходил ли к нам после освобождения, не знаю, так как сам в это время отбывал срок за драку. Перед крушением поезда я его не встречал, мы тогда с братом исключительно занимались рыбалкой и пьянством...»

Из показаний Дины Васильевны Токаревой:

«Нынче в последних числах июня к нам зашел родственник Штейников Александр. Муж купил по этому случаю бутылку водки, мы ее распили, он говорил, что работает где-то около Кудымкара, сопровождает машины по железной дороге, зарабатывает около 150 рублей в месяц, но по его разговору и жаргону я предположила уже тогда, что он нигде не работает, а занимается темными делами. Он вообще человек очень хитрый, когда выпьет, любит прикинуться приблатненным, говорит, что всех держит «в кулаке» и живет лучше других. Они раньше жили семьей во Всесвятской, здесь у него порядочно родни. По образу жизни он перекати-поле, нигде не может ужиться, нигде ему не нравится, все ездит туда-сюда, сходится с женщинами, ни с одной долго не живет...»

Из показаний Екатерины Ивановны Рожковой:

«За несколько дней до аварии поезда ко мне домой пожаловал родственник Штейников. Поговорив о родне, он сказал, что живет около Кудымкара, работа у него связана с сопровождением машин по железной дороге. На вопросы отвечал односложно, неохотно, все время смотрел в окно, говоря, что ему надо спешить на поезд. Он сам по себе человек какой-то темный, его в родне не любят, с детства был хитрый, вороватый, мать жаловалась, что он таскал из дома вещи и, видно, продавал...»

Из показаний Александры Николаевны Токаревой:

«Ко мне вечером дня за два до крушения поезда заходил Штейников Александр. Мы немного поговорили, он попросил пить и ушел. Я сама к нему отношусь неприязненно, потому что знаю, что он ворует. У меня самой несколько лет назад, когда он ходил на свободе и жил во Всесвятской у родни, исчезли вещи из дома, и я подозреваю, что их украл Штейников. Когда он заходил ко мне, я заметила в руке у него такую немного изогнутую

железную палочку. Он пришел и ушел с ней. Куда он ушел и где ночевал, не знаю...»

В предъявленном свидетелям веретене от початочной машины, изъятом с места происшествия, ими опознана была «палочка», с которой ходил Штейников.

Теперь главным для опергруппы стало — определить, что это за человек такой — Штейников, собрать первичные данные о нем, характеристики. И вот перед Розановым — материалы уголовных дел. Три судимости...

Первая

В июне 1951 года рядовой Штейников, будучи военнослужащим срочной службы, похитил из палатки ручные часы и хлопчатобумажные солдатские брюки. В сентябре совершил повторную кражу: украл из палатки чемодан с вещами.

Вторая

В марте 1961 года в поселке Валежная Чусовского района путем взлома и выставления стекол в окне проник в квартиру, откуда похитил вещи на сумму 1038 рублей.

Третья

3 августа 1964 года на станции Селянка гражданка Лепишкина, придя домой, услыхала стук за закрытой дверью своей квартиры. Зайдя туда, она увидала мужчину, который кинулся бежать. При помощи других жильцов Лепишкина задержала мужчину. У него обнаружили вещи, деньги и документы хозяйки. Это был Штейников.

Из характеристики:

«Штейников Александр Иванович работал шофером СМУ-1 треста № 10 в с. Юрла с января по апрель 1964 года, сначала на а/м ЗИЛ-585, затем на ЗИС-5. Во время работы проявил себя недисциплинированным работником, дважды выдворялся с территории гаража в пьяном виде. К вверенной технике относился халатно, не соблюдал графики технических уходов. Совершал прогулы на почве пьянки. За последние прогулы был уволен по соответствующей статье...»

9

Напряжение в оперативной группе достигло предела: близился первый допрос Штейникова. Что он даст? Какое он имеет отношение к крушению, имеет ли вообще? Ну, ходил с железным прутом, ну и что? Мало ли кто с чем ходит. Это не доказательство. И готовились к первой встрече со Штейниковым долго и тщательно. Следственная бригада во главе с

подполковником Будиловым составила план, выверила вопросы, предусмотрела варианты, исходя из того, какую линию поведения может избрать допрашиваемый.

И вот он в сопровождении конвойного появился на пороге следственного кабинета. Среднего роста, худой. Серое, изможденное лицо с острым профилем, бойкими глазами. Мятый костюмчик. «Староват он кажется, однако, для своих лет».

— Здравствуйте. Назовитесь, пожалуйста.

— Штейников Александр Иванович.

— А я подполковник Будилов, начальник следственного подразделения областного управления Комитета государственной безопасности. Прошу садиться.

Следователь увидел, как от горькой гримасы у приведенного еще больше заострилось лицо, прищурились глаза.

— За...ачем я вам понадобился? — заикаясь спросил он.

— Давайте поговорим. Нас интересует, чем вы занимались этим летом, в частности в начале июля. Прошу говорить честно, правдиво, это будет только вам на пользу. Ну-с, приступим...

— В апреле этого года я рассчитался с работы в селе Юрла и какое-то время жил у матери, в Кудымкарском районе. В мае я уехал в Молдавию, потому что я там служил и мне нравится тамошний климат. Жил на заработок от шабашек у разных людей, в основном косил у них сено; у кого работал, сейчас конкретно не скажу, не помню. 24 июля я выехал обратно в Пермскую область и 28-го поездом прибыл в Пермь. В Перми пробыл до 2 августа, искал работу и квартиру, но, не найдя, поехал на станцию Селянка, где 3 августа совершил кражу, за которую сейчас отбываю срок наказания.

— Больше ничего не можете вспомнить? Подумайте, Штейников.

— Нет. А чего я должен еще помнить? Как было, так и сказал! — в голосе допрашиваемого послышался вызов.

— А я вот как раз думаю, что сказали вы и не так, и не все. У нас есть основания не верить вам в той части, где вы говорите, что долго отсутствовали и появились на территории нашей области лишь в конце июля. Повторяю свой вопрос: где вы были в начале июля?

— Я ведь вам сказал — в Молдавии...

— Ну ладно! Прервем на время. Ступайте и подумайте. Конвойный, увести!

Второй допрос начался так:

— Ну, Штейников, у вас было время подумать. Не желаете ли чего-либо добавить к прежним своим показаниям?

Тот замотал головой.

— Так... Что ж, давайте вернемся снова к тому, как вы провели начало и середину нынешнего лета. Мы располагаем, Штейников, данными о том, что в конце июня — начале июля вы находились здесь, на территории нашей области, а отнюдь не в Молдавии, как вы утверждаете.

— Не было меня здесь, не было!

— Наши сведения основываются на показаниях ваших родственников и знакомых, проживающих на станции Всесвятская. Если возникнет необходимость, они, готовы подтвердить их на очных ставках с вами. Что вы на это скажете?

У Штейникова лицо взбугрилось желваками, глаза прищурились.

— Ну был, не был — какая вам разница? Что это меняет?

— Кое-что меняет... Так были или нет?

— Не знаю... не помню...

— Хорошо. Мы докажем вам это. Но предупреждаю, Штейников: запирательство — не лучший для вас выход. Итак, находились ли вы в районе станции Всесвятская в конце июня — начале июля?

— Ну, появлялся я там...

— Значит, изменяете свои показания? Теперь такой вопрос: где вы находились и чем занимались в ночь со 2 на 3 июля? Если конкретнее — в четвертом часу утра?

— Не помню! Не знаю! — истерически закричал Штейников. — Ничего не скажу, отстаньте! Уведите... уведите меня!

— Я понимаю ваш страх. А вы понимаете, что я имею в виду. Действительно, преступление тяжкое. Но постарайтесь понять: я не пришел бы сюда, не имея достаточных оснований подозревать вас в его совершении. А вы лжете, пытаетесь запутать следствие... Но хорошо, я дам вам еще один шанс. Ступайте и еще раз обдумайте свое положение. Вы еще можете облегчить собственную судьбу. Однако времени у нас нет, учтите. Поэтому — до завтра!

11

Он вошел сильно сутулясь, острое лицо его как-то сразу сморщилось, скуксилось, губы оттопырены, глаза припухли.

— Ну как, Штейников? — спросил Будилов. — Готовы ли вы

рассказать мне, что произошло в четвертом часу утра 3 июля сего года на перегоне Всесвятская — Багул и какова ваша роль в этих событиях?

Тот кивнул.

— Сесть позвольте?.. И — я закурю, если можно...

Раскурил сигарету, помолчал.

— Я слушаю, Штейников.

— Да... С работы, откуда меня уволили за прогулы, я не стал даже брать трудовую книжку, уехал сначала к матери, а потом стал бродяжничать, ездить на поездах то туда, то сюда. Как-то в конце июня я на станции Пашия сел на грузовую платформу с автомашиной и на этой платформе нашел металлический прут. У меня как раз болела нога, и я решил использовать его как трость. Доехал до Всесвятской, зашел к родне и пассажирским поездом поехал на Теплую Гору, хотел попробовать устроиться там шофером. Однако на станции Пашия меня снял с поезда контролер за безбилетный проезд и доставил в линейный пункт милиции. Я после того случая обозлился на весь свет, а больше всего — на железнодорожников за то, что они меня снимали несколько раз с поездов и сдавали в милицию. Из-за них нарушались все мои планы. Но о том, чтобы им мстить, я сначала не думал. Эта мысль возникла у меня, когда я заночевал в будке шахтных подъездных путей на станции Скальная. Мы со сторожем напились пьяные, а утром, уходя, я заметил прислоненную к стенке будки костыльную лапу и взял ее.

«Так вот почему мы не обнаружили ее отсутствия при проверке инструмента железнодорожников! — подумал присутствующий на допросе Павел Иванович Розанов. — Там она — инструмент строгого учета, а у шахтеров — просто подсобная железяка, вроде лома».

— Я сначала взял ее для того, чтобы удобнее было нести на плече хозяйственную сумку. С ней я добрался до Пашии, а ночью по железной дороге двинулся на Всесвятскую, хотел там пожить у родни. Где-то к утру, не доходя немного до Всесвятской, я присел на рельс отдохнуть и вдруг подумал, что ведь у меня есть все инструменты, чтобы организовать железнодорожное крушение. Дело в том, что в сумке у меня лежал еще торцовый ключ размером на 36 миллиметров, я украл его еще в Коми-Пермяцком округе, в поселке, где жила мать, из трелевочного трактора. Хотел использовать его в том случае, если снова буду работать шофером. И вот, сидя на путях около трех часов ночи, я вспомнил, что хотел отомстить железнодорожникам за их отношение ко мне. Встал, взял костыльную лапу, выдернул ею один за другим из шпал несколько костылей, затем торцовым

ключом стал раскручивать гайки в одном из стыков правого рельса. В качестве ворота я использовал найденный тут же «пучинный» костыль. Если гайка крутилась тяжело, я крутил ключ прутом, который носил в качестве трости. Лишь только я закончил раскрутку стыка и сдвинул рельс в сторону, как раздался гудок электровоза со стороны Всесвятской и показался свет прожектора. Я быстро закидал стык травой, взял костыльную лапу, сумку, свернул налево от разболченного места, забежал в лес и пошел по направлению ко Всесвятской. Сзади я слышал какие-то шум, стук, скрежет и понял, что поезд сошел с рельсов. После этого я побежал, потому что почувствовал большой страх и понял, что наделал.

12

— Будем считать, — сказал тем же вечером Будилов своим коллегам, — что главная задача — установление преступника — выполнена. Но наивно было бы полагать, что на этом наша работа закончится. Ведь что мы знаем о Штейникове, кроме того, что сказали свидетели, он сам, да того, что значится в материалах прошлых лет? А ведь многое в его показаниях внушает сомнение. Он говорит, например, что замысел преступления возник у него внезапно, когда он сидел на рельсах. Но ведь у него с собой оказались и инструменты! Трудно поверить, что он носил с собою просто так, на всякий случай, такие тяжелые вещи, как костыльная лапа и торцовый ключ. А ключ этот он привез аж из Коми-Пермяцкого округа! Сейчас у него не было времени обдумать свое положение, и он сказал нам первое, что пришло в голову. На самом же деле, как думается, преступление свое он подготовил заранее. Далее: не стоял ли кто за ним? Был ли он с кем-нибудь связан вообще? Значит, надо выяснить его личность, мотивы и связи. Эта работа поручается Павлу Ивановичу Розанову. Задача ясна, Павел Иванович?

— Так точно!

Надо было настраиваться на тщательную, очень скрупулезную работу. Но — ее ли было Розанову бояться! Он ведь и в управлении считался трудягой, очень добросовестным работником. А как иначе! Да он с детства жил в атмосфере труда. Когда кончил семь классов, отец спросил:

— Ну, Павел, что дальше делать будем?

— Тятя, учиться хочу!

«Хочу»! Их Пустошка — небольшая, дворов в двадцать, деревенька, и грамотных в ней было совсем немного. Семь

классов — это уж был предел, дальше не учили. Надо работать, крестьянствовать! Иван Харламович стал ходить по соседям, родне, просить совета. И почти все говорили:

— Если есть толк у парня — пущай учится, Иван! Может, в большие люди выйдет, после добром тебя вспомянет.

— Так-то оно так, дак ведь... а робить-то кто станет?

— Я, тять, буду робить-то, буду! Я помогать вам стану.

— Э-кх...

Муж тетки, Иван Егорович Кузнецов, приехавший из города, внес последнее решающее слово (он был грамотный, уважаемый в семье человек):

— Пущай Павел учится, Иван. Это ведь хорошее дело, ему содействовать надо.

И осенью парнишка пошел в восьмой класс. Зимой жил в школьном общежитии, а до Октябрьских праздников и после Первого мая каждый день бегал в школу из деревни: девятнадцать километров в один конец, девятнадцать же — в другой. Зимой продукты из дома брали на неделю. И все равно ребята старались поработать где-то, заработать еду или денег, чтобы меньше быть в тягость своим семействам. То пилят, то колют дрова, то огребают снег. И все лето, всю крестьянскую страду работали в колхозе, в своем хозяйстве. А там — не больно засидишься.

Так что трудиться ему было не привыкать.

13

Показания родственников, в общем, ничего особенно нового к характеристике личности Штейникова не прибавили, все — и мать, и сестра, и бывшая жена, и сожительница из Калино, и другие — сходились в одном: человек пустой, злой, вороватый, никак не может найти себе места, успокоиться: то сидит в тюрьме, то шляется по белому свету незнамо где. Не работает, на что-то живет — значит, занимается, как раньше, кражами.

Те, с кем Штейникову пришлось отбывать наказание в колонии, говорили так: замкнутый, гордый, любит ставить себя выше других.

— Чем же это было вызвано? — удивлялся Павел Иванович.

— Видите, он считал себя исключительно важной персоной, крупным железнодорожным вором, говорил порой, что всех нас в грош не ставит, что мы все на свободе только пьянствуем и занимаемся мелочевкой от одной отсидки до другой, а вот он делает большие дела и живет, как король: ездит в мягких вагонах, имеет роскошных женщин, отдыхает на лучших курортах, деньги

текут сквозь его пальцы тысячами. Мы не возражали ему: действительно, бывают времена, когда идет фарт. До какого-то момента. Ловкость, хитрость тоже много значат...

Однако перед администрацией колонии Штейников умел себя поставить и держался у нее в доверии: не нарушал дисциплину, на собраниях призывал всех покончить с преступным прошлым, выполнял производственные задания, состоял даже членом секции внутреннего порядка. За это его представили к условно-досрочному освобождению, и он вышел на свободу раньше, чем закончился срок его наказания, определенный судом.

Розанов поднял предыдущее «дело» Штейникова. Хотя судим он был за квартирную кражу, ряд материалов там свидетельствовал о том, что Штейников действительно был железнодорожным «гастролером», занимался кражами багажа пассажиров, хотя не брезговал и квартирами: при задержании у него обнаружили отмычку и 19 замочных ключей. В напарники себе он обычно подбирал женщин. В линейных пунктах милиции, где задерживался Штейников, Павлу Ивановичу назвали несколько подружек обвиняемого — все это были бродяжки, питающиеся и обитающие возле дороги, не имеющие дома. Как их называют местные жители — «шишиги».

14

Работу по выявлению возможных сообщников Штейникова областное управление КГБ проделало огромную. Постепенно картина прояснилась, и пришла уверенность: не было преступной группы, не было сговора с целью подготовки диверсии, крушение поезда устроил один человек. Но зачем ему это стало надо? И на допросе Павел Иванович задал ему такой вопрос:

— А! Какая вам разница? Разобрал и разобрал. Ведь я же все признаю.

— Да нет, есть разница...

— Да это просто злоба во мне бродила... Злой я был в последнее время, гражданин следователь. Меня ведь еще и с работы неправильно уволили: я подал заявление на расчет, отработал, как положено, двенадцать смен и не стал выходить на работу, а они меня уволили за прогулы. Одно к одному... озлился я сильно.

— И совершили такое серьезное преступление. Ведь только чистая случайность — передние вагоны попали на торфяную почву — спасла от жертв, которые могли быть огромны. А мотивы выдвигаете — железнодорожникам, начальству СМУ, еще кому-то

за смерть шурина... Каждый из них не настолько значителен, чтобы подвигнуть человека на такое преступление. Однако если мы возьмем их вместе, в совокупности... Вы, по сути, недовольны обществом, в котором живете.

— Ну, гражданин следователь... — Штейников скривился, сощурил хитрые глаза. — Да так я к каждой статье могу недовольство пришить. Вор, к примеру, тоже всегда недоволен.

— Да? Чем же?

— А собственным карманом. Тем, что в нем денег не столько, сколько ему хочется. И тоже на общество можно вину свалить.

— Не стройте из себя наивного, Штейников. Вор отлично знает, на что посягает. Конечно, с вами случай особенный... Вы еще в колонии, когда отбывали наказание, видели свою будущую жизнь такой: ездите по железной дороге, в мягких вагонах, такой изящный, хорошо одетый, денег полно, роскошная подружка в спутницах, и — чистые купе. Обворовываете людей. Живете в шикарных отелях, вечерами обязательно — рестораны, развлечения — какие пожелаете... А что оказалось на деле? Обыкновенный труд вы презирали, он казался вам недостойным вашей высокой натуры делом, занять то место в воровской иерархии, которое вы сами себе определили, не смогли; в самом деле, что же это такое: из пассажирских вагонов вас гонят, как безбилетника, вместо роскошных женщин — грязные шаромыги, постоянного угла нет, с работы уволили... Да, не дают жить так, как хочется. Общество не велит. Вот вы на него и окрысились. И уж тогда стало все равно: что поезд вместе с людьми под откос пустить, что взорвать что-нибудь, — а я уверен, вы бы это сделали, если бы представился случай, — лишь бы только свою злобу на чем-то, на ком-то выместить. Это — акт мести обществу. А в нем действует установленная форма правления, в данном случае — Советская власть. Она и есть объект вашего посягательства. Что, не поняли?

— Да нет, чего уж тут непонятного...

Первоначально поведанная Штейниковым схема совершения им преступления разрушилась в ходе тщательной проверки следствием. Павлу Ивановичу Розанову удалось проследить весь путь обвиняемого той злополучной ночью вплоть до того момента, когда он вышел на полотно между отметками «166-й...» и «167-й километр». Вышел из леса, а отнюдь не шел до того по путям. А, значит, и замысел возник у него не внезапно, когда он присел отдохнуть на рельс. Здесь была тщательно подготовленная, заранее обдуманная акция. И она готовилась: иначе зачем было бы собирать по разным местам и таскать с собою тяжелый железнодорожный инструмент, предназначенный

лишь для разборки пути? Подлинный мотив действий преступника оформился к концу следствия полностью: озлобленность, лютая ненависть ко всему сущему, в первую очередь — к установленным в обществе порядкам.

— Вот к каким выводам пришли мы, Штейников, изучив ваше дело. А хотите, я скажу вам сейчас главную причину вашего преступления? Вы о ней, наверно, даже не догадываетесь.

— Ну-ну, интересно...

— Так вот: либерализм, безнаказанность вас погубили. Подумайте: в армии за двойную кражу вам дали два года! Вы их отбыли шалтай-болтай, поняли, что там тоже жить можно, и распоясались. Настоящего наказания вам не дали ни в первый, ни во второй раз, по срокам вы легко отделывались. А вас надо было наказывать так, чтобы вы на свободе сто раз подумали, прежде чем какой-то вред учинить. Ход же вашей мысли был такой примерно: как-нибудь сойдет, мол, как раньше сходило... Но вы на это теперь не надейтесь. Готовьтесь к суровому приговору.

* * *

При нашей беседе подполковник в отставке Павел Иванович Розанов сказал так:

— Работа — везде работа. И я везде бы работал. Но, скажу по правде, — свою следственную службу я очень любил. Ведь государство живет по законам, в нем должны быть и порядок, и справедливость. И чувствовать, что ты к этому причастен, — честное слово, большое дело. Когда работаешь, и трудности, и накладки бывают, это верно. И конфликты случаются, как же без этого? Живые ведь все люди... Только чиновники без трудностей жить стараются, потому что лишь о себе думают, на других им наплевать. А на следствии... там своих проблем хватает. Ответственность великая! И все-таки интереснее этой работы я не представляю.

В. БОГОМОЛОВ
Данных — минимум

Но никакое предательство,
никакая подлость даром не проходят.

В. Астафьев

Старший оперуполномоченный Андрей Михайлович Степанов внимательно просматривал страничку за страничкой. Материалы были подготовлены его учеником и помощником Алексеем Волковым. По объему дело было невелико, пролистав его, Степанов закрыл папку с некоторым разочарованием.

Он вспомнил Бушуева, у которого несколько лет назад сам стажировался. Тот, как говорится, чекист милостью божией, передал ему запас таких тонкостей, научить которым не сможет никакая школа. Степанов особенно поднабрался опыта у Бушуева, когда выезжал с ним по делу К. По вечерам, в гостиничном номере, они прорабатывали мысленно различные ситуации, выстраивали несколько вариантов предстоящего назавтра разговора, распределяли между собой роли, тактику поведения.

Бушуев работал творчески, и он убедил Андрея Михайловича на практике, что главное для розыскника — анализ. Он тогда дал прочувствовать Степанову и навсегда заложил в него понимание того, что в их деле недопустима даже малейшая небрежность, неаккуратность и преждевременность выводов, особенно в работе с документами, за которыми всегда стоит судьба человека. И если работа эта проведена толково — человек предстает по бумагам, как живой. Сейчас, пролистав материалы по делу Тарасевича, Степанов почувствовал, что Волков — парень не без способностей: цепкость на детали, дар сопоставлять почти неуловимое и анализировать убеждали, что со временем из него выйдет ценный оперативник; оформлено все было на хорошем профессиональном уровне.

Документы, подготовленные Волковым, доказывали, что Тарасевич чист и к сотрудничеству с карателями не был причастен. Потому-то и вспомнился сейчас Бушуев, что любил он говорить в подобных случаях: «Наша работа не бывает напрасной, оправдать живую душу — это тоже результат!»

С этим-то Степанов был согласен. Неудовлетворенность же его шла от сознания, что сколько они с Алексеем Волковым потратили времени на доказательство невиновности невинного, настолько продлилось где-то время ненаказанности зла. Конечно,

Степанов понимал, что невозможно постоянно попадать в десятку, отклонения закономерны. Как бы там ни было — а Волков молодец. Сработал не зря.

Только он собрался пригласить стажера, чтоб сообщить ему это, как самого позвали к аппарату ВЧ. Звонил коллега из Минска Костя Голуб, с которым Степанов был знаком по Высшим курсам КГБ.

— Андрей, — сказал он после обмена приветствиями, — поздравляю тебя: ваш Борисенко оказался тем, кого ищем. Сослуживцы по одиннадцатому батальону опознали его по фотографиям. Да, говорят, это Жорик Борисенко. Придется потрудиться...

Сообщение Голуба обрадовало. Значит, интуиция не обманула его с этим Борисенко.

* * *

Мастер нижнего склада лесопункта Григорий Иванович Борисенко, крепко сложенный мужчина, почти в сажень ростом, неторопливо совершал в конце смены обход склада. Заметно было, что делает он это неохотно, по обязанности. Мастер никому не делал замечаний, ни с кем не вступал в разговоры.

Гилев, работавший на раскряжевке хлыстов, отставил заглохшую мотопилу, отошел в сторону, на ветерок. Несмотря на первые дни осени, погода стояла жаркая, рубаха промокла от пота. Работать на нижнем складе было трудно, пачки хлыстов сваливались с лесовозов как попало. Не мастера ли дело навести порядок, дать кому следует указания? А Борисенко спокоен. Гилев с досадой сплюнул на бревно.

Невозможно понять, что за человек этот Борисенко. Ничем его не прошибешь. Говорят, тридцать лет работает он в леспромхозе, а спроси о нем у людей — никто ничего определенного не скажет. Скрытный какой-то.

За двадцать с лишним лет, которые он знал Борисенко, Гилев не помнил, чтобы тот хоть раз с кем-нибудь поскандалил. Не лезет он на рожон. Все в уединении ходит, молчит. «Черт знает...» — пробормотал Гилев, припал к зеленому пятилитровому чайнику с водой. Утолив жажду, пошел заводить мотопилу, которую помощник заправлял бензином. Еще одна зап*а*лка — и домой, конец смены.

После работы, не заглянув в избу, Борисенко прошел в огород. Жена и младший сын-школьник (четверо старших детей жили отдельно: трое работали, один учился в институте) копали

картошку, складывали клубни в мешки. Не обмолвившись с семьей ни словом, Борисенко с ходу ухватил мешок за устье одной рукой и, подсобив другою, легко закинул его на плечо, понес.

В этот момент он увидел остановившийся возле ограды «уазик», из которого вышел человек.

— Борисенко Григорий Иванович? — спросил незнакомец, подойдя к хозяину.

— Ну, — нахмурясь, неуверенно произнес Борисенко.

— Следователь отделения госбезопасности Климов, — представился приехавший. — Мне необходимо с вами переговорить.

Климов вручил Борисенко вызов в Минск. Успокоил, что в этом нет ничего особенного, вызывают многих уроженцев Белоруссии, побывавших в оккупации, возьмут обычные свидетельские показания.

Озадаченный Борисенко глядел вслед «уазику» и безжалостно кусал нижнюю губу. Наконец, теряясь в предположениях, направился снова в огород.

— Гриш, кто это приезжал? — спросила жена, поднимаясь с четверенек и придерживая руками затекшую поясницу.

— Да так, товарищи, — процедил он сквозь зубы. — Вызов преподнесли.

— Куда? — удивилась она.

— На выставку.

Борисенко подхватил мешок, повернулся и зашагал ко двору. Жена хмыкнула, принялась за работу. Сердце ее внезапно сжалось от нехорошего предчувствия. Ни тон мужа, ни вид его не понравились ей.

Что же это такое случилось? Без малого три десятка лет прожили они вместе. Гриша приехал в леспромхоз в 46-м году, а в 47-м она познакомилась с ним, поженились осенью. Через два года юбилей будет, тридцать лет.

В этот вечер все шло по давно устоявшемуся в семье порядку, но Варвара Никодимовна не узнавала сегодня мужа. Он был угрюм, о чем-то думал, забывая про еду, и вздрагивал, когда она начинала говорить, тянулся ложкой к тарелке.

После ужина по привычке уселся перед телевизором, однако было заметно, что-то гложет его.

Ночью Борисенко не сомкнул глаз, а утром ни свет ни заря пошел копать картошку, хотя была суббота, а он в выходной любил поспать лишний часок. Выворачивая из земли огородными вилами картофельные гнезда, время от времени повторял почти неподвижными губами скошенного чуть вправо рта: «Для дачи

свидетельских показаний, для дачи показаний». А ведь он ждал этого вызова. Кагэбэшники просто так не побеспокоят, думалось ему. Что они там разнюхали в Минске, как вышли на него? Раскололся, что ли, кто-то? Тревогой отзывался вопрос — что они знают?

Борисенко остановился и огляделся. Тишиной и неподвижностью еще объят поселок, но кое-где уже поплыли из труб первые дымки. Небо ровно и чисто раскрашено синевой, вот-вот должно показаться солнышко. Он жадно втянул струю бодрящего воздуха, настоянного на полыни соседнего пустыря. Нда-а, жизнь. А он к ней так и не привык, как тот крот к свету, которого несколько минут назад насадил на вилы... Не на ту карту он тогда поставил, не на ту-у, ошибся. Ничего себе ошибочка — жизнь цена ей. Но кто тогда знал, чья выиграет. Кто? Неужто они его на удавку взяли? Тогда прощай, свет белый! А ведь думал, теперь-то уж все, проживет спокойно... Смотаться?.. Да не-ет, не могли. Не-ет, — старался Борисенко успокоить себя. Он чистый: нигде не был, ничего не знает. Борисенко не забыл свою легенду, которая в 1945 году в проверочно-фильтрационном лагере спасла его: был угнан на работы в Германию, работал на заводе, освобожден союзниками, немцам не служил. Кто может подтвердить? Такой-то и такой, вместе работали. Попробуй докопайся, что они, несколько человек, служившие вместе, сговорились и поклялись, что от легенды не отступят, никого не назовут. На этом он и будет стоять.

* * *

Ход мыслей Степанова был на время прерван появлением в кабинете Николая Андреевича Хохрякова, которого в шутку называл он не раз «крестным отцом». Хохряков давал ему рекомендацию при вступлении в партию, да и в общем-то теперешней своей работой Степанов был обязан ему.

— Поздравляю! — сказал Николай Андреевич бодрым голосом. — Говорят, крупную рыбину поймал, а?

— Ну, наговорят, — усмехнулся Степанов.

— Не скромничай.

— Моя заслуга тут маленькая, Николай Андреевич. Сообща решали задачу.

— Ну как! — возразил Хохряков. — Ты ведь организовал людей. — Немного задумавшись, он добавил: — Хотя да: в нашем деле без опоры на людей — ничего не сделаешь. — Он встрепенулся: — Так я ведь тебе сколько раз об этом говорил-

твердил. Помнишь?

— Как же, помню.

— Везде, Андрей Михайлыч, есть люди, которые идут нам на помощь. Везде, — проговорил убежденно Хохряков. — Но вот найти такого человека, которому можно довериться в деле, — искусство! Да. Овладел сей наукой?

— Не знаю, — развел руками Степанов и рассмеялся.

Николай Андреевич посмотрел на него пристально. Нравился ему этот капитан. Сколько он в управлении? Четыре года? А дела ведет такой сложности, которые иному и с десятилетним стажем не скоро поддадутся. «Нет, не ошибся ты, старина, в выборе», — польстил себе в мыслях Хохряков без всякого самодовольства.

— Я в органах с войны и скажу тебе, друг мой Андрей Михайлович, народ сейчас стал разный, очень разный. Потому и должны мы уметь работать с людьми как никогда прежде. Потому и важно не ошибиться в человеке, на которого делаешь опору. Если отношения сложились, значит, будет и отдача.

Лично у него отношения с Андреем Степановым сложились легко и сразу. Познакомились они и подружились шесть лет назад, в августе 1969 года. Тогда Хохряков выезжал по делам службы в Кунгур, где в прежние годы работал оперуполномоченным. Дела закончил в последний рабочий день недели, как и рассчитывал, впереди было почти полдня свободного времени и выходной. Редкое стечение обстоятельств, что спешить некуда.

Пообедав, Николай Андреевич вышел на знойную улицу. В воздухе висела прокаленная солнцем пыль, поднятая потоком машин. На берегу реки он присел в тени на скамейку. Здесь было посвежее. «На рыбалку бы», — мечтательно встрепенулось сердце. Рыбаком Хохряков был азартным, хотя и нечасто выпадало ему это удовольствие. «А что, это не из области недосягаемого», — подумал он и решил, что можно завернуть в Серьгу, где у него живет товарищ по прежней работе, теперь пенсионер Виктор Николаевич Рябов. Давно не виделись.

Через два часа Хохряков был уже в Серьге, а еще немного времени спустя они с Рябовым принялись готовить удочки, чтоб выйти на Сылву к вечерней зорьке.

Рябов заметно постарел, но не болел и был по-прежнему бодр и весел. Вдруг он нахмурился и заговорил извиняющимся тоном:

— Знаешь, Андреич, сосед уж не один день напрашивается со мной на рыбалку, а я обещал, неудобно получится. Может, взять его, а?

— Конечно, — согласился Хохряков.

— Видишь, у нас тут врач живет, молодой, после института

отрабатывает, — пояснил Рябов, — а у него братишка, инженер, в отпуске гостит, так вот его. Он парень мировой, весельчак. Тебе понравится, вот увидишь.

— Пригла-ша-ай, — пропел благодушно Хохряков.

— Андрей! Андрей-ей! — крикнул Рябов в сторону соседского двора, и когда тот отозвался, сообщил без пояснений:

— Собирайся!

Скоро во дворе появился коренастый, спортивного вида мужчина с живыми глазами, лет двадцати пяти, как определил Хохряков, и они втроем отправились на реку, где у хозяина была лодка-моторка.

Рыбалка удалась. Потом был костер на берегу, уха и разговоры на всю ночь. И обаятельный, интеллигентный Хохряков, который обладал даром располагать к себе людей, уже беседовал с Андреем, как со старым знакомым.

— Вот что, Андрей, как в Пермь вернешься, позвони мне. Дело у меня к тебе будет серьезное, — сказал на следующий день, прощаясь, Хохряков и, заинтриговав молодого человека, оставил ему свой телефон.

* * *

Из Минска Борисенко вернулся домой аж 25 сентября. Варвара Никодимовна не знала, что и подумать: уехал муж и как в воду канул. На работе люди расспросами замучили, а она знать не знает ничегошеньки. Уезжал встревоженным и беспокойным, даже руки дрожали, так волновался, хотя, заметила она, старался не выдавать своего состояния. Ее предложение поехать с ним резко отвергнул. Нет, неспроста его туда вызывали, что-то муж от нее скрывает.

И вот приехал. Она не узнала супруга, изменился он, выглядел усталым, был чем-то подавлен и удручен.

— Гриш, чего так долго ездил? — спросила она.

— Туда попасть легко, а вот вырваться трудно, — ответил он угрюмо. — Истопи-ка баньку.

— Можно было письмо написать... Ну, а чего вызывали-то?

— Фотографии разные показывали.

— Фотокарточки?! — изумилась жена простоте причины, по которой ездил Григорий в такую даль — с Урала в Белоруссию. — Какие? Зачем?

— Война там, видишь, была, — вздохнул он. — Где я раньше жил. Ну... Немцам служили... Некоторые... Ищут их все еще... Вот показывали, не знаю ли кого. Опознание называется. Истопи-ка

баньку-то иди, — снова попросил он уже резче.

Больше этого никто ничего от Борисенко не узнал: ни жена, ни дети, ни сослуживцы. Он старался еще меньше бывать на народе. Рад был бы, если б сняли с мастеров и перевели в простые рабочие, чтоб не ходить на планерки. Люди теперь, казалось, как-то по-особому присматриваются к нему, и он этого боялся. Когда планерка заканчивалась, Борисенко вставал первым и спешил покинуть помещение.

— Ишь Гришка, как из травилки выскочил! — сказал однажды бригадир Братчиков другому бригадиру, Шипицыну. — Заметил, как он изменился, когда ты стал рассказывать про немцев, как они к нашим солдатам относились?

— Не заметил, нет. Чего он изменился? — спросил Шипицын.

— Ну как, покраснел, лицо сделалось злым, неприятным, — поморщился Братчиков.

— Видишь, он ведь белорус. А там немцы страшные дела натворили. У него, говорят, будто бы никого не осталось от семьи. Вот он и молчун такой.

Перемены в облике Борисенко удивили жителей поселка: приехав из Минска, он в несколько месяцев сильно поседел, похудел, осунулся. Жена заметила, как настороженно относился он ко всякому приезжему человеку.

Долго не мог он отойти, почти полгода, но постепенно успокоился, к нему вернулась прежняя уверенность. Слава богу, кажется, миновало. Лишнего он вроде бы не сказал. Ищи теперь ветра в поле, тридцать один год как война закончилась. Он окончательно уверился, что на него никаких данных больше нет и бояться ему нечего.

В тот день, 9 июня 1976 года, он шел домой с работы в приподнятом настроении и сам дивился, откуда оно набежало, легко было на душе. Начиналось лето, славное времечко. «Поживем еще, значит», — усмехнулся он воспоминанию о неприятных днях.

Дома его поджидал следователь отдела госбезопасности Климов. Он вручил Борисенко новое приглашение приехать в Минск для уточнения некоторых деталей в свидетельских показаниях, взятых почти год назад. И в одну секунду к Борисенко вернулось состояние, которое он преодолевал несколько месяцев. Но потом успокоился, поразмыслив и уверяя себя, что за ним ничего нет.

— Гриш, чего-то у меня на сердце смурн***о***, — жаловалась Варвара Никодимовна, провожая мужа, и спрашивала: — Приедешь ли?

— А куда я денусь, приеду, конечно, — отвечал он.

Но приехать обратно Борисенко больше не пришлось: по прибытии в Минск ему было предъявлено обвинение в участии в карательных операциях и в массовом уничтожении мирных советских граждан в годы Великой Отечественной войны.

Весть эта будто хлыстом стеганула по всему поселку и взбудоражила его тихую, спокойную жизнь. Только и разговоров было об аресте Борисенко, больше всего недоумевали, что тридцать лет жили рядом с ним и не знали, кто он.

— Вот как замаскировался, гадина, а! — кричал раскряжевщик Гилев. — Я давно чувствовал, что нутром он гнилой! Сам гад, так ребят-то бы не плодил! Им-то вот как теперь жить? Как?

* * *

После знакомства с Андреем Степановым и общения с ним Хохряков сразу решил про себя, что место этого человека в органах государственной безопасности, что как раз такие люди нужны там, не излелеянные жизнью, не забалованные ею.

О чем только не переговорили они тогда возле ночного рыбацкого костра. Хохряков узнал, что Андрей собирается посвятить жизнь науке. Нет сомнения, он достигнет в ней многого. Парень мыслящий, творческий, с широким крутом интересов. Николаю Андреевичу думалось, что именно в оперативных органах Степанов сможет принести наибольшую пользу. Из него должен получиться стоящий работник. Характер подходящий, уравновешенный, выдержанный; чувствуется, что отзывчив, бескорыстен. Равнодушен к материальным благам. В себе уверен, волевой парень, настойчивый. Его место именно здесь. Увлечен наукой? Но в конце концов их работа во многом сродни научной: кропотливая, мыслительная.

Николай Андреевич тщательно обдумывал предстоящий со Степановым разговор; что он позвонит, Хохряков не сомневался, как и в том, что нелегко будет ему убедить Андрея в необходимости сделать иной жизненный выбор.

Степанов позвонил Николаю Андреевичу и, получив приглашение прийти, сразу отправился по названному адресу. Прочитав перед входом табличку, растерялся. Но Хохряков поджидал его в вестибюле и, увидев сквозь стеклянную дверь смущенного Степанова, вышел к нему. Добродушная улыбка Николая Андреевича успокоила Андрея.

Хохряков провел его мимо постового по коридору, пригласил в кабинет. Здесь он скинул плащ. Увидев на плечах своего нового

знакомого подполковничьи погоны, Степанов почувствовал, что краснеет, стыдно было, что при первой встрече так много наболтал о себе. Николай Андреевич с добродушным смехом протянул ему руку:

— Секретарь парткома управления — Хохряков.

Николай Андреевич, объяснив Андрею цель приглашения, долго беседовал с ним. Степанов был потрясен его умением убеждать. За какие-то несколько часов Хохряков силой своих доводов переориентировал его. Его, человека с характером, самостоятельного.

— Да-а, вы чекист, Николай Андреевич! — проговорил он в смятенном восхищении, взял предложенную бумагу и сел писать биографию.

Хохряков заметил противоречивость его чувств, но он понимал, что в данном случае это вполне естественная реакция, нужно какое-то время, чтобы свыкнуться с новыми мыслями.

> *«Я, Степанов Андрей Михайлович, родился в 1944 году в Перми. Отец работал сталеваром на заводе имени В. И. Ленина. Мать трудилась на одном заводе с отцом. Теперь оба на пенсии. Имею трех братьев. Школу-семилетку окончил в 1958 году и поступил в авиатехникум имени А. Д. Швецова, который окончил с отличием в 1962 году. Затем учился в Пермском политехническом институте, по окончании которого был направлен по распределению на пермский моторостроительный завод имени Я. М. Свердлова, где работаю в конструкторском бюро. Являюсь секретарем комсомольской организации КБ. Женат, имею сына четырех лет».*

Жизнеописание получилось коротким и от волнения не очень складным. Андрей возбужденно подергал себя за мочку уха. Чего бы можно еще добавить? Но не станешь же писать о том, думалось ему, как отец во время войны трижды убегал с завода на фронт, он рвался сражаться с фашистами, трижды его возвращали к мартену, потому что сталевары нужнее были здесь. Андрей предался беглым размышлениям о своей жизни, ничего особенного, знаменательного в ней он не находил. Ну, жили в бараке до 1948 года, пока завод не выделил им как семье одного из лучших рабочих индивидуальное жилье в аренду. Степановы получили кирпичный дом пять на шесть метров с двумя комнатками и кухней, с приусадебным участком.

Рос он с братьями в атмосфере каждодневного труда. Забот хватало на всех: кормились огородом, походами в лес за грибами и ягодами, рыбалкой, тем, что давали две козы. Отец почти не

занимался каким-то особым воспитанием, он был неустанным тружеником. Да и у них, ребятни, не было и минуты праздного безделья. Когда подросли, то сами построили отопление: поставили котел, протянули трубы. Возвели пристрой к дому.

Самостоятельные были. Андрей с четырнадцати лет обеспечивал себя средствами существования. А жилось еще трудновато, в техникум шел поступать в латаных штанах. «Разве об этом напишешь?» — усмехнулся Андрей. Они гордились, что не сидели на шее родителей. И взрослость свою доказывали не табаком или вином, а работой. Из четверых братьев ни один не научился курить. Вот спортом — да, с удовольствием занимались. Особенно горными лыжами. Все кручи на Архиерейке покорили. Он после даже за институт выступал, в Анапе в горах тренировался дважды. Знания ему давались, учился он легко. Особенно хорошо шли предметы, которые требовали пространственного мышления, строгого анализа.

Прочитав биографию Степанова, Хохряков предложил переписать ее: сделать поразвернутее, указав кое-какие подробности. После заполнения необходимых документов он посоветовал набраться терпения и быть готовым к переменам. Они распрощались.

Прошел год. За это время Степанов перешел работать в политехнический институт, на кафедру профессора Поздеева инженером-исследователем, начал готовиться в очную московскую аспирантуру. Но в августе 1970 года он получил официальный вызов в управление КГБ по Пермской области. Период подготовки документов закончился благополучно, и Андрея направили учиться на Высшие курсы.

* * *

Капитан Степанов часто теперь разговаривал с коллегами из Минска по прямой связи. Да, Борисенко — именно тот, кого они искали, каратель-изувер. В тот 1944 год, когда Андрюшка Степанов появился на свет, Борисенко, сатанея от крови соплеменников, злодействовал в Белоруссии. И в том, что их пути пересеклись через тридцать один год, Степанову виделось даже что-то символическое. Да, жизнь его складывалась так, будто предначертана судьбою была его встреча с Борисенко, преступником военного времени, которое взяло дань и с рода Степановых: на полях Великой Отечественной войны полегли два Андреевых дяди и дед. Теперь Андрею припомнилась поездка во время учебы в белорусский поселок Червень, что в полусотне

километров от Минска, на свадьбу к товарищу по курсам Косте Голубу.

Друзья приехали в военной курсантской форме. Тогда Андрею было невдомек, чем вызвано такое особое внимание и уважительное отношение к ним, хотя и гостям, но все-таки людям чужим, посторонним.

Костино объяснение врезалось в память своею простотой. За годы вражеской оккупации в Белоруссии от рук гитлеровцев и их прислужников пал каждый четвертый житель. Советская Армия принесла народу избавление от фашистского ига, от полного истребления, вот почему к человеку в военной форме здесь особое отношение, как к родному, даже через столько лет после войны.

Позже была поездка в Хатынь, потрясшая воображение. С жестокостью, не умещающейся в сознание, фашистские выродки истребляли советских людей в годы оккупации. Только в концентрационном лагере близ деревни Тростенец, недалеко от Минска, было уничтожено за три года более двухсот тысяч человек.

* * *

После разгрома фашистов в 1945 году в руки нашей армии-победительницы попали трофейные немецкие документы.

Изучая их, сотрудники Комитета государственной безопасности обнаружили ведомость на выплату денежного довольствия полицейским зондеркоманды 7а германской тайной полиции, в которую входил 11-й полицейский охранный батальон СС. Злодеяния его были хорошо известны: остались следы «работы», запечатленные военными кинооператорами после освобождения советскими войсками населенных пунктов, в которых зверствовали каратели, имелись акты государственных комиссий о злодеяниях оккупантов и их наемников, остались живыми свидетели кровавых похождений 11-го батальона СС. Теперь чекистам стали известны и некоторые фамилии палачей.

11-й батальон был специальным карательным формированием, созданным гитлеровцами из изменников Родины. Фашисты делали ставку на молодых парней. В кровавые дела их втягивали постепенно: вначале только караульная служба, участие в арестах — а «повязав», запугивали расправой со стороны советских органов правосудия, опутывали преступлениями, отрезая тем самым дорогу назад. Так одна, порой незначительная первоначальная уступка совести и чести

оборачивалась изменой своему народу, Родине, полным моральным вырождением.

Отобранные предатели прошли специальную подготовку, дали клятву верности фашистской Германии, были обмундированы в форму солдат войск СС, вооружены, включены в состав зондеркоманды 7а и посланы на истребление населения Белоруссии.

Под командованием гитлеровских головорезов они участвовали в боях с партизанами, сжигали заживо, расстреливали и уничтожали людей в специально оборудованных камерах — «душегубках», всех подряд, чтоб не осталось в живых ни одного свидетеля их страшных дел. Пощады не было ни женщинам с малыми детьми, ни дряхлым старикам и старухам. Сжигали населенные пункты, угоняли мирное население в фашистское рабство, грабили имущество.

Кровавый след тянулся за 11-м батальоном через несколько областей Белоруссии. Особо жестокие злодеяния числились за 3-й ротой этого формирования.

* * *

Приближался конец войны. Вместе с фашистами каратели 11-го батальона СС бежали в Германию, где хозяева принуждали их по-прежнему служить себе, пока в мае 1945 года изменники не были пленены войсками союзников и переданы советскому командованию. После войны, когда шла репатриация, многим из них удалось вернуться в Советский Союз. В проверочно-фильтрационных лагерях они скрывали свою причастность не только к карательным действиям, но и вообще к службе немцам. Ни во что ставя чужую жизнь, они любой ценой спасали свою шкуру. Зачастую присваивали вымышленные имена, фамилии, биографии. Проверить досконально и глубоко каждого возвращающегося на Родину человека тогда не было возможности, ибо на временно оккупированной немцами территории не сохранилось никаких архивов, все было уничтожено.

Те из фашистских пособников, кому при возвращении удалось избежать наказания, разъехались по стране и затерялись, осели подальше от мест, где проживали до войны, где вершили свои черные дела. Жили они неприметно и замкнуто.

Сотрудникам органов государственной безопасности было известно, что среди бывших военнопленных вернулась и часть военных преступников, скрывших свое прошлое и не понесших

наказания. Все эти годы не прекращалась кропотливая работа по их выявлению и поиску.

* * *

В начале 1975 года Степанова вызвал его непосредственный начальник.

— Андрей Михайлович, — сказал он, — в нашей области свыше миллиона человек в сельской местности, в леспромхозах проживают без паспортов. В похозяйственных книгах сельских Советов записи нередко производятся со слов прибывшего на жительство, а ведь наговорить можно что угодно. Не исключено, что в этой массе затерялись и военные преступники, ушедшие от суда. Теперь в стране начинается всеобщая паспортизация, и упустить такую возможность недопустимо. Мы запросили области, которые в годы войны подвергались оккупации, и предложили нашим коллегам свою помощь в поиске скрывшихся карателей. Списки таковых к нам уже поступают. Решено создать группу поиска из трех человек. Возглавите ее вы. Мы посоветовались и более подходящей кандидатуры не нашли. Сразу оговорюсь — работа предстоит нелегкая, установочных данных — минимум.

Не перечесть, скольким людям, потерявшимся в годы войны, помогло найти друг друга адресное бюро. С началом всеобщей паспортизации сюда стекался прописной материал с анкетными данными на каждого проживающего в области человека, получающего паспорт нового образца.

Андрей Михайлович Степанов встретился с работниками адресного бюро, провел с ними беседу и обратился с просьбой помочь в поиске военных преступников. Люди откликнулись безоговорочно. Помощь, которую без преувеличения можно назвать неоценимой, группе Степанова оказала старший инспектор адресного бюро Ирина Васильевна Пеплова, работник с огромным опытом.

Уходя от возмездия и заметая следы, военный преступник мог при заполнении учетного листка внести ложные сведения, дописать, подправить буквы в своей фамилии, поэтому в поисковой работе требовались максимальная внимательность, опыт, знание многих профессиональных тонкостей.

Тысячи и тысячи учетных карточек просмотрела Ирина Васильевна, выискивая и кропотливо сопоставляя необходимые сведения.

Прописного материала поступало около десяти тысяч

страниц в сутки, и все надо было без промедления, оперативно отработать, с сознанием того, что за каждой справкой стоит живой человек. Нелегко было осилить этот бумажный поток просто физически: от карточек кожа на пальцах шелушилась.

Среди прочих в списке, присланном минскими сотрудниками КГБ, значился каратель Борисенко, белорус, отчество неизвестно, год рождения между 1920-1925 годами. Под этой фамилией набралось около дюжины человек, данные о которых предстояло тщательно проверить, что и делала группа Степанова. Круг поиска постепенно сужался. Наконец остался один Борисенко, к которому полученные сведения подходили полностью за исключением только имени: разыскивался Георгий, в натуре имелся Григорий.

Степанов засомневался: тот ли это Борисенко? Оказалось, что прежде он уже проверялся, и подозрения не подтвердились. Тридцать лет трудился человек в одном леспромхозе, по работе характеризуется положительно, в быту тоже. Хороший семьянин, отец пятерых детей. Тут ни в коем случае нельзя ошибиться и бросить тень, обрушить подозрение на человека невиновного.

Была уже в практике Степанова — и на всю жизнь запомнилась — такая осечка, когда вроде бы все собранные данные совпадали со сведениями о лице, находящемся в розыске, и свидетельствовали о причастности человека к службе гитлеровцам. Дело шло к вызову и производству опроса. Но Степанова настораживало то, что уж слишком молод был каратель — 1928 года рождения, в 1943 году ему исполнилось всего 15 лет. И не числился он спецпоселенцем, приехал в Пермскую область по вербовке на работы. Степанов решил съездить в Брянскую область, туда, где подозреваемый жил до и во время войны. Приехал, а деревни нет, снесена. Немало труда стоило ему отыскать старожилов. Встречи с людьми, тонкая работа с ними подтвердили, что да, в 1941-1945 годах проживал такой парнишка в деревне, но с немцами он не сотрудничал...

Чист оказался человек. Не исключено, что кто-то воспользовался его биографией.

С каким облегчением в душе вспоминал после Степанов эту поездку, которая сняла висевшее над человеком подозрение. Нет, нельзя ошибиться и с Борисенко. Необходима дополнительная проверка, хотя интуиция и подсказывает, что вышел на разыскиваемого. Но интуиция — не более чем помощник в работе, пусть и хороший.

И старший оперуполномоченный Степанов послал в Минск несколько разных фотографий Борисенко. Его опознали уже арестованные каратели, служившие в 3-й роте 11-го полицейского

охранного батальона.

* * *

Когда Борисенко арестовали, он стал отчаянно открещиваться от службы фашистам. Твердил свою легенду, но, припертый неопровержимыми и ошеломительными для него фактами и уликами, одной из которых была немецкая ведомость на получение денежного довольствия полицейскими 3-й роты 11-го батальона, где стояли его фамилия и подпись, — кто бы мог подумать, что эта распроклятая бумажка попадет в руки чекистов, — Борисенко был вынужден признаться в службе фашистам, отрицая, однако, все, что возможно. Ссылаясь на давность лет, на плохую память, твердил, что забылись фамилии сослуживцев, номера формирований, в которых проходил службу. Но от допроса к допросу память его «улучшалась», он понял, что о нем знают гораздо больше, чем предполагал.

Борисенко Георгий (подлинное имя) Иванович родился в 1923 году в Буда-Кошелевском районе Гомельской области, белорус, образование 9 классов, служить немцам стал с осени 1942 года. К кровавым деяниям 11-го полицейского охранного батальона причастен лично в качестве военнослужащего 3-й роты.

Из протокола допроса Борисенко:

«Полицейские роты СС, в составе одной из которых я служил у оккупантов, дислоцировались в городе Бобруйске примерно с января по июнь 1944 года. В указанный период времени полицейские роты несли охрану заключенных Бобруйского лагеря, который находился на месте нашего расположения. В то же время проходили обучение. С нами проводились занятия по строевой, огневой и тактической подготовкам. Изучали материальную часть оружия. Занятия вели командиры взводов и отделений. Командир роты, как я припоминаю, Адельт и его заместитель Шульц — немец из Поволжья, хорошо владевший русским языком, занимались организацией и контролем их проведения. Кроме того, рота СС выезжала из Бобруйска на карательные операции по борьбе с советскими партизанами и местным населением в различные районы Белоруссии. Мы прочесывали лесную местность с целью выявления партизан, задерживали скрывавшихся в лесу советских граждан для отправки на работы в Германию, по убегающим стреляли...»

Из показаний свидетеля Ольги Борисовны Клещевой:

«Летом 1944 года я вместе с матерью, пятилетней сестрой и семилетним братом пряталась в лесу у деревни Очижа. Мне шел

тогда четырнадцатый год. Однажды карателям все же удалось нас выследить и поймать. Пригнали в деревню, заперли всех в одной хате, а потом повели расстреливать в сарай. Приказали всем раздеться и лечь на пол лицом вниз. Возле меня лежал старик. Он сказал: «Я, дочка, уже пожил на свете, а ты молодая, поэтому попробую заслонить тебя собою». Так я чудом осталась в живых. Ночью вылезла из-под трупов и спряталась...»

Из протокола допроса Борисенко:

«Я и другие полицейские взяли под охрану заключенных в количестве примерно около 500 человек и повели их в сторону Минска. Заключенных мы конвоировали без пищи и воды около двух суток... Шли быстро, некоторые из них выбивались из сил и не могли двигаться с колонной. Ослабевших пристреливали... Я следовал с левой стороны колонны по движению и видел, как находившийся в то время недалеко от меня Адельт выстрелом в голову из пистолета застрелил младенца у ослабевшей женщины. Она продолжала нести мертвого ребенка, тогда Адельт вырвал его из рук матери и бросил на землю...»

Пригнав заключенных Бобруйского лагеря в поселок Любин Пуховичского района, полицейские загнали их в сарай и на следующий день всех расстреляли. После расправы они подожгли постройки с трупами и вышли в направлении Минска. Вскоре прибыли в лагерь Тростенец.

Из протокола допроса Борисенко:

«В лагере содержались граждане еврейской национальности, которые размещались в бараках. Точно не помню, в день нашего прибытия или на следующий командир роты Адельт через переводчика приказал нам расстрелять узников, содержащихся в этом лагере»[11].

Заключенных выводили из бараков группами, загоняли их в большой сарай и расстреливали. Когда он заполнился трупами, убивали возле него на штабелях бревен. Борисенко принимал самое непосредственное участие в уничтожении обреченных советских людей. Полицейские «работали» не покладая рук весь день, происходило это за несколько суток до освобождения Минска нашими войсками.

Из протокола допроса Борисенко:

«После расправы над узниками лагеря полицейские ходили по территории лагеря и разыскивали ценности. Помню, в одном из сараев находились чемоданы, сумки с различными вещами, постельное белье. Когда я зашел туда, все было разбросано. В одном из чемоданов мне удалось обнаружить карманные часы иностранного производства, которые я забрал, и они у меня были около двух лет, а затем я их продал...»

С целью сокрытия совершенных злодеяний территория лагеря и трупы людей были облиты горючей жидкостью и подожжены...

Изменившие Родине, изменившие своему народу, навеки опозорившие свой род. Они приняли присягу на верность Гитлеру. Присягу, которую фашисты заставляли их скреплять кровью соотечественников.

Тридцать пять томов обвинительных материалов завершили нелегкую работу сотрудников Комитета государственной безопасности СССР по делу 11-го полицейского охранного батальона СС. 12 мая 1977 года Верховный суд Белоруссии приговорил десятерых карателей к суровому, но заслуженному ими приговору — высшей мере наказания.

Коллеги из Минска прислали Степанову ксерокопию приговора карателям, в том числе и Борисенко.

Андрей Михайлович ознакомился с документами, поднял дело Борисенко, чтоб подшить приговор, взял в руки фотографию карателя, сделанную еще до разоблачения, вгляделся внимательно в снимок: крупные решительные черты лица, тяжелый взгляд настороженных глаз. Внимание Степанова задержал широкий, чуть скривленный вправо рот Борисенко. Подумалось: а ведь все-таки не было у него нормальной, спокойной человеческой жизни, он находился в постоянном внутреннем напряжении, ожидании кары, зная, что не может быть ему прощения.

Степанов захлопнул дело. Нет, неспроста сказано в народе: «Береги честь смолоду». Как это важно — не запятнать себя даже перед лицом смерти. Да, это нелегко. Очень нелегко. Потому и нет цены поступкам людей, которые предпочли бесчестию ужасы концлагеря, а нередко и смерть...

Как бывало с ним в минуты глубокой задумчивости, Степанов остановил взгляд свой на спортивном призе, что стоял у него на столе: в гранях хрусталя мерцали радужные искорки радости, многоцветья жизни, чистота которой достается так нелегко. Андрей Михайлович знал, что каждый час, каждый день человеку за эту чистоту надо бороться.

Н. КОЗЬМА
По ориентировке Центра [12]

Александр Иванович вышел из дома и зашагал привычной дорогой на работу. Было начало ноября, утренний морозец совсем по-зимнему обжигал щеки, ветер раздувал праздничные флаги. Пермь готовилась отметить очередную годовщину Великого Октября.

Пешая прогулка всегда располагает к раздумьям. И теперь подполковник Тюриков, заместитель начальника подразделения КГБ СССР по Пермской области, вспоминал родной Суксунский район, свои дела и заботы в трудные пятидесятые годы. Тогда он был комсомольским работником. Недоставало опыта, знаний, но все это возмещали молодой задор, стремление к активным действиям. Были удачи, радости, были и огорчения. Однако плохое все-таки быстрее уходит из памяти, хорошее остается, причем надолго. Особенно запомнилась отеческая забота секретаря райкома партии Дмитрия Владимировича Романова, который умело и тактично учил комсомольского вожака искусству общения с людьми.

Предстоял рабочий день, и как-то незаметно мысли Тюрикова переключились на предстоящие дела. Он определил, по каким вопросам с утра переговорит с подчиненными, на что обратит особое внимание, чем займется сам, что согласует с начальником. Однако все планы пришлось изменить. Уже при входе в управление дежурный предупредил, что его ждет начальник подразделения Найденов. Наверняка что-то случилось. Обычно Василий Тимофеевич подчиненных в это время не беспокоил.

Ответив на приветствие, Найденов объяснил причину столь раннего приглашения:

— Предпраздничный «подарок» нам прислали. Поступил срочный документ из Центра.

— И что же в нем?

— По имеющимся в Комитете данным, — начал читать вслух Василий Тимофеевич, — житель города Перми ищет возможность связаться с иностранной разведкой и за деньги предложить свои услуги. Идет на это сознательно, в силу сложившихся убеждений. Для установления связи предлагает поместить объявление о пропаже собаки спаниель черного цвета в газете «Москоу ньюс» или в местных газетах 5, 15 и 20 числа.

— Какая-то информация еще есть?

— Весьма скудная. Вот, возьмите документ. Время не терпит,

сами прекрасно понимаете. Да и Центр будет контролировать нашу работу. Через два часа жду с предложениями. Лучше, если искать этого человека начнем немедленно.

Хорошо сказать — искать, а кого и как? С присущей ему скрупулезностью Александр Иванович изучил полученный документ. За свою почти двадцатилетнюю службу ему приходилось заниматься различными делами, распутывать сложные сплетения фактов, докапываться до истины. В большинстве своем это были конкретные события, явления, которые касались различных людей.

В данном случае совершенно иное дело. Все предположительно. Надо найти человека, о котором точных сведений нет. «Возможно, русский, в возрасте 20-30 лет, образование выше среднего, может располагать сведениями, представляющими интерес для противника, мог иметь или имеет какое-то отношение к заводу имени Дзержинского, в конце октября выезжал в Москву», Пожалуй, объявление в газете может быть хорошей зацепкой, но когда оно появится?

Кто он, этот человек, решивший предать Родину? Что он замышляет, чем располагает? Не укладывается в сознании, что молодой гражданин нашей страны намерен пойти на предательство.

Родина... Для Александра Ивановича она начинается с села Тис Суксунского района, где живут потомки рабочих Тисовского горного завода. Там прошло его детство. После гибели отца на фронте мать осталась одна с пятью детьми. Александру пришлось в то время прекратить учебу и пойти работать, чтобы помочь матери растить младших братьев и сестру. Немного времени оставалось для детских развлечений, но как приятно было летом порыбачить на Сылве, побродить по лесу с друзьями, а зимой покататься на лыжах.

...Через два часа Александр Иванович снова был в кабинете Найденова. Опыт, умение сосредоточиться, хорошая профессиональная подготовка позволили ему за короткое время продумать и наметить необходимые мероприятия.

— С чего думаете начинать? — первым был вопрос Василия Тимофеевича.

— По существу, мы уже начали. Дано указание установить подписчиков «Москоу ньюс». Правда, это трудоемкая работа да и «Объявленец» — так условно мы решили назвать того, кого необходимо найти, — может сам и не выписывать эту газету, а знакомиться с ней как член семьи или по месту работы. К тому же вообще под вопросом, может ли она поместить такое объявление. Что ж, будем устанавливать. А вот как организовать работу по

заводу, об этом хотелось бы посоветоваться с вами.

— Конечно, что касается завода, задачу поставим перед подразделением Виктора Петровича. В сообщении говорится: «возможно, имеет отношение к заводу Дзержинского». Не исключено, он дал ложный след. К тому же если человек задумал подлость, он не будет выбирать, какие секреты выдавать, а какие нет. Так что и по другим предприятиям надо принять меры по повышению бдительности.

— Другие пункты мы доработаем и будем организовывать их выполнение, группа сотрудников определена.

— Принимается. Согласую с начальником управления и окончательно определимся, кто будет придан вам в помощь. Может, и всем придется работать по этому делу.

В течение дня основные организационные вопросы были решены. Необходимо было выполнять запланированное. Александр Иванович с присущей ему основательностью инструктировал сотрудников. Подробно разъяснял задачу, интересовался, как каждый понимает ее, что предлагает сам.

Как обычно, чекисты рассчитывали на помощь и участие в деле советских людей. Проводились беседы с работниками предприятий и организаций города. Бдительные пермяки обращали внимание на недостатки, на упущения, которые могли привести к серьезным отрицательным последствиям, отмечали отдельные факты беспечности, халатности. Однако каких-либо сообщений о признаках враждебных намерений не было. Да и как выделить человека, который собирается совершить преступление, причем, как указывается в ориентировке, совершать обдуманно. В это время его поведение может быть безупречным.

Праздничные дни в Перми прошли торжественно и весело, трудящиеся после отдыха продолжали спокойно работать. Не было такого спокойствия у пермских чекистов. В праздники каких-либо чрезвычайных происшествий не было, но нет и каких-либо конкретных результатов в розыске «Объявленца».

Мысли о нем не давали покоя Александру Ивановичу. Обычно после праздников ему удавалось побывать на охоте. Не столько его радовали результаты охоты, сколько возможность полюбоваться родной уральской природой, подышать свежим воздухом, отвлечься на некоторое время от повседневных дел.

На этот раз обо всем этом нечего было думать. Даже всегда деятельный, неутомимый председатель секции охотников Владимир Егорович Терехин вынужден был ограничиться воспоминаниями об интересных охотничьих приключениях, да и то лишь во время коротких перерывов на обед. Его подразделение также было подключено к розыску. Тюрикову в течение уже

многих лет приходилось работать с Терехиным по различным делам. За это время всякое бывало. Признанный лидер на охоте, хороший товарищ, всегда готовый помочь в трудную минуту, в то же время принципиальный, что касается службы, Владимир Егорович нередко восставал против проведения отдельных мероприятий, если не был уверен, что они дадут конкретные результаты. Не раз приходилось спорить с ним. По этому делу — никаких возражений. Как опытный сотрудник Терехин понимал серьезность последствий в том случае, если «Объявленцу» удастся связаться с иностранной разведкой и передать ей какие-то сведения. Однако без юмора Владимир Егорович не мог даже в такой обстановке.

«В этом году не поохотимся, больше дичи будет в будущем сезоне», — успокаивал он Александра Ивановича.

Ежедневно обсуждались новые предложения, анализировалась поступающая информация. «Объявленец» оставался неизвестным.

К докладу на совещании у начальника управления Николая Ивановича Щербинина Александр Иванович готовился особенно тщательно. Во-первых, потому, что знал, как подробно будут рассматриваться результаты проведенной работы, во-вторых, после такого подробного разбора совместными усилиями будут определены пути дальнейших действий.

Общее положение дел руководство не интересовало, оно хорошо знало многие детали. На этот раз надо было доложить о работе по проверке заявлений, поступивших в управление. Это направление работы Александр Иванович постоянно контролировал сам, уделял ему большое внимание. Во многих делах бдительность советских людей помогала чекистам выявлять враждебные намерения тех или иных лиц, разыскивать преступников, предотвращать чрезвычайные происшествия.

В кабинете начальника управления, обставленном строго, без всяких излишеств, с большим столом, за которым обычно проходили совещания руководителей, портретом В. И. Ленина на столе и искусно сделанным подарком пермским чекистам от коллектива завода моторостроителей — моделью самолета, устремленного ввысь, еще больше чувствовалась ответственность за обеспечение государственной безопасности в области. В этих условиях лучше концентрируются мысли и часто возникают какие-то новые идеи. Уже во время подготовки к докладу Александра Ивановича особенно заинтересовало одно недавно поступившее заявление.

Докладывая на совещании, Тюриков не удержался и сказал:

— Мы уже почти нашли «Объявленца», как считают

некоторые сотрудники нашей группы.

— Давно рад бы услышать такое, да только что-то не верится, — последовало замечание начальника управления.

— Поступило заявление на Долгополова. Постоянно испытывал материальные затруднения, а в последнее время у него вдруг появились деньги и вещи иностранного производства. К тому же по ряду данных он похож на того, кого мы ищем. Никаких расхождений с ориентировкой.

— Вы уверены в этом?

— Факты еще не проверены, не изучены, но в то же время очень многое совпадает. Долгополов подходит по возрасту, образование имеет среднее, любит красиво пожить, стремится любыми способами добывать деньги. И такая еще деталь — в конце октября он выезжал в Москву и Ленинград.

— Эти данные заслуживают внимания, если нет ничего опровергающего.

— Вот именно, пока таких данных нет.

— Ну, что же, надо дополнительно проверить его поведение, причем не затягивая. Проконтролируйте, чтобы проверка велась с полной объективностью, взвесьте все «за» и «против».

— Я уже подключил опытного сотрудника Михаила Ивановича Новикова.

— Что из всего этого получится, еще неизвестно, а вы, мне кажется, несколько успокоились. По другим направлениям работа ведется недостаточно активно.

Александр Иванович и сам это чувствовал. Некоторые сотрудники недорабатывают, не всем хватает опыта. Молодые работники много тратят времени на решение, казалось бы, простых вопросов. А когда учить, если время, как всегда, не терпит. Только в процессе работы. Так же и ему приходилось учиться когда-то. В течение почти десяти лет Тюриков работал рядовым сотрудником, на практических делах прошел большую школу, овладел искусством оперативной работы. Молодые это чувствуют и часто обращаются к Александру Ивановичу за советом.

* * *

Прошло полмесяца напряженной работы. День 16 ноября был похож на другие. Погода менялась, на смену ранним морозам того года пришло потепление. Снег начал подтаивать, временами ярко светило солнце.

«Объявленец» не найден. Подозрения в отношении

Долгополова отпали. Махинациями он действительно занимался, из Москвы привез иностранные вещи, всем хвастался ими. Более того, выяснилось, что среди своих знакомых он выдавал себя за сотрудника органов госбезопасности. А в действительности оказался злостным неплательщиком алиментов. Информацию о его делах направили в милицию.

На очередном совещании было решено привлечь дополнительные силы, обратиться к ветеранам, чтобы они подключились к делу и оказали помощь в розыске.

Только что закончилась с ними беседа. Им много объяснять не надо, опыт есть опыт. Понимают с полуслова.

Оставшись один, Александр Иванович отложил дела, решил немного отвлечься. Вспомнилась учеба в Москве, память выделила то, что имело прямое отношение к делу. На занятиях отмечалось, что иностранные разведки не имеют в нашей стране социальной базы, считается трудным привлечь советского гражданина к антигосударственной враждебной деятельности. Поэтому западные спецслужбы не гнушаются иметь дело с неудачниками, неуживчивыми, алчными людьми, любителями легкой жизни. Может и «Объявленец» оказаться из такой категории.

Мысли прервал звонок прямого телефона начальника управления.

— Александр Иванович, вы читали сегодняшние местные газеты?

— Нет, товарищ генерал. Обычно оставляю на вечер.

— Напрасно. А кто же у вас контролирует возможное появление сообщения для «Объявленца»?

— Мы надеемся успеть принять меры, когда объявление появится.

— Срочно принимайте, оно уже появилось.

В местной газете за 15-е число, как и предлагал «Объявленец», было напечатано:

«Потерялась собака породы спаниель (самец).

Сообщите Кораблеву по адресу…».

Рассматривая это объявление, Василий Тимофеевич и Александр Иванович понимали, что недоработали.

— Законспирировались совсем! — невольно вырвалось у Найденова. — В редакциях заранее не побеседовали, кто и что должен делать в таком случае, четко не определили. Списки

владельцев собак окончательно не отработали. Однако потом разберемся, время терять не будем. Что предлагаете?

— Лучше, если я сам немедленно поеду в редакцию, а оперативную группу направим для изучения владельца собаки, если, конечно, имеется таковой.

— Согласен. Я буду на месте. При выяснении дополнительных данных немедленно сообщайте мне. Оперативная группа также будет поддерживать связь со мной. Мы должны быть готовы к появлению «Объявленца» по указанному адресу.

В редакции Александра Ивановича встретили с пониманием. Ему подробно объяснили порядок приема объявлений. В отношении объявления, которое его заинтересовало, ничего на первый взгляд подозрительного. 11 ноября приходил пожилой человек. В редакции запомнили, что на нем были очки в медной оправе. Квитанция выписана на фамилию Кораблев.

Оперативная группа установила, что семья Кораблевых действительно проживает по указанному адресу. Муж и жена — оба пенсионеры. Борис Васильевич Кораблев — заслуженный человек, ветеран войны, постоянный житель города Перми, до выхода на пенсию длительное время работал на заводе. Соседи часто встречали его гулявшим со своим спаниелем. Последнее время собаки не видно — похоже, она потерялась.

В личной беседе с Борисом Васильевичем все подтвердилось в отношении собаки и объявления. Но неожиданно вскрылся факт, который очень встревожил. В день выхода газеты в 12 часов 20 минут (время Кораблев запомнил точно, собирался в магазин и взглянул на свои ручные часы) их квартиру посетил неизвестный, лет тридцати, среднего телосложения. Пробыл он у Кораблевых совсем недолго, поинтересовался, не черной ли масти потерявшийся спаниель. Получив отрицательный ответ, сразу ушел.

После такой информации оставалось только «кусать локти». А вдруг это «Объявленец» дал о себе знать? Кроме того, настораживали и такие данные: газета из печати выходит в 13 часов, в продаже появляется только в 15, а неизвестный был на квартире Кораблевых в начале 13-го. Как же он узнал об объявлении? Возможно, он знаком с кем-то из редакции, а может, там и работает?

Возникли новые вопросы, но в какой-то степени и подтверждение ориентировки Центра налицо. Значит, есть реальный человек, который ждет объявления и примерно такого, которое давал Кораблев. Как все-таки они оплошали! Упустили инициативу из своих рук. Любая ошибка вызывает переживания.

Не в правилах Александра Ивановича искать оправдание, надо обдумать все основательно. В такие моменты вспоминается гражданская работа: преподавательская деятельность в Суксунском педучилище после окончания исторического факультета Пермского пединститута, комсомольская работа в Суксунском райкоме. Там, на гражданке, было проще. Если ошибся и сделал что-то не так, можно было тут же исправить. В чекистской работе исправлять значительно сложнее, а часто и вообще невозможно. В данном случае серьезных последствий не наступило, но реальный шанс выйти на человека, которого они ищут, упущен. Был ли у Кораблевых «Объявленец» или кто-то другой, выяснить не удалось.

Были и еще похожие объявления в газетах. По одному из них Тюрикову пришлось выезжать в Ижевск, беседовать с владельцами черного спаниеля Дробышевыми. Их собаку нашли в Перми, и по этому поводу опубликовали объявление. Как и в других случаях, были приняты соответствующие меры, но никто к Дробышевым не приходил, собакой не интересовался. Разные были предположения. Может, «Объявленцу» стало что-то известно о действиях чекистов? Может, он отказался от этого способа установления связи, нашел уже другой? А что, если он отступился от своих намерений? Последнее было бы лучшим исходом, но это тоже надо было доказать.

* * *

В напряженной работе прошел декабрь. Тюриков постоянно обсуждал с работниками своего подразделения результаты поиска «Объявление». Совместными усилиями определяли, над чем следует работать в первую очередь. Сотрудник Сухарев во время доклада сообщил о звонке своего знакомого по институту, который рекомендовал заняться неким Майером, высказывающим эмиграционные намерения, восхваляющим западный образ жизни. Михаил Николаевич Сухарев, опытный оперативный работник, хорошо знал, что ему делать дальше по поступившему заявлению. С его предложениями Александр Иванович согласился полностью, попросил только не затягивать проверку.

Вызванный на беседу сотрудник Авдеев говорил в основном о том, что проделано и, по существу, интереса уже не представляло. Александр Иванович вынужден был прервать его и прямо поставить вопрос:

— Что выяснено за последнее время?

Несколько замявшись, Авдеев ответил:

— Пока ничего серьезного. Разве только информация Орлова. Но она так малозначительна, что есть сомнения, стоит ли ее принимать во внимание.

— Что за информация?

— В отношении некоего Пучкова. Он некоторое время работал по совместительству в ремонтной мастерской и запомнился там как человек, стремящийся побольше получить, но поменьше поработать.

— И больше никаких сведений?

— Один из работников этой мастерской отметил несколько повышенный интерес Пучкова к условиям жизни за границей. Больше ничего неизвестно, там он уже не работает.

— Действительно, немного данных. Кто же не хочет побольше заработать? Попрошу установить, где он работает постоянно, выяснить, как он там себя проявил, и завтра доложить.

В ходе проверки стало известно, что Пучков Алексей Иванович работает диспетчером в аэропорту, в личном деле на него положительные характеристики, хотя отдельные нарушения по работе есть.

Доложили Тюрикову и в отношении Майера. У него есть родственники за границей, с которыми он встречался во время пребывания их в качестве туристов в Советском Союзе.

Опять тупик. Пучков большого интереса не представляет. Майер имеет родственников за границей. Если встречался с ними, то зачем ему искать встречи с иностранцами. В октябре никуда не выезжал, да и возраст не совпадает, ему уже под сорок.

Однако не в характере Александра Ивановича оставлять хотя бы малейшие сомнения. Решили продолжить изучение того или другого.

В отношении Майера вскоре все стало ясно: намерен обращаться за разрешением выехать за границу к родственникам.

Полученные дополнительные данные в отношении Пучкова настораживали. При более подробных беседах с работниками диспетчерской службы выяснилось, что к работе он относится наплевательски, систематически допускает нарушения служебной дисциплины, по его вине дважды возникали предпосылки к опасному сближению самолетов. За эти серьезные нарушения его разбирали в коллективе и наказывали. Кроме того, другие данные, о которых доложил неторопливый, но всегда рассудительный Петр Трофимович Лобанов, указывали на сходство его с «Объявленцем». Пучков после армии некоторое время работал на заводе имени Дзержинского, его возраст соответствует указанному в ориентировке, образование тоже подходит. Установлено, что в конце октября он по личным делам

выезжал в Москву. Кораблев по фотокарточке опознал, правда не совсем уверенно, в Пучкове человека, который интересовался черным спаниелем.

Но не стоит обольщаться. В жизни нередко бывают и не такие совпадения. Не верится, что человек, выросший в нормальной трудовой семье, задумал предательство. Есть много положительного в не очень большой биографии Пучкова. Трудиться начал после восьми классов, работал на заводе, одновременно учился в вечерней школе, в возрасте пятнадцати лет стал заниматься в аэроклубе, где неплохо проявил себя. Прошел службу в Советской Армии. Демобилизовался, работа на заводе не удовлетворила, поехал на север за длинным рублем. Там зарабатывал хорошо, жил один, в средствах не нуждался, пристрастился к спиртному. По настоянию отца вернулся в Пермь. Получать стал меньше, а привычка жить на широкую ногу осталась. Друзья, собутыльники, веселое времяпровождение — все это действовало отнюдь не положительно. Испортились взаимоотношения с женой, родителями. Замечания по работе начал воспринимать болезненно, свое поведение стал оценивать некритически, с мнением коллектива не считался. Попытка вновь поехать на север тоже оказалась неудачной — такие работники там не нужны. Решил, что его не ценят.

А ведь все зависело только от него. Родные готовы были оказать любую помощь, коллектив подсказывал, надеялся, что он исправится, но этого не произошло.

Александру Ивановичу опять вспомнилось военное и послевоенное время — пора его юности. Нелегко приходилось тогда и его сверстникам. Жизнь на одну стипендию в студенческие годы, совсем небольшой заработок в начале трудовой деятельности. И, несмотря ни на что, большая жажда знаний, стремление хорошо трудиться — эти качества были характерны для большинства представителей его поколения. Деньги и тогда имели значение, но не были главным в жизни. Когда Тюрикова рекомендовали на комсомольскую работу, он постеснялся сказать, что получать будет наполовину меньше, чем в школе. За хороший труд и личную скромность его уважали комсомольцы района. Заметили и чекисты, он соответствовал их требованиям: выдержанный, настойчивый, трудолюбивый. Предложение о зачислении на службу Тюбиков воспринял как положено коммунисту, хотя и жаль было покидать родные места.

Из всего этого складывалась преданность делу, любовь к Родине.

И каждый раз, встречаясь с враждебными проявлениями,

Александр Иванович не мог до конца понять, что могло так сильно повлиять на человека, чтобы он стал на путь вредительства, причем в наше время. Не верилось, что и Пучков окажется таким. Но факты есть факты.

Имеющиеся на Пучкова материалы было решено направить в Центр для сопоставления с данными о человеке, предлагавшем свои услуги иностранной разведке.

Ответ ждать пришлось недолго, он оказался утвердительным.

К начальнику управления они зашли вдвоем с Василием Тимофеевичем, который и доложил о содержании полученного ответа.

— Мне уже звонили из Москвы, — сообщил Николай Иванович. — Сказали — молодцы, пермяки! Спасибо вам за работу, товарищи!

— Служим Советскому Союзу! — четко ответили оба.

— Надо поблагодарить всех, кто активно участвовал в розыске, а лучших представить к поощрению. Особенно надо отметить практиканта Орлова, вышедшего на Пучкова. В вашем подразделении он проходил практику? — обратился начальник управления к Александру Ивановичу.

— Так точно! — ответил кратко тот. А мог бы и добавить, что в текучке дел он все же находил время побеседовать с практикантом, лично инструктировал его, когда было принято решение привлечь Орлова к розыску «Объявление».

— Хорошее пополнение приходит в наше управление, из Орлова должен получиться настоящий оперативный работник. А теперь другая задача. Как вы думаете, связался Пучков с разведкой или нет?

— Думаем, что не успел, не имел возможности. За последнее время в его поведении каких-либо серьезных изменений не произошло, — ответил Василий Тимофеевич.

— А чем он может располагать? Может ли им заинтересоваться разведка?

— Наверняка она не упустит такую возможность. Ему известны сведения, передача которых нанесет серьезный ущерб нашему государству. Во время службы в армии он был допущен к серьезным секретам. В настоящее время прямого интереса к секретным сведениям с его стороны не зафиксировано, но в беседах по важным вопросам он всегда стремится участвовать, причем нередко сам старается рассказать что-нибудь интересное, чтобы вызвать на ответную откровенность собеседника. К сожалению, некоторые его сослуживцы и знакомые попадают на этот прием и рассказывают в его присутствии то, что должны хранить в тайне. Отмечена и такая деталь. Обычно не

проявляющий никакой заботы о домашних делах, не участвующий в заготовке продуктов, Пучков вдруг оказался заядлым грибником. Осенью несколько раз выезжал с друзьями из города, в места, где расположены военные объекты.

— Это уже серьезные признаки. На данном этапе пусть непосредственно подключаются следователи, чтобы все выяснить в строгом соответствии с требованиями закона. Указание такое им я уже дал.

— Разрешите идти, товарищ генерал?

— Разрешаю отдохнуть один день и хорошо отпраздновать со своими семьями день Восьмое марта. От имени руководства поздравьте своих жен с их праздником, они у нас заслуживают большого внимания.

Хорошо сказать, отдохнуть, когда не можешь быть уверен, что предательство не состоялось. Одно успокаивает — человек с такими намерениями известен, его действия будут контролироваться.

Предстояла не менее сложная и ответственная задача — установить, было совершено преступление или нет, какие могут быть последствия. Если да, нужны доказательства, конкретные факты. Если же Пучков не успел это сделать, но не отказался от своих намерений, надо предотвратить или пресечь преступные действия. А как это сделать? Этот вопрос волновал Александра Ивановича. Необходимо изучить и проанализировать поведение, образ жизни, действия Пучкова.

Насколько это словно, Александр Иванович хорошо представлял и как опытный контрразведчик знал, что предстоит большая, кропотливая работа.

Дополнительные беседы, проведенные с сослуживцами Пучкова, подтвердили имеющиеся сведения. Отмечена его неискренность. Свою вину может свалить на другого, часто ведет себя развязно, с мнением товарищей и коллектива не считается.

Работники аэропорта Журавлев и Семенова обратили внимание, что Пучков всегда старается вступить в разговор, если речь заходит о промышленных предприятиях.

Были найдены и компаньоны, с которыми он выезжал в район расположения воинской части. Ими оказались инженеры Бояршинов и Токарев. Они подтвердили, что инициатором поездки в тот район был Пучков, уверявший, что там много грибов. Во время пребывания в районе расположения части они ничего особенного не заметили, кроме нескольких автомашин, проследовавших по дороге в часть.

Становилось яснее, кто такой Пучков. Но как получить ответы на поставленные вопросы? Косвенные подтверждения его

преступных намерений есть, но он, видать, неглупый человек, каких-либо следов не оставляет, действует осторожно. Его интерес к промышленным предприятиям и военным объектам можно ведь толковать двояко: и как специальный, и как просто обывательский.

Даже при наличии установленных данных Тюрикову не верилось, что Пучков пойдет на предательство. Хотелось, не откладывая, предотвратить преступление, если оно еще не довершено. Надо вызвать Пучкова. Александр Иванович был уверен, что сможет повлиять на него. А если он уже попал в сети западных спецслужб? Тогда убеждать уже поздно, надо наказывать.

Беседа все-таки состоялась. Помогла скрупулезность Тюрикова. Внимательно просматривая список знакомых Пучкова, он обратил внимание на фамилию Смолин. Оказалось, это сотрудник управления, который когда-то знал Пучкова по совместным занятиям в аэроклубе. После этого они длительное время не встречались, и Пучков мог не знать, что Смолин работает в органах госбезопасности. Решили рискнуть и направили Смолина на встречу с Пучковым.

Из рапорта Смолина:

«Как и рекомендовалось, 20 марта в аэропорту встретил Алексея Пучкова. Он выразил удовлетворение встречей, пригласил пообедать, поговорить. Вначале разговор касался аэроклуба, общих знакомых, затем, по инициативе Пучкова, перешел на тему о работе. Он подробно рассказал, чем занимается. Пожаловался, что его не ценят. Заявил, что мог бы выполнять более сложную работу и соответственно больше зарабатывать. С раздражением говорил об отказе в переводе на север страны.

Рассказав о себе и считая, что я работаю на прежнем месте, конструктором на заводе, стал расспрашивать о моих делах. Общие ответы явно не удовлетворяли.

В ходе беседы подчеркивал, что у него много знакомых, в том числе из числа военнослужащих.

С большим скептицизмом говорил о мероприятиях, которые предпринимаются правительством по улучшению жизни советских людей. Заявил, что «нам далеко до Запада».

За прошедшее после нашей последней встречи время (около четырех лет) Пучков очень изменился. Нет той целеустремленности, как прежде, появилась нервозность, много говорит о себе. В средствах ограничен, на предложение оплатить обед охотно согласился...»

Все сходилось на том, что Пучкову еще не удалось связаться с

разведкой, но своих намерений таким образом «заработать» он не оставил. Ждать, когда он это сделает, не в правилах чекистов. Основная задача — не наказать преступника, а предотвратить преступление, предотвратить тот ущерб, который может быть нанесен государству.

На очередном заседании у начальника управления было принято решение готовить материалы для вынесения Пучкову официального предостережения.

Из Центра был получен документ, подтверждающий обращение Пучкова к иностранной разведке с предложением за деньги выдавать секретную информацию. Имеющиеся материалы свидетельствовали, что он готовится к этому и, если представится такая возможность, не упустит ее.

Прокурор санкционировал вынесение Пучкову официального предостережения.

Будут потом и другие дела у Александра Ивановича, но это почему-то запомнится больше всех. Наверное, потому, что преступление было предотвращено. Это самый лучший результат в работе чекистов.

Увеличится и количество наград у Тюрикова. Ко многим медалям и ордену Красной Звезды добавится и дорогой каждому чекисту знак «Почетный сотрудник органов государственной безопасности».

Выйдя на заслуженный отдых, Александр Иванович осуществит свою заветную мечту — займется сбором материалов по истории своего родного края, Тисовского горного завода. Умение на основе незначительных фактов докапываться до истины и тут ему пригодится. Он установит, что его родной поселок Тис был основан выходцами с Волги, которые в давние времена переселились на Урал, освоили и полюбили этот суровый, но красивый край.

notes

Примечания

Позднее комитет был переименован в Пермскую губернскую чрезвычайную комиссию.

2

Теперь Верещагино, в 120 километрах к западу от Перми.

3

Партийный архив Свердловского обкома КПСС, ф. 41, оп. 1, д. 667, л. 103-104.

4

Пермская губерния в этом смысле не была каким-то исключением. «После революции 25 октября (7 ноября) 1917 г. — писал В. И. Ленин, — мы не закрыли даже буржуазных газет, и о терроре не было и речи. Мы освободили не только многих министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова. Лишь после того, как эксплуататоры, т. е. капиталисты, стали развертывать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора» (Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 113-114).

5

Н. Г. Толмачев пал в бою под Петроградом в 1919 году.

Оправившись от тяжелой болезни, Ф. Н. Лукоянов занимал в Москве ряд ответственных партийных и государственных постов, работал в центральных органах советской печати. Умер в 1947 году в Перми.

6

Операцию по розыску немецкого агента Ворсина автор подробно описал в очерке «Небесный» капитан», который был опубликован в книге «Подвиг пермских чекистов» (Пермь, 1982 г.)

7

Гальдер Ф. Военные дневники. — М., 1971. — Т. 3, кн. 2. — С. 120.

Некоторые фамилии в очерке изменены.

9

Несколько больший обыкновенного костыль для крепления рельсов к шпалам. Применяется обычно весной, когда путь «пучит».

10

Поскольку очерк посвящен конкретному человеку, автор приносит извинения тем сотрудникам, также принимавшим участие в расследовании крушения пассажирского поезда летом 1964 года, чья деятельность не нашла должного отражения в данной публикации.

11

Государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний фашистских захватчиков в городе Минске было засвидетельствовано, что в лагерь в районе деревни Тростенец свозились и там поголовно уничтожались советские патриоты и лица еврейской национальности.

Некоторые фамилии в очерке изменены.